

Голсуорси Джон

Вилла Рубейн

Джон Голсуорси
Вилла Рубейн
Перевод Д. Жукова.

I

Эдмунд Дани и Алоиз Гарц прогуливались по берегу реки в Боцене.

- Хотите, я познакомлю вас с семейством, которое живет в вилле Рубейн, в том розовом доме? - спросил Дони.

- Пожалуй, - улыбнувшись, ответил Гарц.

- Тогда пойдемте сегодня.

Они остановились возле старого дома, который имел запущенный, нежилой вид и стоял на отшибе у самой дамбы; Гарц толчком распахнул дверь.

- Заходите, - сказал он, - завтрак от вас не уйдет. Сегодня я буду писать реку.

Он взбежал по широким ветхим ступеням, а Дони, подцепив большими пальцами проймы жилета и высоко задрав подбородок, медленно последовал за ним.

В мансарде, занимавшей весь чердак, у самого окна, Гарц пристроил холст. Это был молодой человек среднего роста, широкоплечий, подвижный. У него было худое лицо, выдающиеся скулы, мощный, резко очерченный подбородок, зоркие серо-голубые глаза, очень подвижные брови, длинный, тонкий нос с горбинкой и шапка темных густых, не разделенных на пробор волос. Судя по его костюму, ему было все равно, как он одет.

Комната, которая служила ему одновременно мастерской, спальней и гостиной, была скудно обставлена и грязна. Под окном широким потоком цвета расплавленной бронзы неслись по долине полые воды реки. Гарц то подходил к холсту, то удалялся от него, словно фехтовальщик, выбирающий позицию, наиболее удобную для выпада. Дони присел на какой-то ящик.

- Снег в этом году таял очень бурно, - проговорил он. - Тальфер стал совсем коричневым, а Ейзак - голубым; они сливаются в зеленый Эч; ну, чем вам не весенняя символика, господин художник!

Гарц смешал краски.

- Нет у меня времени на символику, - сказал он, - и вообще ни на что его нет. Знай я, что проживу девяносто девять лет, как Тициан... Вот он еще мог бы позволить себе такую роскошь! Возьмите того беднягу, что погиб на днях! Никак он не хотел сдаваться и все же на излучине!..

По-английски он говорил с иностранным акцентом; голос у него был грубоватый, но улыбка очень добрая, Дони закурил.

- Вы, художники, - сказал он, - находитесь в лучшем положении, чем большинство из нас. Вы можете идти своим путем. Ну, а если я попытаюсь лечить необычным способом и пациент умрет, то моя карьера на этом закончится.

- Мой дорогой доктор, если я не буду писать того, что нравится публике, то мне придется голодать; но я все равно хочу писать по-своему; и в конце концов добьюсь успеха!

- Пожалуй, друг мой, если идти по проторенной дорожке, пока составишь себе имя, то это окупится сторицей; а потом, что ни делай, тебя все равно будут восхвалять.

- Да вы не любите своей профессии.

- Я бываю счастлив только тогда, когда мои руки заняты делом, - пояснил Дони. - И тем не менее я хочу стать богатым и известным, жить в свое удовольствие, курить хорошие сигары, пить отличное вино. Убогое существование не по мне. Нет, друг мой, лечить я буду, как все; и хотя мне это не нравится, стенки головой не прошибешь. В жизнь вступают с определенными, представлениями об идеале... С ними я уже расстался. Приходится проталкиваться вперед, пока не будет имени, а тогда, мой мальчик, тогда...

- А тогда у вас выйдет весь запал! Дорого же вам обойдется такое начало!

- Приходится рисковать. Другого пути все равно нет.

- Есть!

- Гм!

Гарц поднял кисть, как копьё.

- Себя не надо щадить. А пострадать придется... Что ж!

Дони потянулся всем своим большим, но не мускулистым телом и оценивающе взглянул на Гарца.

- Упорный вы человек! - сказал он.

- Приходится быть и упорным.

Дони встал. Кольца табачного дыма вились вокруг его прилизанной головы.

- Так как же насчет виллы Рубейн? - спросил он. - Зайти за вами? Народ в этом семействе самый разный, в основном англичане... Очень милые люди.

- Нет, спасибо. Буду писать весь день. У меня нет времени водить знакомство с людьми, для посещения которых надо переодеваться.

- Как хотите!

И, расправив плечи, Дони исчез за одеялом, закрывавшим дверной проем.

Гарц поставил кастрюльку с кофе на спиртовку и отрезал себе хлеба. Сквозь окно веяло утренней свежестью, пахло древесными соками, цветами и молодыми листочками; пахло землей и горами, пробудившимися от зимнего сна; доносились новые песни повеселевших птиц - в окно врвалась душистая, беспокойная волшебница-весна.

Вдруг в дверь проскочил белый жесткошерстный терьер с черными отметинами на морде и косматыми рыжими бровями. Он обнюхал Гарца, сверкнул белками глаз и отрывисто тявкнул.

- Скраф! Противная собака! - позвал юный голосок.

На лестнице послышались легкие шаги, издали донесся тонкий голос:

- Грета! Не смей подниматься туда!

В комнату скользнула девочка лет двенадцати с длинными белокурыми волосами под широкополой шляпой.

Голубые глаза ее широко раскрылись, личико покраснелось. Черты его не были правильными: скулы выдавались, нос был толстый, но подкупало его выражение - простодушное, задумчивое, лукавое и немножко застенчивое.

- Ой! - вырвалось у нее.

Гарц улыбнулся.

- Доброе утро! Это ваша собака?

Она не ответила и только немного смущенно глядела на него; потом она подбежала к собаке и схватила ее за ошейник.

- Скраф! Противный... гадкий-прегадкий пес! Она склонилась над собакой, поглядывая на Гарца из-под упавших локонов.

- Вовсе нет! Можно дать ему хлеба?

- Нет, нет! Не давайте... Я побью его... и скажу ему, какой он гадкий, больше он не будет себя так вести. И еще дуется; у него всегда такой вид, когда он дуется. Вы здесь живете?

- Временно. Я приезжий.

- А мне показалось, что вы здешний. У вас выговор такой.

- Да, я тиролец.

- Сегодня утром я должна говорить только по-английски, но я не очень люблю этот язык... потому что я наполовину австрийка, и немецкий мне нравится больше; но моя сестра Кристиан - настоящая англичанка. А вот и мисс Нейлор. Ох и задаст она мне сейчас!

И, указав розовым пальчиком на вход, она снова жалобно взглянула на Гарца.

В комнату подпрыгивающей, птичьей походкой вошла пожилая маленькая женщина в сером саржевом платье, отделанном узкими полосками бордового бархата; на груди ее болтался на стальной цепочке большой золотой крест; она нервно стискивала руки, затянутые в черные лайковые перчатки, довольно потертые на швах.

У нее были преждевременно поседевшие волосы, быстрые карие глаза, кривоватый рот, а голову она держала, склонив набок; на ее добром узком и длинном лице застыло извиняющееся выражение. Ее несвязные и отрывистые фразы звучали так, будто были на резинках и втягивались назад, как только она их произносила.

- Грета, как ты можешь! Что скажет твой папа! Право, не знаю, как... так неловко...

- Что вы, что вы! - утешил ее Гарц.

- Идем сейчас же... извините... так неудобно!

Все трое стояли: брови Гарца то поднимались, то опускались; маленькая женщина нервно теребила свой зонтик; Грета покраснела, надула губки и с глазами, полными слез, накручивала на палец белокурый локон.

- Ой, глядите!..

Кофе закипел и убежал. По стенкам кастрюльки, шипя, текли тонкие коричневые струйки. Собака, опустив уши и поджав хвост, стала носиться по комнате. Все трое сразу почувствовали себя легко и свободно.

- Мы очень любим гулять по дамбе, и вот Скраф... вышло так неудобно... Мы думали, здесь никто не живет... ставни потрескались, краска облупилась. Вы давно в Боцене? Два месяца? Подумать только! Вы не англичанин? Тиролец? Но вы так хорошо говорите по-английски... прожили там семь лет? Неужели? Как это кстати! Грета сегодня говорит только по-английски.

Мисс Нейлор метала смущенные взгляды под крышу, где перекрещивались балки, отбрасывая глубокие тени на беспорядочную кучу кистей, инструментов, мастихинов и тюбиков с красками, лежавшую на столе, сколоченном из ящиков; на большое окно без стекол, доходившее до самого пола, где еще сохранился обрывок ржавой цепи - память о том времени, когда на чердаке была кладовая. Она поспешно отвела взор, увидев на холсте незаконченную обнаженную фигуру.

Грета, скрестив ноги, сидела на пестром одеяле, размазывала пальцем лужицу кофе и поглядывала на Гарца. А он думал: "Хорошо бы написать ее вот так. И назвать "Незабудки".

Он взял мелки, чтобы сделать набросок.

- А мне вы будете дать посмотреть? - закричала Грета и вскочила.

- "Дадите", Грета... "дадите посмотреть", сколько раз говорить тебе? Думаю, нам пора идти... уже поздно... твой папа... вы очень любезны, но я думаю, нам пора идти. Скраф!

Мисс Нейлор топнула ногой. Терьер попятился и столкнул большой кусок гипса, который свалился ему на спину и так напугал несчастного пса, что тот пулей вылетел за дверь.

- Ach, du armer Scuffe! {Ах, бедный Скраф! (нем.)} - закричала Грета и бросилась за ним.

Мисс Нейлор пошла к двери. Поклонившись, она пробормотала извинение и тоже исчезла.

Гарц остался один, его гости ушли. Маленькая белокурая девочка с глазами, как незабудки, маленькая женщина с приятными манерами и птичьей походкой, терьер. Он обвел взглядом комнату - она казалась совсем пустой. Закусив ус, он выругал упавший гипс. Потом он взял

кисть и встал перед холстом. Гарц то улыбался, то хмурился, но вскоре забыл обо всем и с головой ушел в работу.

II

Четыре дня спустя Гарц рано утром не спеша брел домой. Тени облаков скользили по виноградникам и исчезали в путанице городских крыш и зеленых шпилей. С гор дул свежий ветер, ветви деревьев раскачивались, снежинками осыпались лепестки запоздавших цветов. Среди нежных зеленых сережек жужжали майские жуки, и на дорожке всюду виднелись их коричневые тельца.

Гарц прошел мимо скамейки, на которой сидела и рисовала какая-то девушка. Порыв ветра швырнул ее рисунок на землю; Гарц подбежал, чтобы подмять его. Девица наклонила голову в знак благодарности, но когда Гарц повернулся, чтобы идти, разорвала рисунок пополам.

- Зачем вы это сделали? - спросил он.

Держа по куску разорванного рисунка в каждой руке, перед ним стояла хрупкая и стройная девушка с серьезным и спокойным выражением лица. Она смотрела на Гарца большими ясными зеленоватыми глазами; в выражении ее губ и в упрямо вздернутом подбородке читался вызов, но лоб оставался безмятежно гладким.

- Он мне не нравится.

- Разрешите взглянуть. Я художник. - Не стоит, а впрочем... если хотите...

Гарц сложил половинки рисунка.

- Вот видите! - сказала она. - Я же говорила вам.

Гарц не ответил, продолжая рассматривать рисунок. Девушка нахмурилась.

Гарц вдруг спросил ее:

- Почему вы рисуете?

Она покраснела и сказала:

- Покажите мне, что здесь не так.

- Я не могу показать вам, что здесь не так, здесь все так... Но почему вы рисуете?

- Не понимаю.

Гарц пожал плечами.

- Это нехорошо, - сказала девушка обиженно. - Я хочу знать.

- Вы не вкладываете в свои рисунки души, - сказал Гарц.

Она ошеломленно поглядела на Гарца, и взгляд ее стал задумчивым.

- Пожалуй, вы правы. Есть много других занятий...

- Других занятий не должно быть, - сказал Гарц.

- Я не хочу всегда заниматься только собой, - перебила его девушка. - Я полагаю...

- Ах, вот как! Ну, раз уж вы полагаете!..

Девушка вызывающе посмотрела ему прямо в глаза и снова разорвала рисунок.

- Вы хотите сказать, что если дело не захватывает целиком, то не стоит им заниматься вообще. Не знаю, правы ли вы... Нет, думаю, вы правы.

Позади них послышалось нервное покашливание, и, обернувшись, Гарц увидел своих недавних гостей: мисс Нейлор, протягивающую ему руку, покрасневшую Грету, которая стояла с букетом полевых цветов и пристально смотрела ему в лицо, и терьера, обнюхивающего его брюки.

Мисс Нейлор нарушила неловкое молчание: - Мы хотели посмотреть, здесь ли вы еще, Кристиан. Извините, что помешали... я не знала, что вы знакомы с мистером... герром...

- Меня зовут Гарц... мы только что говорили...

- О моем рисунке. Ох, Грета, не щекочись! Пойдемте к нам, позавтракаем вместе, герр Гарц? Это будет ответный визит.

Гарц, оглядев свою пыльную одежду, вежливо отказался.

Но Грета сказала умоляюще:

- Ну пойдемте же! Вы понравились Скрафу. И потам так скучно завтракать без гостей.

Мисс Нейлор скривила губы. Гарц поспешно ответил:

- Благодарю вас. Я буду очень рад... если вы не станете обращать внимания на мой грязный вид.

- О нет, не станем! Тогда мы тоже не пойдём умываться, а после я покажу вам своих кроликов.

Мисс Нейлор, переминаясь с ноги на ногу, как птичка на жердочке, воскликнула:

- Надеюсь, вы не пожалеете... завтрак очень простой... девочки так порывисты... приглашают без всяких церемоний... мы будем очень рады!..

Но тут Грета тихонько потянула сестру за рукав, и Кристиан, собрав свои карандаши и бумагу, первой тронулась в путь.

Удивленный Гарц последовал за ней; ничего подобного с ним! не приключалось никогда. Он бросал на девушек робкие взгляды и, заметив задумчивое и простодушное выражение глаз Греты, улыбнулся. Вскоре они подошли к двум большим тополям, которые, как часовые, стояли у начала усыпанной гравием и обсаженной сиреневыми кустами дорожки, ведущей к бледно-розовому дому с зелеными ставнями, крытому зеленоватым шифером. Над дверью виднелась выцветшая красная надпись: "Вилла Рубейн".

- А эта тропинка ведет на конюшню, - сказала Грета, указывая на дорожку у забора, где грелось на солнцепеке несколько голубей. - Дядя Ник держит там своих лошадей: Княгиню и Кукушку. Имена их начинаются с "К" в честь Кристиан. Они очень красивые. Дядя Ник говорит, что на них можно ездить до второго пришествия и они совершенно не устанут. Поклонитесь и скажите "доброе утро" нашему дому! Гарц поклонился.

- Папа говорит, что все гости должны так делать, и я думаю, это приносит счастье.

В дверях она оглянулась на Гарца и исчезла в доме.

На пороге появился толстый, коренастый румяный человек с жесткими, зачесанными назад волосами, короткой рыжеватой густой, разделенной надвое бородой и темными пенсне на толстом носу.

- А ну, девочки мои, - сказал он грубовато-добродушным голосом, поцелуйте меня быстренько! Как сегодняшнее утречко? Хорошо прогулялись, hein {А? (франц.)}?

Послышались торопливые поцелуи.

- Ха, фрейлейн, хорошо! - Он увидел Гарца, стоявшего в дверях. - Und der Herr {А этот господин? (нем.)}?

Мисс Нейлор поспешно все объяснила.

- Отлично! Художник! Kommen Sie herein {Входите (нем.)}, очень рад. Будете завтракать? Я тоже... да, да, девочки мои... я тоже буду завтракать с вами. У меня волчий аппетит.

К этому времени Гарц успел его рассмотреть: толстяк средних лет и среднего роста, в просторной полотняной куртке, белоснежной накрахмаленной рубашке, перепоясанной голубым шелковым шарфом, - он производил впечатление человека чрезвычайно

чистоплотного. Держался он с видом светского льва, и от него веяло тончайшим ароматом отличных сигар и лучших парикмахерских эссенций.

Комната, в которую они вошли, была длинная и довольно скудно обставленная; на стене висела огромная карта, а под ней стояли два глобуса на изогнутых, подставках, напоминавшие надутых лягушек на задних лапках. В углу стояло небольшое пианино, рядом - письменный стол, заваленный книгами и бумагами; этот уголок, принадлежавший Кристиан, был какими-то инородным в комнате, где все отличалось сверхъестественной аккуратностью. Обеденный стол был накрыт для завтрака, сквозь распахнутые двери лился нагретый солнцем воздух.

Завтрак проходил очень весело; за столом герр Пауль фон Моравиа всегда бывал в ударе. Слова извергались из него потоком. Беседуя с Гарцем об искусстве, он как бы давал понять: "Мы не мним себя знатоками - *pas si bete* {Мы не так глупы (франц.).} - но тоже кое в чем разбираемся, *que diable!* {Черт побери! (франц.).} Он порекомендовал Гарцу табачную лавку, где торгуют "недурными сигарами". Поглотив овсяную кашу и съев омлет, он перегнулся через стол и вlepил Грете звонкий поцелуй, пробормотав при этом: "Поцелуй меня быстренько!" - выражение, которое он в незапамятные времена подцепил в каком-то лондонском мюзик-холле и считал весьма *chic* {Высший шик (франц.).}. Расспросив дочерей об их планах, он дал овсянки терьеру, который презрительно отверг ее.

- А ведь наш гость, - вдруг сказал он, взглянув на мисс Нейлор, - даже не знает наших имен!

Маленькая гувернантка торопливо представила их друг другу.

- Отлично! - сказал герр Пауль, выпячивая губы. - Вот мы и познакомились! - И, взбив кверху кончики усов, он потащил Гарца в другую комнату, изобиловавшую подставками для трубок, фотографиями танцовщиц, плевательницами, французскими романами и газетами, а также креслами, которые были пропитаны табачным дымом.

Семейство, обитавшее на вилле Рубейн, действительно отличалось пестротой и носило весьма любопытный характер. Посредине обеих этажей проходили коридоры, и таким образом вилла

делилась на четыре части, и в каждой из них жили разные люди. И вот как это получилось.

Когда умер старый Николас Треффри, его имение, находившееся на границе с Корнуэллом, было продано, а вырученные деньги поделены между тремя оставшимися в живых детьми: Николасом, самым старшим, совладельцем известной чайной фирмы "Форсайт и Треффри"; Констанс, вышедшей замуж за человека по имени Дисси; и Маргарет, помолвленной незадолго до смерти отца с помощником местного священника Джоном Девореллом, который затем получил приход. Они поженились, и у них родилась девочка, названная Кристиан. Вскоре после ее рождения священник получил наследство и тут же умер, оставив его жене без всяких обязательств. Прошло три года, и, когда девочке минуло шесть лет, миссис Деворелл, еще молодая и хорошенькая, переехала жить в Лондон к брату Николасу. И там она познакомилась с Паулем фон Моравицем - последним отпрыском старинного чешского рода, жившего в течение многих сотен лет на доходы с имений, которые находились неподалеку от Будвейсса. Пауль остался сиротой в возрасте десяти лет, не получив в наследство ни единого акра родовых земель. Зато он унаследовал уверенность, что потомок древнего рода фон Моравицев имеет право на все земные блага. Позже его *savoir faire* {Здесь - жизненный опыт (франц.).} научил его посмеиваться над такой уверенностью, но где-то в глубине души она его не покидала. Отсутствие земли не привело к серьезным последствиям, так как мать его, дочь венского банкира, оставила ему приличное состояние. Фон Моравицу приличествовало служить только в кавалерии, но, не приспособленный к тяготам солдатской жизни, он вскоре оставил службу; ходили слухи, что у него были разногласия с полковым командиром из-за качества пищи, которой пришлось довольствоваться во время каких-то маневров, но другие утверждали, что он подал в отставку, потому что не мог подобрать коня себе по ногам, которые были, надо признаться, весьма толстыми.

У него была восхитительная тяга к удовольствиям, и жизнь светского бездельника вполне устраивала его. Он вел веселый, легкомысленный и дорогостоящий образ жизни в Вене, Париже, Лондоне. Он любил только эти города и хвастался, что в любом из них чувствует себя, как дома. В нем сочетались бьющая через край

энергия и изощренность вкуса, но эти качества пригодились ему только на то, чтобы стать великим знатоком женщин, табаков и вин; а самое главное, он обладал отличным пищеварением. Ему было тридцать лет, когда он встретил миссис Деворелл. И она вышла за него замуж, потому что он не был похож на тех мужчин, которые ее окружали. Никогда еще не сочетались браком столь разные люди. Пауля, завсегда кулис, привлекли в ней наивность, спокойствие, душевная ясность и несомненное целомудрие; он уже промотал более половины своего состояния, и то обстоятельство, что у нее были деньги, тоже, очевидно, не было упущено из виду. Но как бы там ни было, он привязался к жене и, будучи человеком мягкосердечным, стал привыкать к тихим семейным радостям.

Через год после свадьбы у них родилась Грета. Однако тяга к "свободе" отнюдь не умерла в Пауле; он стал игроком. Никто особенно не препятствовал ему проигрывать остаток своего состояния. Но когда он принялся за состояние своей жены, это, естественно, оказалось более сложным. Впрочем, в ее капитале образовалась уже порядочная брешь, прежде чем вмешался Николас Трефри и заставил сестру перевести то, что уцелело, на имя дочерей, обеспечив себя и Пауля пожизненной рентой. Денежный источник иссяк, и добряк бросил карты. Но тяга к "свободе" по-прежнему жила в его душе; он стал пить. Он никогда не напивался до потери сознания, но и редко бывал трезв. Жену его очень расстраивала эта новая страсть; ее и без того слабое здоровье было вскоре совсем подорвано. Врачи отправили ее в Тироль. Пребывание там пошло ей на пользу, и семья поселилась в Боцене. На следующий год, когда Грете только исполнилось десять лет, мать ее умерла. Пауль тяжело переживал этот удар. Он бросил пить, стал заядлым курильщиком и домоседом. Он был привязан к обеим девочкам, но совсем не понимал их; Грета, родная дочь, была его любимицей. Они продолжали жить на вилле Рубейн; она была дешевой и просторной. Пауль стал сам вести хозяйство, и денег постоянно не хватало.

К этому времени вернулась в Англию сестра его жены миссис Дисси, муж которой скончался на Востоке. Пауль предложил ей поселиться у них на вилле. У нее были свои комнаты, собственная прислуга; такое положение дел вполне устраивало Пауля - это давало значительную экономию, и в доме всегда был человек, чтобы

присматривать за девочками. По правде говоря, он опять стал ощущать тягу к "свободе"; приятно было время от времени улизнуть в Вену или хотя бы поиграть в пикет в местном клубе, украшением которого он был, словом, немного "проветриться". Нельзя же горевать всю жизнь... даже если это была не женщина, а ангел; тем более что пищеварение у него осталось таким же превосходным, как прежде.

Четвертую часть виллы занимал Николас Трефри, который никак не мог привыкнуть к тому, что ему каждый год приходится на время покидать Англию. Он и его молоденькая племянница Кристиан питали друг к другу ту особую привязанность, которая таинственно, как и все в жизни, зарождается между пожилым человеком и совсем юным существом и для обоих кажется целью и смыслом существования, пока в юное сердце не входит новое чувство.

Он давно уже был опасно болен, и врачи настоятельно советовали ему избегать английской зимы. И вот с наступлением каждой весны он появлялся в Боцене, куда полегоньку добирался на собственных лошадях из Итальянской Ривьеры, в которой проводил самые холодные месяцы года. Здесь он обычно оставался до июня, а потом возвращался в свой лондонский клуб, но до этого и дня не проходило, чтобы он не ворчал на иностранцев, на их обычаи, еду, вино и одежду, словно большой добродушный пес. Болезнь его сломила; ему было семьдесят, но выглядел он старше своего возраста. У него был преданный слуга по имени Доминик, уроженец Лугано. Николас Трефри нашел его в одном отеле, где тот работал, как вол, и нанял, предупредив: "Смотри, Доминик! Я и обругать могу!" На это Доминик, смуглый, мрачноватый, но не лишенный чувства юмора, ответил только: "Tres bien, m'sieur!" {Слушаю, мосье! (франц.)}.

III

Гарц и хозяин дома сидели в кожаных креслах. Широкая спина герра Пауля вдавилась в подушку, толстые ноги сложены крест-накрест. Оба курили и украдкой поглядывали друг на друга, как это случается с людьми разного склада, когда знакомство между ними только завязывается. Молодой художник никогда не встречал людей, подобных хозяину дома, и потому не знал, как себя вести, чувствовал себя неловко и терялся. Герр Пауль, наоборот, не испытывал никакого замешательства и лениво размышлял: "Красив... наверно, выходец из народа, никаких манер... О чем с ним говорить?"

Заметив, что Гарц рассматривает фотографию, он сказал:

- А, да! Это была женщина! Таких теперь не найдешь! Она умела танцевать, эта маленькая Корали! Вы видели когда-нибудь такие руки? Сознайтесь, что она красива, hein?

- Она оригинальна, - сказал Гарц. - Красивая фигура!

Герр Пауль пустил клуб дыма.

- Да, - пробормотал он, - сложена она была недурно!

Он уронил (пенсне и поглядывал своими круглыми карими глазами с морщинками у уголков то на гостя, то на свою сигару.

"Он был бы похож на сатира, если бы не был таким чистеньким, - подумал Гарц. - Воткнуть ему в волосы виноградные листья, написать его спящим, со скрещенными руками - вот так!.."

- Когда мне говорят, что человек оригинален, - густым, хриловатым голосом говорил герр Пауль, - я обычно представляю себе стоптанные башмаки и зонтик самого дикого цвета; я представляю себе, как говорят в Англии, существо "дурного тона", которое то бреется, то ходит небритым, от которого то пахнет резиной, то не пахнет, что совершенно обескураживает!

- Вы не одобряете оригинальности? - спросил Гарц.

- Если это значит поступать и мыслить так, как не поступают и не мыслят люди умные, - то нет.

- А что это за умные люди?

- О дорогой мой, вы ставите меня в туник! Ну... общество, люди знатного происхождения, люди с упроченным положением, люди, не позволяющие себе эксцентричных выходов, словом, люди с репутацией...

Гарц пристально посмотрел на него.

- Люди, которые не имеют смелости обзавестись собственными мыслями; люди, которые даже не имеют смелости пахнуть резиной; люди, у которых нет желаний и которые поэтому тратят все свое время на то, чтобы казаться банальными.

Герр Пауль достал красный шелковый платок и вытер бороду.

- Уверяю вас, дорогой мой, - сказал он, - банальным быть легче, респектабельней быть банальным! Himmel! {Боже мой! (нем.).} Так почему же тогда не быть банальным?

- Как любая заурядная личность?

- Certes {Конечно (франц.)}, как любая заурядная личность... как я, par exemple! {Например! (франц.)}

Герр Пауль помахал рукой. Когда ему хотелось проявить особый такт, он всегда переходил на французский. Гарц покраснел. Герр Пауль закрепил свою победу.

- Ну, ну! - сказал он. - Оставим в покое моих уважаемых людей! Que diable! Мы же не анархисты.

- Вы уверены? - спросил Гарц.

Герр Пауль покрутил ус.

- Простите, - проговорил он. Но в это время отворилась дверь и послышался рокочущий бас:

- Доброе утро, Пауль. Кто у тебя в гостях?

Гарц увидел на пороге высокого, грузного человека.

- Войдите, - откликнулся герр Пауль. - Разрешите представить вам нового знакомого, художника; герр Гарц, мистер Николас Треффри. Гм-гм! От этих представлений пересыхает в плотке! - И, подойдя к буфету, он налил в три стакана светлое пенящееся пиво.

Мистер Треффри отстранил стакан.

- Это не для меня, - сказал он. - Жаль, но не могу! Мне даже смотреть на него не дают. - И направился к окну, тяжело ступая дрожащими, как и голос, ногами. Там он сел. Его походка чем-то напоминала поступь слона. Он был очень высок (говорили, как обычно по семейной традиции преувеличивая, что еще не было ни одного Треффри ростом ниже шести футов), но теперь ссутулился и раздался вширь. Однако при всей своей внушительности он умел быть незаметным.

На нем была просторная коричневая вельветовая куртка и жилет с широким вырезом, открывавшим тонкую гофрированную манишку и узкий черный галстук; шею обвивала тонкая золотая цепочка, исчезавшая в кармане для часов. Его массивные щеки опали складками, как у собаки-ищейки. У него были большие, висячие, седые с желтизной усы, которые он имел привычку обсасывать, козлиная бородка и большие дряблые уши. На голове у него была мягкая черная шляпа с большими полями и низкой тульей. Под лохматыми бровями поблескивали добродушно-циничные серые глаза с тяжелыми веками. Молодость он провел весьма бурно, но о деле не забывал и нажил порядочный капитал. В сущности, он, как говорится,

жег свечу с обоих концов, однако всегда был готов оказать своим друзьям добрую услугу. У него была страсть к лошадям, и его безрассудный способ править упряжкой стяжал ему прозвище "Сорви-голова Трефри".

Однажды, когда он спускался в коляске, запряженной цугом, по склону холма и совсем отпустил вожжи, сидевший рядом приятель сказал: "Раз уж ты не находишь применения вожжам, Трефри, то можешь забросить их на спины лошадей".

"Так и сделаем", - ответил Трефри. У подножия холма они врезались в забор и оказались на картофельном поле. Трефри сломал себе несколько ребер, а его приятель остался цел и невредим.

Теперь он очень страдал, но, органически не переваривая проявлений жалости, то и дело начинал хмыкать себе под нос, чем сбивал собеседника с толку, и это обстоятельство, усугубленное дрожащим голосом и частым употреблением специфических оборотов, приводило к тому, что временами его речь можно было понимать только интуитивно.

Часы пробили одиннадцать. Гарц, пробормотав какое-то извинение, пожал руку хозяину, раскланялся с новым знакомым и удалился. Увидев в окне личико Греты, он помахал ей рукой. На дороге ему встретился Дони, который сворачивал к тополям, засунув, как обычно, большие пальцы за проймы жилета.

- А, это вы? - сказал Дони.

- Доктор! - лукаво заметил Гарц. - Кажется, обстоятельства сильнее нас.

- Так вам и надо, - сказал Дони, - за ваш проклятый эгоизм! Подождите меня здесь. Я всего на несколько минут.

Но Гарц не стал его дожидаться. Повозка, запряженная белыми волами, медленно тащилась к мосту. Перед наваленным на нее хворостом на охапке травы сидели две крестьянские девушки, довольные собой и всем миром.

"Я напрасно трачу время! - подумал Гарц. - За два месяца я почти ничего не сделал. Лучше вернуться в Лондон. Из этой девушки никогда не получится художницы! Из нее никогда не получится художницы, но в ней что-то есть, от чего не отмахнешься так просто. Она не то чтобы красива, но мила. У нее приятная внешность, мягкая волна тонких темно-каштановых волос, глаза такие правдивые и

сияющие. Сестры совсем не похожи друг на друга! Младшая просто прелесть и все же непонятна; а старшая вся как на ладони!.."

Он вошел в городок, где на улицах под сводами деревьев стоял едкий запах коров и кожи, дыма, винных бочек и нечистот. Услышав грохот колес по булыжной мостовой, Гарц обернулся. Мимо пронеслась коляска, запряженная парой саврасых лошадей. Прохожие останавливались и с испугом смотрели ей вслед. Экипаж сильно бросало из стороны в сторону. Вскоре он исчез за углом. Гарц успел разглядеть мистера Николаса Треффри, облаченного в длинный белесый пыльник; на запятках, испуганно улыбаясь и крепко вцепившись в поручни, стоял смуглый слуга-итальянец.

"Сегодня от этих людей не скроешься никуда - они везде", - подумал Гарц.

В мастерской он принялся разбирать этюды, мыть кисти и доставать вещи, накопившиеся за двухмесячное пребывание в Тироле. Он даже стал скатывать одеяло, служившее дверью. Но вдруг перестал собираться. Сестры! А почему бы не попытаться? Какая картина! Две головки на фоне неба и листвы! Начать завтра же! Против этого окна... нет, лучше на вилле! Картина будет называться... "Весна"!..

IV

Ветер, раскачивая деревья и кусты, взметал вверх молодые листочки. Серебристые с изнанки, они радостно трепетали, как сердце при доброй вести. Это было такое весеннее утро, когда все словно исполнено сладостного беспокойства: легкие облака быстро бегут по небу; проплывают и исчезают волны тонких ароматов; птицы то заливаются громко я самозабвенно, то умолкают; вся природа чего-то ждет, все в возбуждении.

Только вилла Рубейн не поддавалась общему настроению и сохраняла свой обычный безмятежный и уединенный вид. Гарц вручил слуге свою визитную карточку и попросил передать хозяину дома, что хочет увидеться с ним. Бритый сероглазый слуга-швейцарец вернулся и сказал

- Der Herr, mein Herr, ist in dem Garten {Хозяин в саду, сударь (нем.)}.

Гарц пошел следом за ним.

Герр Пауль в маленькой фланелевой шапочке, перчатках и с пенсне на носу поливал розовый куст и мурлыкал серенаду из

"Фауста".

Этот уголок виллы сильно отличался от других. Солнце заливало веранду, густо увитую диким виноградом, недавно подстриженный газон и свежевскопанные цветочные клумбы. В конце аллеи молодых акаций виднелась беседка, заросшая глицинией.

На востоке поднимались из марева и сверкали снежные вершины гор. Печать какой-то строгой простоты лежала на всем этом пейзаже: на крышах и шпилях, на долинах и дремотных склонах гор с их желтыми утесами, алой россыпью цветов и водопадами, похожими на летящие по ветру хвосты белых лошадей.

Герр Пауль протянул руку.

- Чему обязан?.. - спросил он.

- Я пришел просить об одолжении, - ответил Гарц. - Я хотел бы написать ваших дочерей. Я принесу холст сюда... это не доставит никаких хлопот. Я буду писать их в саду, когда у них не будет других занятий.

Герр Пауль поглядел на него с сомнением. Со вчерашнего дня он не раз думал: "Странный субъект этот художник... чертовски много мнит о себе! И решительный малый к тому же!" Теперь же, оказавшись с художником лицом к лицу, он решил, что будет лучше, если просьбу отклонит кто-нибудь другой.

- С великим удовольствием, дорогой мой, - сказал он. - Пойдемте спросим самих юных дам! - И, опустив на землю шланг, он направился к беседке с мыслью: "Вы будете разочарованы, мой юный герой, или я очень и очень ошибаюсь!"

Мисс Нейлор и обе сестры сидели в тени, читая басни Лафонтена. Грета, косясь на гувернантку, тайком вырезала из апельсинной корки свинью.

- Ааа! Девочки мои! - сказал по-английски герр Пауль, который в присутствии мисс Нейлор всегда старался блеснуть своим знанием английского. - Наш друг обратился ко мне с очень лестной просьбой: он хочет написать вас... да-да, обеих вместе *al fresco* {На свежем воздухе (итал.)}, в саду, на солнышке, с птичками, с маленькими птичками!

Взглянув на Гарца, Грета густо покраснела и украдкой показала ему свою свинью,

- Написать нас? Нет, нет! - сказала Кристиан. Но, увидев, что Гарц смотрит на нее, она смущенно добавила: - Если вы действительно этого хотите, думаю, мы сможем) позировать. - И опустила глаза.

- Ага! - сказал герр Пауль, так высоко подняв брови, что у него свалилось с носа пенсне. - А что скажет Гретхен? Желает ли наша пигалица быть запечатленной для потомства вместе с другими птичками?

- Конечно, желаю, - выпалила Грета, не спуская глаз с художника.

- Гм! - сказал герр Пауль, посмотрев на мисс Нейлор. Маленькая гувернантка широко открыла рот, но испустила только коротенький писк, как бывает с теми, кто торопится что-то сказать, не обдумав заранее своих слов.

Вопрос, казалось, был исчерпан; Гарц удовлетворенно вздохнул. Но у герра Пауля был про запас еще один козырь.

- Надо еще поговорить с вашей тетей, - сказал он. - Нельзя же так сразу... нам, безусловно, следует спросить ее... а там видно будет...

Звонко расцеловав Грету в обе щеки, он пошел к дому.

- Почему вы хотите писать нас? - спросила Кристиан, как только он скрылся из виду.

- Я против этого, - вырвалось у мисс Нейлор.

- Отчего же? - нахмурившись, спросил Гарц.

- Грета еще маленькая... у нее уроки... это бесполезная трата времени!

У Гарца дернулись брови.

- Ах, вот как!

- Не понимаю, почему это будет напрасной тратой времени, - спокойно возразила Кристиан. - Сколько часов мы проводим здесь, ничего не делая!

- И нам так скучно! - вставила Грета с недовольной гримаской.

- Это невежливо, Грета, - рассердившись, сказала мисс Нейлор, поджала губы и принялась за вязанье.

- Я заметила, что когда говоришь правду, это всегда получается невежливо, - заметила Грета.

Мисс Нейлор поглядела на нее очень пристально, как всегда глядела, когда хотела выразить свое недовольство.

Но тут пришел слуга и оказал, что миссис Диси будет рада видеть герра Гарца. Художник холодно поклонился и пошел за слугой в дом. Мисс Нейлор и девочки настороженно смотрели ему вслед; он явно обиделся.

Пройдя через веранду в дверь с шелковыми портъерами, Гарц оказался в прохладной полутемной комнате. Это был кабинет миссис Диси, в котором она писала письма, принимала гостей, читала литературные новинки, а порой, когда у нее болела голова, лежала часами на диване, обмахиваясь веером и закрыв глаза. В комнате стоял запах сандалового дерева, и в этом было что-то восточное, таинственное, будто столы и стулья не были самыми обыкновенными предметами обстановки, а имели и другое, неведомое назначение.

Гость еще раз внимательно обвел взглядом комнату - слишком много здесь было домашних растений, бисерных занавесок, серебра и фарфора.

Миссис Диси пошла ему навстречу, шурша шелком, - она всегда носила шелк, независимо от моды. Это была высокая женщина лет пятидесяти, и ходила она так, словно ноги у нее были связаны в коленях. У нее было длинное лицо, тусклые глаза, рыжевато-седые волосы, зачесанные прямо назад от высокого лба. Она всегда еле заметно и загадочно улыбалась. Цвет лица ее испортился от длительного пребывания в Индии, и злые языки называли бы его землистым. Она близко подошла к Гарцу, глядя ему прямо в глаза и слегка наклонив голову.

- Мы очень рады познакомиться с вами, - сказала она голосом, потерявшим всякую звонкость. - Так приятно встретить в этих краях человека, который может напомнить нам, что на свете есть такая вещь, как искусство. Прошлой осенью здесь побывал мистер С., такой приятный человек. Он очень интересовался местными обычаями и костюмами. Полагаю, вы тоже жанровый живописец? Садитесь, пожалуйста.

Она еще некоторое время продолжала упоминать фамилии художников и задавать вопросы, стараясь, чтобы разговор касался только общих тем. А молодой человек стоял перед ней и немного насмешливо улыбался. - "Ей хочется знать, стоит ли моя овчинка выделки", - думал он.

- Вы хотите писать моих племянниц? - спросила наконец миссис Дисси, откидываясь на спинку козетки.

- Я был бы счастлив удостоиться этой чести, - ответил Гарц с поклоном.

- И как же вы думаете написать их?

- Это будет видно по ходу дела, - ответил Гарц. - Трудно сказать.

И подумал: "Наверно, она спросит, не в Париже ли я покупал свои краски, как та женщина, о которой мне рассказывал Трампер".

Не сходявшая с ее лица слабая улыбка, казалось, вызывала его на откровенность и в то же время предупреждала, что там, где-то за высоким, чистым лбом, слова его будут тщательно взвешены. На самом же деле миссис Дисси думала: "Интересный молодой человек... настоящая богема... но в его возрасте это не страшно; в лице есть что-то наполеоновское; фрака у него, наверное, нет. Да, надо бы узнать его получше!" У нее был нюх на будущих знаменитостей; имя этого молодого человека ей незнакомо, знаменитый художник мистер С., наверно, отозвался бы о нем пренебрежительно, но ее инстинкт подсказывал, что ей надо познакомиться с ним поближе. Надо отдать ей справедливость: она была из тех охотниц на "львов", которые разыскивают этих животных ради собственного удовольствия, а не для того, чтобы купаться в лучах их славы; она не боялась поступать так, как подсказывала ей интуиция, - общество многообещающих львят было ей необходимо, но полагалась она только на собственное суждение; уж ей-то навязать "льва" не мог никто.

- Это будет очень мило. Вы не останетесь позавтракать с нами? Порядки у нас довольно своеобразные - слишком пестрая семья... но в два часа для всех, кто желает, подается второй завтрак, а обедаем мы все вместе в семь. Вам, вероятно, удобней будет приходиться после двенадцати? Мне бы хотелось посмотреть ваши наброски. Мастерская у вас, кажется, в старом доме на дамбе? Это так оригинально!

Гарц отказался от завтрака, но попросил разрешения начать работу в тот же день; он ушел, задыхаясь от запаха сандалового дерева и любезности дамы-сфинкса.

Шагая домой по дамбе, он слушал пешие жаворонков и дроздов, плеск воды и жужжание майских жуков и чувствовал, что картина должна получиться. Перед глазами то и дело всплывали лица обеих

девушек на фоне синего неба, обрамленные молодыми листочками, трепещущими у их щек.

V

На четвертый день после того, как Гарц начал работу над картиной, рано утром из виллы Рубейн вышла Грета и, миновав плотину, уселась на скамейку, с которой был хорошо виден старый дом на обрыве. Вскоре появился Гарц.

- Я не стучалась, - сказала Грета, - вы все равно не услышали бы, и потом еще рано. Я жду вас уже четверть часа.

В руке она держала букет. Вытянув из него бутон розы, она протянула его Гарцу.

- В нашем саду это первый бутон розы нынешней весной, - сказала она, и я дарю его вам за то, что вы рисуете меня. Сегодня мне исполнилось тринадцать лет, герр Гарц; сеанса не будет, потому что у меня день рождения; но зато мы все собираемся в Меран смотреть пьесу об Андреасе Гофере {Гофер, Андреас (1767-1810) - руководитель вооруженной борьбы тирольских крестьян против наполеоновской армии, оккупировавшей Тироль. После подавления поднятого им восстания он был расстрелян.}. Поедемте с нами, пожалуйста; я пришла, чтобы пригласить вас, и остальные тоже скоро будут здесь.

Гарц поклонился.

- А кто эти остальные?

- Кристиан, доктор Эдмунд, мисс Нейлор и кузина Тереза. Ее муж болен, и поэтому она очень грустная, но сегодня она хочет забыть об этом. Нехорошо все время грустить, да, герр Гарц?

Он засмеялся.

- Вы не могли бы.

- Нет, могла бы, - серьезно ответила Грета. - Мне тоже часто бывает грустно. Вы смеетесь надо мной. Сегодня нельзя надо мной смеяться, у меня день рождения" Как вы думаете, герр Гарц, хорошо быть взрослой?

- Нет, фрейлейн Грета, лучше, когда жизнь еще впереди.

Они шагали рядом.

- Я думаю, - сказала Грета, - что вы не любите терять даром время. А вот Крис говорит, что время - это ничто.

- Время - это все, - откликнулся Гарц.

- Она говорит, что время - ничто, а мысль - все, - мурлыкала Грета, гладя себя розой по щеке. - А вот я думаю, откуда возьмется мысль, если нет времени выдумать ее. А вон остальные! Смотрите!

На мосту мелькнул яркий букет зонтиков и исчез в тени.

- Ну-ка, - сказал Гарц, - догоним их!

В Меране к открытому театру под сенью замка Тироль через луга стекались толпы народа: высокие горцы в коротких кожаных штанах выше колен и шляпах с орлиными перьями, торговцы фруктами, почтенные горожане с женами, приезжие иностранцы, актеры и прочая, самая разношерстная публика. Зрители, сбившиеся вокруг высоких подмостков, изнемогали от зноя. Кузина Тереза, высокая и тонкая, с тугими румяными щеками, прикрывала ладошкой свои красивые глаза.

Представление началось. В пьесе изображалось тирольское восстание 1809 года; деревенская жизнь, танцы и пение йодлей; ропот и призывы, грозный бой барабанов; толпа, вооруженная кремневыми ружьями, вилами, ножами; битва и победа; возвращение домой и праздник. Потом еще восстание, пушечный гром, предательство, плен, смерть. И на первом плане под голубым небом, на фоне горной цепи, неизменно спокойная фигура патриота Андреаса Гофера, чернобородого, затянутого кожаным кушаком.

Гарц и Кристиан сидели позади остальных. Он был так поглощен спектаклем, что она тоже молчала и только наблюдала за выражением его лица, застывшего в каком-то холодном исступлении - он, казалось, чувствовал себя участником событий, развертывавшихся на сцене. Что-то от его настроения передалось и ей; когда представление окончилось, она дрожала от возбуждения. Выбираясь из толпы, они потеряли остальных.

- Пойдемте к станции по этой тропинке, - оказала Кристиан. - Так ближе.

Тропинка шла немного в гору; по обочине луга вился ручеек, а живая изгородь была усыпана цветами шиповника. Кристиан застенчиво поглядывала на художника. С первой их встречи на дамбе ее не переставали обуревать новые мысли. Этот иностранец с решительным выражением лица, настойчивым взглядом и неиссякаемой энергией вызывал у нее незнакомое чувство; в словах его было именно то, что она думала, но не могла выразить. У перелазы

она посторонилась, чтобы пропустить чумазых и лохматых крестьянских мальчишек, которые прошли мимо, напевая и насвистывая.

- Когда-то я был таким же, как эти мальчишки, - оказал Гарц.

Кристиан быстро обернулась к нему.

- Так вот почему эта пьеса увлекла вас!

- Там, наверху, моя родина. Я родился в горах. Я пас коров, спал на копнах сена, а зимой рубил лес. В деревне меня обычно называли бездельником и "паршивой овцой".

- Почему?

- Да, почему? Я работал не меньше других. Но мне хотелось удрать оттуда. Как вы думаете, мог бы я остаться там на всю жизнь?

У Кристиан загорелись глаза.

- Если люди не понимают, чего ты хочешь, то они всегда называют тебя бездельником, - бормотал Гарц.

- Но вы же добились своего, несмотря ни на что, - сказала Кристиан.

Для нее самой решиться на что-нибудь и довести дело до конца было очень трудно. Когда-то она рассказывала Грете сказки собственного сочинения, и та, всегда инстинктивно стремившаяся к определенности, бывало, спрашивала: "А что было дальше, Крис? Доскажи мне все сегодня!" Но Кристиан не могла. Она была мечтательна, мысли ее были глубокими и смутными. Чем бы она ни занималась: вязала ли, писала ли стихи или рисовала, - все получалось у нее по-своему прелестно, и всегда не то, что задумано. Николас Треффри как-то сказал о ней: "Если Крис возьмется делать шляпу, то у нее может получиться покров для алтаря или еще что-нибудь, но только не шляпа". Она инстинктивно стремилась понять скрытый смысл вещей, и на это уходило все ее время. Самое себя она знала лучше, чем большинство девушек в девятнадцать лет, но в этом был повинен ее разум, а не чувства. В той теплой обстановке, в которой она жила, ей не приходилось волноваться, если не считать тех редких случаев, когда у нее бывали вспышки гнева ("истерики", как окрестил их старый Николас Треффри) при виде того, что она считала низким и несправедливым.

- Если бы я была мужчиной, - сказала Кристиан, - и собиралась стать великим, я предпочла бы начать с самой первой ступеньки, как

вы.

- Да, - быстро ответил Гарц, - надо испытать и понять все.

Она и не заметила, что он воспринял, как должное, ее слова о том, что он собирается стать великим.

- Таких взглядов придерживаются немногие! - продолжал он, недовольно кривя губы под черными усами, - А для всех остальных неблагородное происхождение - уже преступление!

- Вы несправедливы, - сказала Кристиан. - Этого я от вас не ожидала.

- Но ведь это правда! Стоит ли закрывать глаза на нее?

- Может быть, и правда, но благороднее о ней не говорить!

- Если бы чаще говорили правду, было бы меньше лицемерия, - сказал Гарц, стукнув кулаком по ладони.

Кристиан, сидевшая на перелазе, взглянула на него сверху вниз.

- Впрочем, вы правы, фрейлейн Кристиан, - вдруг добавил он, - все это мелочи. Главное - работа и стремление увидеть красоту мира.

Лицо Кристиан просияло. Эту жажду красоты она понимала очень хорошо. Соскользнув с перелазы, она глубоко вздохнула.

- Да! - сказала она.

Оба немного помолчали, потом Гарц неуверенно произнес:

- Если бы вам и фрейлейн Грете захотелось как-нибудь посмотреть мою мастерскую, я был бы очень рад. Я попытался бы прибрать ее к вашему приходу!

- Я буду очень рада. Это могло бы многому научить меня. А я хочу учиться.

Оба они молчали, пока тропинка не вывела их на дорогу.

- Мы, по-видимому, всех опередили; как хорошо быть впереди... не надо торопиться. Впрочем, я забыла... вы ведь не любите бездельничать, герр Гарц, вы всегда торопитесь.

- Потрудившись как следует, я могу бездельничать не хуже всякого другого; потом снова работаю... охота к работе нагуливается, как аппетит.

- А я всегда бездельничаю, - сказала Кристиан. Сидевшая на обочине дороги крестьянка, подняв к ним загорелое лицо, попросила тихим голосом:

- Милостивая госпожа, помогите мне, пожалуйста, поднять на плечо эту корзину.

Кристиан нагнулась, но прежде чем она успела что-нибудь сделать, Гарц взвалил корзину себе на спину.

- Так-то лучше, - сказал он, кивая крестьянке. - Эта добрая дама не обидится на меня.

Женщина, очень сконфуженная, пошла рядом с Кристиан. Потирая загорелые руки, она говорила:

- Добрая госпожа, я не хотела... Корзина тяжелая, но я совсем не этого хотела...

- Я уверена, что он помогает вам с удовольствием, - сказала Кристиан.

Однако вскоре их догнал экипаж с остальными, и при виде этого странного зрелища мисс Нейлор поджала губы, кузина Тереза мило закивала головой, Дони улыбнулся, а у сидевшей рядом с ним Греты выражение лица стало очень чопорным. Гарц расхохотался.

- Чему вы смеетесь? - спросила Кристиан.

- Вы, англичане, забавный народ. Этого делать нельзя, того делать не полагается - не повернешься, словно в крапиве сидишь. А если бы мне взбрело в голову пройтись с вами без сюртука, ваша гувернантка свалилась бы под колеса.

Смех его заразил Кристиан; пока они шли к станции, у них появилось такое чувство, что теперь они знают друг друга лучше.

Солнце уже скрылось за горами, когда маленький поезд тронулся и пополз вниз по склону долины. Всех сморило, а Грета то и дело клевала носом. Кристиан сидела в углу и смотрела в окно, Гарц изучал ее профиль.

Он пытался рассмотреть ее глаза. Он и раньше замечал, что каково бы ни было их выражение, брови, выгнутые и довольно широко расставленные, придавали ее взгляду какую-то особенную пронизательность. Он думал о своей картине. В лице девушки нет ничего характерного, слишком оно доброе, слишком лучистое. Только подбородок резко очерченный, почти упрямый.

Поезд дернулся и остановился; Кристиан оглянулась. У Гарца было такое ощущение, словно она оказала: "Вы мой друг".

На вилле Рубейн герр Пауль заколол ради дня рождения Греты весьма упитанного тельца. - Когда все гости наконец уселись, он один остался на ногах. Взмахнув рукой над накрытым столом, он крикнул:

- Дорогие мои! Ешьте на здоровье! Здесь вкусные вещи... Прошу!
- И с хитрым видом фокусника, достающего кролика из шляпы, он снял крышку с супницы. - Суп... черепаховый, жирный, с зеленым жиром!

Он чмокнул губами.

За столом никто не прислуживал. Грета так объяснила Гарцу отсутствие лакеев:

- Это потому, что мая хотим подурачиться сегодня.

Красная и блестящая, как бокал, наполненный вином, физиономия герра Пауля излучала радушие. Он чокался со всеми и увещевал отстающих.

Гарц за спиной Греты украдкой передал мисс. Нейлор хлопушку, и маленькая гувернантка вдруг, с выражением шутливого ужаса на лице, дернула за ниточку. Хлопушка взорвалась, и Грета соскочила со стула. Скраф, испугавшись, вдруг оказался на буфете и попал передними лапами в тарелку с супом; он обернулся с таким видом, словно обвинял всю компанию в том, что оказался в неловком положении. Раздался взрыв смеха. Но Скраф не торопился вылезать из тарелки, он понюхал суп и, не обнаружив никакого подвоха, стал его лакать,

- Возьмите его! Возьмите его! - жалобно просила Грета. - А то он заболит.

- Allons, mon cher! - кричал герр Пауль. - C'est magnifique, mais vous savez, ce n'est guere la guerre {Ну же, мой милый! Это великолепно, но едва ли уместно! (франц.).}.

Скраф, сделав отчаянный прыжок, опустился позади него.

- Ах! - вскрикнула мисс Нейлор. - Ковер!

Новый взрыв хохота потряс стол; рассмеявшись раз, они теперь могли остановиться, только насмеявшись вволю. Когда Скраф и следы его деятельности были удалены, герр Пауль взял разливательную ложку.

- У меня есть тост, - сказал он, размахивая ложкой и требуя внимания. Мы выпьем все вместе и от всего сердца. Предлагаю вылить за мою дочурку, которой сегодня исполнилось тринадцать лет... И в наших сердцах, - продолжал он, положив разливательную ложку и став вдруг серьезным, - живет память о той, которой нет сегодня с нами на этом радостном торжестве, и за нее мы тоже

поднимаем бокалы от всего сердца, потому что она тоже была бы рада видеть нас веселыми. Я пью за мою дочурку, благослови ее бог!

Все встали, чокнулись бокалами и выпили; потом все замолчали, и Грета, по обычаю, запела немецкую песенку. На четвертой строке она сконфузилась и замолчала.

Герр Пауль громко высморкался и, взяв колпак, вывалившийся из хлопушки, напялил его на голову.

Все последовали его примеру. Мисс Нейлор досталась пара ослиных ушей, и после второго бокала она надела их с видом человека, приносящего себя в жертву ради общего блага.

После ужина наступило время вручения подарков. Герр Пауль завязал Грете глаза платком, и все по очереди стали подносить ей подарки. Взяв в руки подарок, Грета должна была отгадать, от кого он, в противном случае с нее полагался штрафной поцелуй. Ее проворные, ловкие пальчики бесшумно ощупывали подарки, и в каждом случае она отгадывала правильно.

Подарок Дони, котенок, вцепился когтями ей в волосы, вызвав веселое замешательство.

- Это подарок доктора Эдмунда, - сразу же догадалась она.

Кристиан заметила, что Гарц исчез, но вскоре вернулся запыхавшийся и преподнес свой подарок последним.

Подойдя на цыпочках, он вложил его в руки Греты. Это была маленькая бронзовая копия одной из статуй Донателло.

- О, герр Гарц! - воскликнула Грета. - Я видела ее тогда у вас в мастерской. Она стояла у вас на столе. Такая милая!

Миссис Дисси наклонилась и, впившись в статуэтку своими белесыми глазками, прошептала: "Прелестно!" Мистер Трефри взял фигурку в руки.

- Оригинальная штука! Думаю, стоит немало! Он с сомнением поглядел на Гарца.

Потом все перешли в другую комнату, и герр Пауль, сняв с Греты платок, завязал им собственные глаза.

- Берегитесь! Берегитесь! - кричал он. - Сейчас я вас всех переловлю.

И, расставив руки, он осторожно двинулся вперед, словно медведь на задних лапах. Но поймать ему не удалось никого. Кристиан и Грета прошмыгнули у него под руками. Миссис Дисси

увернулась от него с удивительным проворством. Мистер Треффри забрался в угол и, покуривая сигару, подзуживал:

- Bravo, Пауль! Какой проворный! А ну, бегом! Грета, давай!

Наконец герр Пауль поймал Терезу, которая прижалась к стене и, растерявшись, тоненько попискивала.

Вдруг миссис Диси заиграла вальс "Голубой Дунай". Герр Пауль отшвырнул платок, свирепо подкрутил ус, окинул взглядом комнату и, обхватив Грету за талию, неистово закружился, ныряя и подпрыгивая, как пробка на волнах. Кузина Тереза с мисс Нейлор последовали его примеру, обе были чрезвычайно торжественны. Каждая (выделявала свои па, не обращая внимания на партнершу. Гарц подошел к Кристиан.

- Я не умею танцевать, - сказал он, - то есть я танцевал только раз в жизни, но, может быть, вы все-таки...

Она положила руку ему на плечо, и они закружились. В танце она была легка, как перышко. Глаза ее сияли, ножки летали, вся она подалась немного вперед. Сначала у Гарца ничего не получалось, но вскоре ноги его стали двигаться в такт музыке, и они с Кристиан продолжали кружиться даже тогда, когда все остальные уже остановились. Время от времени пары ускользали танцевать на веранду и, кружась, возвращались через раскрытую дверь. Свет ламп сиял на белых платьях девушек, на вспотевшем лице герра Пауля. Он веселился до изнеможения и, когда музыка смолкла, бросился во весь рост на диван и произнес, задыхаясь:

- Боже мой! Боже мой!

Вдруг Кристиан почувствовала, как Гарц сжал ее руку. Тяжело дыша, вся сияющая, она взглянула на него.

- Голова кружится! - пробормотал он. - Я очень плохо танцевал, но я скоро научусь.

Грета хлопала в ладоши.

- Мы будем танцевать каждый вечер, мы будем танцевать каждый вечер!

Гарц взглянул на Кристиан; она покраснела еще больше.

- Я покажу вам, как пляшут у нас в деревне - ногами по потолку, И, подбежав к Дони, он попросил:

- Держите меня! Поднимайте... вот так! Теперь, раз... два...

Он попытался вскинуть ноги выше головы, но у Дони вырвалось "ох!", и они оба грохнулись на пол. Этим неуместным происшествием завершился вечер. Дони пошел провожать кузину Терезу, а Гарц зашагал домой, напевая "Голубой Дунай". У него было такое ощущение, словно рука его все еще лежала на талии Кристиан.

В своей спальне сестры долго еще сидели у окна на ветерке перед тем, как раздеться.

- Ах! - вздохнула Грета. - Сегодня у меня был самый счастливый день рождения.

Кристиан тоже подумала: "Ни разу в жизни я не была так счастлива, как сегодня. Вот если бы так было каждый день!" И она высунулась в окно, подставив под прохладный ветерок горящие щеки.

VI

- Крис! - сказала Грета несколько дней спустя. - Мисс Нейлор танцевала вчера вечером; сегодня у нее, наверное, болит голова. А у меня французский и история.

- Ну что ж, я могу позаниматься с тобой.

- Вот и хорошо, тогда мы можем поговорить. Мне ее жалко. Я отнесу ей немного своего одеколона.

На другой день после танцев у мисс Нейлор неизменно болела голова. Девушки понесли свои учебники в беседку; на дворе сияло солнце, но то и дело накрапывал дождь. Сестрам пришлось спасаться от него бегом.

- Сначала займемся французским, Крис!

Грета любила уроки французского, который она знала ненамного хуже Кристиан; поэтому урок проходил восхитительнейшим образом. Точно через час по часам Греты (подарку мистера Треффри, сделанному в день рождения и, по меньшей мере, ежечасно вызывавшему прилив любви и восторгов) она встала.

- Крис, я не покормила своих кроликов.

- Поторопись! На историю у нас почти не осталось времени.

Грета исчезла. Кристиан следила за блестящими капельками, срывавшимися с крыши; губы ее были полураскрыты, она улыбалась. Она думала о том, что сказал Гарц прошлым вечером. Завязался разговор, может ли существовать общество, если мнение большинства не будет обязательно для всех. Гарц, сидевший сначала молча, взорвался:

- По мне, так один энтузиаст лучше двадцати равнодушных. В конечном счете он приносит обществу наибольшую пользу.

- Будь на то ваша воля, - ответил Дони, - общества не было бы вообще.

- Я ненавижу общество, потому что оно живет за счет слабых.

- Ба! - вмешался герр Пауль. - Уж на том свет стоит, что слабые отстают и падают.

- Ну, падают, - горячился Гарц, - но не топчите их...

Появилась Грета, она уныло брела под дождем.

- Бино, - сказала она, вздыхая, - объелся. Теперь я вспомнила, что уже кормила их. А мы обязательно должны заниматься историей, Крис?

- Конечно.

Грета раскрыла книгу и положила пальчиком страницу.

- Герр Гарц очень добр ко мне, - сказала она. - Вчера он принес птичку, она залетела к нему в мастерскую и повредила крыло. Он завернул ее в платок и нес очень осторожно... он очень добрый, птичка даже не испугалась его. Разве ты не знаешь об этом, Крис?

Крис немного покраснела и сказала обиженно:

- Не понимаю, какое это имеет ко мне отношение.

- Никакого, - согласилась Грета.

Кристиан покраснела еще больше.

- Займемся историей, Грета.

- И все же, - не отставала Грета, - он тебе всегда все рассказывает, Крис.

- Ничего подобного! Как тебе не стыдно!

- Нет, правда, и все потому, что ты его никогда не выводишь из себя. А его так легко разозлить: стоит ему слово поперек сказать, как он уже сердится.

- Это ты злючка! - сказала Кристиан. - И говоришь неправду. Он ненавидит притворство и не выносит подлости, а это низко - скрывать неприязнь и притворяться, что ты согласен с людьми.

- Папа говорит, что он слишком высокого о себе мнения.

- Папа! - горячо начала Кристиан, но замолчала и, прикусив губу, гневно взглянула на Грету.

- А ты всегда показываешь свою неприязнь, Крис?

- Я? А при чем тут я? Бели я трусиха, то это не значит, что трусом быть хорошо.

- По-моему, герру Гарцу не нравится слишком многое, - пробормотала Грета.

- Чем считать недостатки у других, ты бы лучше на себя посмотрела.

И, оттолкнув книгу, Кристиан уставилась в одну точку.

Прошло несколько минут, потом Грета наклонилась и потерлась щекой о плечо Кристиан.

- Прости меня, Крис... мне только хотелось поговорить. Читать мне историю?

- Да, - сухо сказала Кристиан.

- Ты на меня сердишься, Крис?

Кристиан не ответила. Редкие капли дождя стучали по крыше. Грета потянула сестру за рукав.

- Крис, - сказала она, - а вот и герр Гарц!

Кристиан подняла глаза, тотчас же опустила их и сказала:

- Ты будешь читать историю, Грета? Грета вздохнула.

- Буду... но... ой, Крис, звонят к завтраку! И она кротко закрыла книгу.

В течение последующих недель сеансы бывали почти каждый день. Обычно на них присутствовала мисс Нейлор; маленькая гувернантка до некоторой степени примирилась с происходящим и даже начала интересоваться картиной, уголком глаза наблюдая за движением кисти художника; но в глубине души она не совсем одобряла такое проявление тщеславия и потерю времени - беззвучное движение губ и бречание спиц выдавали порой ее сдержанное негодование.

У Гарца хорошо получалось то, что он делал быстро; если у него была возможность не торопиться, он начинал "видеть слишком многое" и, влюбляясь в картину, не умел остановиться вовремя. Ему было трудно отрывать от холста, его мучила мысль: "Это можно сделать лучше". Грета была уже выписана, но Кристиан, как он ни старался, не удовлетворяла его; ему казалось, что лицо ее меняется день ото дня, словно душа ее становилась все богаче и богаче. В глазах ее было что-то такое, чего он не мог ни прочесть, ни воспроизвести.

После своих ежедневных визитов к мистеру Треффри в сад нередко забредал Дони. Он с большой сигарой во рту разваливался на траве, подложив руку под голову, и подтрунивал над всеми. В пять часов подавали чай, и тогда являлась миссис Дисси, вооруженная каким-нибудь журналом или романом, так как она гордилась своей начитанностью. Сеанс прерывался; Гарц с папиросой во рту подходил то к столу, то к картине, попивая чай и кладя мазки; он никогда не садился, пока не решал, что на сегодня хватит. Во время этих "передышек" завязывался разговор, обычно заканчивавшийся спором. Миссис Дисси, которой больше всего нравилось говорить на литературные темы, частенько употребляла такие выражения, как: "В конце концов, раз это создает иллюзию, то остальное не имеет значения?", "В нем чувствуется какое-то позерство", "Это вопрос темперамента"... или "Все дело в том", как понимать значение слова" и другие очаровательные банальности, которые звучат солидно, кажутся многозначительными и совершенно неопровержимы, что всегда приятно. Иногда разговор переходил на искусство; говорили о цвете и мастерстве или о том, оправдан ли реализм, или следует ли нам быть прерафаэлитами. Когда начинались подобные споры, глаза Кристиан становились еще больше, еще яснее, потому что в них появлялось выражение жадной любознательности, словно они пытались увидеть суть явлений. И Гарц, не отрываясь, смотрел в эти глаза, но он не понимал их взгляда, словно в нем было не больше содержательности, чем во взгляде миссис Дисси, который в сочетании со слабой, осторожной улыбкой, казалось, говорил: "Ну, давайте займемся маленьким умственным упражнением".

Грета, дергая Скрафа за уши, поглядывала на разговаривавших снизу вверх; когда разговор кончался, она всегда встряхивала головой. Но если на сеанс никто не являлся, то порой завязывался очень серьезный, оживленный разговор, а иногда подолгу царило молчание.

Однажды Кристиан сказала:

- Какого вы вероисповедания?

Гарц положил на холст мазок и только потом ответил:

- Католического, наверно; меня крестили в католической церкви.

- Я не об этом. Вы верите в загробную жизнь?

- Кристиан, - прошептала Грета, сплетавшая травинки, - всегда спрашивает, что люди думают о загробной жизни. Это так забавно!

- Как вам оказать? - ответил Гарц. - Я никогда не думал об этом, времени не было.

- Как же вы можете не думать? - опросила Кристиан. - А я думаю... Ужасно представить себе, что после смерти от нас ничего не останется.

Она закрыла книгу, и та соскользнула с ее колен. Кристиан продолжала:

- Загробная жизнь должна быть, мы ведь так несовершенны. Что за польза, например, от вашей работы? Стоит ли совершенствоваться, если всему придет конец?

- Не знаю, - ответил Гарц. - Это меня не трогает. Я знаю одно: мне надо работать.

- Но почему?

- Для счастья... настоящее счастье в борьбе... остальное - ничто. Вот заканчиваешь вещь... разве когда-нибудь удовлетворяешься этим? Сейчас же начинаешь думать о новой. Безделье гнетет!

Кристиан закинула руки за голову. Солнечный луч, пробившись сквозь листву, трепетал у нее на платье.

- Вот оно! Оставайтесь в этой позе! - воскликнул Гарц.

Взгляд ее задержался на лице Гарца, она покачивала ногой.

- Вы работаете, потому что не можете не работать, но это не объяснение. Что вас побуждает работать? Я хочу знать: что кроется за этим? Когда мы с тетей Констанс путешествовали позапрошлой зимой, мы часто разговаривали... я слышала, как она спорила со своими друзьями. Она говорит, что мы движемся по кругам, пока не достигаем Nirваны. Но прошлой зимой я почувствовала, что не могу разговаривать с ней; мне стало казаться, что в действительности за ее словами ничего не кроется. Я начала читать... Канта и Гегеля...

- Эх! - перебил ее Гарц. - Если бы они могли научить меня лучше рисовать или подмечать новые оттенки в цветке или выражения лиц, я бы их всех прочел.

Кристиан подалась вперед.

- По-видимому, вы поступаете правильно, стремясь познать истину, и каждый шаг на этом пути очень важен. Вы верите в истину, а истина и красота - это одно и то же (именно это вы и хотели сказать), стараясь писать правдиво, вы всегда видите красоту. Но как мы можем распознать истину, если мы не знаем, в чем ее сущность?

- Мне кажется, - вполголоса сказала Грета, - что ты понимаешь это так... а он по-другому... потому что... вас же двое, а не один человек.

- Конечно! - нетерпеливо сказала Кристиан. - Но почему...

Услышав какое-то хмыканье, она замолчала. Держа "Таймс" в одной руке, а огромную пеньковую трубку - в другой, от дома шел Николас Треффри.

- Ага! - оказал он Гарцу. - Как подвигается картина?

И опустил в кресло.

- Вам сегодня лучше, дядя? - приветливо опросила Кристиан.

- Проклятые обманщики, эти доктора! - проворчал мистер Треффри. - Твой отец на них молился. И что же получилось? Собственный врач залечил его до смерти... заставлял пить бочками всякую отраву!

- Почему же тогда у вас есть собственный врач, дядя Ник? - спросила Грета.

Мистер Треффри взглянул на нее, в глазах у него появились насмешливые искорки.

- Не знаю, моя девочка. Стоит только раз к ним обратиться, и уже от них не отделаешься!

Весь день дул легкий ветерок, но теперь он затих; не дрожал ни один листочек, не шевелилась ни одна травинка; из дома доносились какие-то тихие звуки, слоено там играли на свирели. По дорожке прыгал дрозд.

- Дядя Ник, а когда вы были мальчиком, вы разоряли птичьи гнезда? шепнула Грета.

- А как же, Грета!

Дрозд ускакал в кусты.

- Вы испугнули его, дядя Ник! Папа говорит, что в замке Кениг, где он жил, когда был мальчиком, он всегда разорял галочьи гнезда.

- Вздор, Грета! Твоему отцу никогда не добраться до галочьего гнезда, у него слишком толстые ноги!

- Вы любите птиц, дядя Ник?

- Как тебе сказать, Грета? Люблю, наверно.

- Тогда почему же вы разоряли птичьи гнезда? Я считаю, что это жестоко.

Мистер Треффри кашлянул, прикрывшись газетой.

- Я и сам не знаю, Грета, - заметил он.

Гарц стал собирать кисти.

- Благодарю вас, - сказал он. - На сегодня все.

- Разрешите взглянуть? - попросил мистер Трефри.

- Конечно.

Дядя Ник медленно поднялся с кресла и встал перед картиной.

- Когда она будет готова для продажи, - сказал он наконец, - я куплю ее.

Гарц поклонился, но почему-то ему стало неприятно, словно ему предложили расстаться с чем-то дорогим его сердцу.

- Благодарю вас, - сказал он.

Раздался удар гонга.

- Вы не останетесь перекусить с нами? - спросил мистер Трефри.
- Доктор остается.

Сложив газету, он направился к дому, опираясь на плечо Греты. Впереди бежал терьер. Гарц и Кристиан остались одни. Он скреб палитру, а она сидела, опершись локтями о колени; между ними солнечный луч вызолотил дорожку. Уже наступил вечер, от нагретых за день кустов и цветов плыли волны аромата; птицы затаили, свою вечернюю песню.

- Вы не устали позировать для своего портрета, фрейлейн Кристиан?

Кристиан покачала головой.

- Мне хочется вложить в картину то, что не всякий увидит сразу... то, что там, внутри... то, что будет жить вечно.

- Это звучит смело, - медленно произнесла Кристиан. - Вы были правы, когда говорили, что счастье в борьбе... но это для вас, а не для меня. Я трусиха. Я не люблю причинять людям страдания. Мне хочется нравиться им. Если бы вам пришлось ради своей работы сделать что-то такое, что навлекло бы на вас ненависть людей, вы бы все равно не остановились; и это хорошо... но я на это не способна. И в том... в том-то все и дело. Вам нравится дядя Ник?

Молодой художник посмотрел на дом, где на веранде еще был виден старый Николас Трефри, и улыбнулся.

- Будь я самым замечательным художником в мире, боюсь, что он не дал бы за меня и ломаного гроша; но если бы я мог показать ему

пачку чеков на крупные суммы, полученные за мои картины, пусть даже самые плохие, он проникся бы ко мне уважением.

Она улыбнулась и сказала:

- Я люблю его.

- В таком случае он мне понравится, - просто ответил Гарц.

Она протянула руку, и пальцы их встретились.

- Мы опоздаем, - сказала она, покраснев, и подхватила книгу. - Я всегда опаздываю!

VII

За обедом был еще один гость, выхоленный господин в платье военного покроя, с бледным одутловатым лицом, темными глазами и поредевшими на висках волосами. Он производил впечатление человека, любящего покой, но выбитого из колеи. Герр Пауль представил его как графа Марио Сарелли.

Две висячие лампы с темно-красными абажурами заливали розовым светом стол, в центре которого стояла серебряная корзинка с ирисами.

В наступающих сумерках сад за открытыми окнами представлялся огромным пучком черных листьев. Вокруг ламп порхали ночные бабочки; следившая за ними Грета издавала явственно слышные вздохи облегчения, если им удавалось спастись от огня. Обе сестры были в белом, и Гарц, сидевший напротив Кристиан, не отрываясь, глядел на нее и удивлялся, почему он не написал ее в этом платье.

Миссис Диси владела искусством хлебосольства; обед, заказанный герром Паулем, был превосходен; слуги бесшумны, словно тени; за столом не прекращался гул разговоров.

Сарелли, сидевший справа от миссис Диси, казалось, ничего не ел, кроме маслин, которые он макал в стакан с хересом. Он молча переводил взгляд черных, серьезных глаз с одного лица на другое и время от времени спрашивал значение непонятных ему английских слов. После разговора о современном Риме поднялся спор, можно ли распознать преступника по выражению лица.

- Для сильной личности, - говорила миссис Диси, проводя рукой по лбу, преступление проходит бесследно.

- Что вы! Большое преступление... убийство, например... все равно скажется, - запинаясь, сказала довольно густо покрасневшая

мисс Нейлор.

- Если бы это было так, - заметил Дони, - то достаточно было бы внимательно присматриваться к окружающим... и не надо никаких сыщиков.

- Я не могу представить себе, чтобы подобные дела не оставляли и следа на человеческом лице! - строго возразила ему мисс Нейлор.

- Есть вещи похуже, чем убийство, - резко сказал Гарц.

- О-о! Par exemple? {О! Например? (франц.).} - спросил Сарелли. За столом насторожились.

- Очень хорошо! - воскликнул герр Пауль. - A vot'sante, cher {За ваше здоровье, милый, (франц.).}

Мисс Нейлор вздрогнула, словно ей за шиворот бросили холодную монетку, а миссис Диси, обернувшись к Гарцу, улыбалась так, как улыбаются, заставив служить домашнюю собачонку.

Только Кристиан, не шевелясь, задумчиво глядела на Гарца.

- Однажды я видел, как судили человека за убийство, - сказал он, - за убийство из мести; я наблюдал за судьей и все время думал: "Уж лучше быть убийцей, чем таким, как ты; в жизни не видел более мерзкого лица; ты червь; ты не преступник только потому, что ты трус".

Объятые чувством неловкости, все замолчали, и в наступившей тишине было отчетливо слышно хмыканье мистера Треффри. Потом Сарелли сказал:

- А что вы скажете об анархистах? Это не люди, это дикие звери! Я б их растерзал!

- Ах, анархисты! - вызывающе ответил Гарц. - Может быть, их и разумно отправлять на виселицу, но есть немало и других, которых не худо было бы повесить тоже.

- Что мы знаем о том, как они прожили жизнь, что испытали? проговорила Кристиан.

Мисс Нейлор, машинально скатывавшая хлебный шарик, поспешно спрятала его.

- Думаю... им... всегда дается возможность... раскаяться...

- И как не раскаяться, если вспомнить, что их ждет, - проговорил Дони.

Миссис Диси сделала веером знак дамам.

- Мы пытаемся объяснить необъяснимое... Не пройти ли нам в сад?

Все встали. Гарц был у самой двери, и Кристиан, проходя мимо, взглянула на него.

Когда он снова сел, у него вдруг появилось ощущение какой-то утраты. Теперь напротив не было девушки в белом. Подняв голову, он встретился взглядом с Сарелли. Итальянец смотрел на него с любопытством.

Герр Пауль стал пересказывать сплетню, которую услышал днем.

- Возмутительный случай! - говорил он. - Никогда бы не подумал, что она способна на такое! Б... вне себя. Да, кажется, вчера у них была ссора.

- Ссоры у них бывали каждый день и с давних пор, - промолвил Дони.

- Но уехать, не говоря ни слова, уехать неизвестно куда!.. Б., без сомнения, *viveur, mais, mon Dieu que voulezvous?* {Жуир, но, боже мой. чего вы хотите? (франц.).} Она всегда была эдакой бледненькой и невзрачной. Да я сам, когда моя... - Он размахивал сигарой. - Я не всегда... был примером... я живой человек... не всем же быть ангелами... *que diable!* Но это вульгарно. Она сбегает, бросает все и... ни слова, а Б. очень любит ее. Такие вещи не делаются!

Его накрахмаленная манишка, казалось, надулась от негодования. Мистер Трефри, положив тяжелую руку на стол, искоса смотрел на него.

- Б. - скотина, - проговорил Дони. - Мне жаль бедную женщину. Но что она будет делать одна?

- В этом, несомненно, замешан мужчина, - вставил Сарелли.

- Кто знает, - промолвил герр Пауль.

- Что собирается делать Б. ? - спросил Дони.

- Он любит ее, - сказал герр Пауль. - Он человек решительный и вернет ее. Он сказал мне: "Я буду следовать за ней, куда бы она ни поехала, пока она не вернется". И он исполнит это, у него твердый характер; он будет следовать за ней, куда бы она ни поехала.

Мистер Трефри одним плотком допил свое одно и сердито обсосал ус.

- Она сделала глупость, выйдя за него замуж, - сказал Дони. - У них не было ничего общего; она ненавидит его всеми фибрами души.

И она лучше его. Однако, убегая подобным образом, женщина ничего не выигрывает. И все же Б. лучше поторопиться. А что думаете вы, сэр? - обратился он к мистеру Треффри.

- Что? - сказал мистер Треффри. - Откуда мне знать? Обратитесь к Паулю, он у вас главный моралист, или к графу Сарелли.

- Если б она была мне дорога, - бесстрастно произнес последний, - я скорее всего убил бы ее... а в противном случае... - Он пожал плечами.

Наблюдавшему за ним Гарцу вспомнились его слова за обедом: "Это дикие звери. Я б их растерзал". Гарц с интересом смотрел на этого спокойного человека, который делал столь свирепые заявления, и думал: "Надо бы написать его".

Герр Пауль вертел в руках бокал.

- Существуют семейные узы, - сказал он, - существует общество, существуют приличия: жена должна быть при муже. Б. поступает правильно. Он должен ехать за ней; быть может, сначала она не вернется; он последует за ней; она станет думать: "Я беспомощна, я смешна!" Женщина не способна долго сопротивляться. Она вернется. Она снова будет с мужем, общество простит, и все будет в порядке.

- Черт возьми, Пауль, - проворчал мистер Треффри, - великолепная способность аргументировать!

- Жена есть жена, - настаивал герр Пауль. - Муж имеет право потребовать, чтобы она была с ним.

- А что вы скажете на это, сэр? - спросил Дони.

Мистер Треффри дернул себя за бороду.

- Принуждать женщину жить с мужем, если она не хочет? Это подло.

- Но, дорогой мой, - воскликнул герр Пауль, - что вы в этом понимаете? Вы же не были женаты.

- И слава богу! - ответил мистер Треффри.

- Но вообще-то говоря, сэр, - сказал Дони, - если муж будет позволять жене делать все, что ей заблагорассудится, то что же это получится? Что станет с брачными узами?

- Брачные узы, - проворчал мистер Треффри, - дело великое! Но, доктор, провалиться мне на этом месте, если травля женщины когда-либо помогала укреплению брачных уз!

- Я думаю не о себе, - горячился герр Пауль, - я думаю об обществе! Существуют приличия!

- Порядочное общество еще никогда не требовало от мужчины, чтобы он попирал собственное достоинство. Если я обжегся на женитьбе, которую предпринял на свой страх и риск, то при чем здесь общество? Думаете, я буду скулить и просить у общества помощи? А что касается приличий, то мы бы чертовски выгадали, если бы перестали носиться с ними. Предоставьте это женщинам! Я и гроша ломаного не дам за тех мужчин, которые в подобных обстоятельствах говорят о своих правах.

Сарелли встал.

- Но честь, - сказал он, - ведь есть еще честь!

Мистер Треффри уставился на него.

- Честь! Если преследование женщины и есть ваше представление о чести, то... я его не разделяю.

- Значит, вы простили бы ее, сэр, что бы ни случилось, - сказал Дони.

- Прощение - это другое дело. Этим пусть занимаются ханжи. Но преследовать женщину! К черту, сэр, я не сноб! - И, хлопнув по столу ладонью, он добавил: - Об этом даже говорить противно.

Сарелли развалился на стуле и стал ожесточенно крутить усы. Гарц поглядел туда, где прежде сидела Кристиан, и встал.

"Если бы я был женат!" - вдруг подумал он.

Герр Пауль тарашил глаза, посоловевшие от выпитого, и все бормотал:

- Ну, а долг перед семьей!

Гарц потихоньку вышел в сад. Луна, словно сказочный белый фонарь, горела на лиловом небе; тлели редкие звезды. Воздух был теплый, но вдруг от снежных гор пахнуло холодом. От этого Гарцу захотелось разбежаться и прыгнуть. Сонный жук опрокинулся на спину, Гарц перевернул его и наблюдал, как он побежал по травинкам.

Кто-то играл "Kinderscenen" {Сцены детства (нем.).} Шумана. Гарц остановился послушать. Музыка звучала в лад его мыслям, обволакивала; в ночи, казалось, звучали девичьи голоса, а надежды и грезы, порожденные тьмой, возносились к горным вершинам, невидимым, но близким. Между стволами акаций мелькали белые платья. Это прогуливались Грета и Кристиан. Он направился к ним; в

лицо бросилась краска, он почувствовал, как его с головой захлестнуло сладостное чувство. И вдруг он в ужасе остановился. Он влюблен! А ведь еще ничего не сделано, еще столько предстоит сделать! Не устоять перед парой красивых плазок! Белые платья уже скрылись из виду. Он не даст себя опутать, он подавит в себе это чувство! Гарц пошел прочь, но с каждым шагом сердце его болезненно сжималось.

За углом дома, в тени стены, стоял, прислонившись к дереву, итальянец Доминик. Он был в расшитых домашних туфлях и курил длинную трубку с вишневым чубуком. Типичный Мефистофель во фраке. Гарц подошел к нему.

- Одолжите мне карандаш, Доминик?

- Bien, m'sieur {Извольте, сударь (франц.)}.

Пристроив визитную карточку на стволе дерева, Гарц написал миссис Дисси: "Простите меня, я должен уехать. Через несколько дней рассчитываю вернуться и закончить портрет ваших племянниц".

Он послал Доминика за своей шляпой. Пока слуга ходил, он чуть было не разорвал карточку и не вернулся в дом.

Когда итальянец вернулся, Гарц сунул ему карточку в руку и пошел к тополям, высеребранным лунным светом и похожим на включенных призраков.

VIII

Гарц шатал по дороге прочь от виллы. Выла собака. А ему и без этого воя было тоскливо. Он заткнул пальцами уши, но тоскливый звук все равно проникал в них и отдавался болью в сердце. Неужели ничто не может избавить его от этого чувства? В старом доме на дамбе ему не стало легче, и он всю ночь шагал из угла в угол.

Перед самым рассветом он с рюкзаком за плечами уже шел по дороге к Мерзну.

Почти миновав Грис, он догнал человека, который шел посередине дороги и оставлял за собой струйку сигарного дыма.

- А! Мой друг, - сказал курильщик, - раненько же вы гуляете. Нам по дороге?

Это был граф Сарелля. Слабый свет придавал его бледному лицу какой-то серый оттенок; уже чернела, пробиваясь сквозь кожу, борода, небритая со вчерашнего дня; большие пальцы были засунуты в

карманы наглухо застегнутого сюртука, а остальными он жестикулировал.

- Путешествуете? - сказал он, кивнув на рюкзак. - Вы рано вышли, а я поздно возвращаюсь; у нашего друга превосходный кюммель... я слишком много выпил. Кажется, вы еще не ложились? Если сон бежит от кого-нибудь, стоит ли отправляться на его поиски? Согласны? Лучше пить кюммель! Простите! Вы поступаете правильно: вы бежите! Бегите прочь как можно быстрее! Не ждите, не давайте этому захватить себя!

Гарц с изумлением смотрел на него.

- Простите, - повторил Сарелли, приподнимая шляпу. - Эта девушка... девушка в белом... я видел. Правильно делаете, что бежите прочь! - Он нетвердо держался на ногах. - Тот старикашка... Как его зовут... Трррефрри! Что за понятие о чести! - бормотал он. - Честь - понятие абстрактное! Кто не верен абстракции, тот низок. Погодите минутку!

Он прижал руку к боку, словно от боли.

Изгороди чуть-чуть порозовели; на длинной пустынной дороге, кроме их собственных шагов, не было слышно ни звука; вдруг защebetала птица, другая отозвалась - мир, казалось, наполнился тоненькими голосками.

Сарелли остановился.

- Эта девушка в белом... - быстро проговорил он. - Да! Вы поступаете правильно! Прочь! Не поддавайтесь! Я замешкался и попался... а что получилось? Все пошло прахом... а теперь... кюммель!

Он хрипло захохотал, подкрутил ус и покачнулся.

- Я был молодец хоть куда... все было по плечу Марио Сарелли; всему полку был примером. А потом, появилась она... хорошенькие глазки и белое платье, всегда в белом платье, как ваша, родинка на подбородке, ручки быстрые, а прикоснется... теплые, как солнечные лучики. И не стало прежнего Сарелли! Маленький домик у крепостного вала! Ручки, глазки, а здесь у нее ничего, - он похлопал себя по груди, - кроме пламени, от которого очень скоро остался только пепел... вот такой!.. - Он стряхнул белесый пепел с конца сигары. - Забавно! Вы согласны, hein? Когда-нибудь я вернусь и убью ее. А пока... кюммель!

Он остановился возле дома, стоявшего у самой дороги, и осклабился.

- Я уже надоел вам, - сказал он. Сигара его ударилась о землю у ног Гарца, выбросив сноп искр. - Я живу здесь... всего хорошего! Вы любите работать... ваша честь - это ваше искусство! Я понимаю. И потом вы молоды! Человек, которому плоть дороже чести, низок... я и есть низкий человек. Я, Марио Сарелли, низкий человек! Плоть мне дороже чести!

Он покачивался у калитки, с ухмылкой на лице; потом, спотыкаясь, поднялся на крыльцо и захлопнул за собой дверь. Но не успел Гарц сойти с места, как он вновь появился на пороге и поманил его рукой. Гарц невольно шагнул к нему и вошел в дом.

- Будем кутить до утра, - сказал Сарелли. - Вино, коньяк, кюммель? Я добродетелен... Пью только кюммель!

Он сел за пианино и стал что-то наигрывать, Гарц налил себе вина. Сарелли кивнул.

- С этого начинаете? *Allegro-piu-presto!* {Быстро-быстрее-еще быстрее! (итал.)} Вино-коньяк-кюммель! - Он стал наигрывать быстрее. - Это не слишком долгий пассаж, а потом... - Он снял руки с клавиш, - ... приходит это.

Гарц улыбнулся.

- Не все кончают самоубийством, - сказал он.

Сарелли, раскачиваясь во все стороны, заиграл тарантеллу, но вдруг оборвал и, глядя во все глаза на художника, стал играть "Kinderscenen" Шумана. Гарц вскочил.

- Довольно! - закричал он.

- Пробирает? - учтиво спросил Сарелли. - А что вы скажете об этом?

Он снова склонился над пианино и стал извлекать из него звуки, подобные стонам раненого животного.

- А это для себя! - сказал он и, повернувшись на табурете, встал.

- За ваше здоровье! Итак, вы верите не в самоубийство, а в убийство? Но так не принято. Вы, наверно, презираете то, что принято? Это светские условности, а? - Он выпил стакан кюммеля. - Вы не любите общества?

Гарц пристально смотрел на него, ему не хотелось ссоры.

- Я не в восторге от чужих мыслей, - сказал он наконец. - Предпочитаю думать сам.

- Выходит, общество никогда не бывает правым? Бедное общество!

- Общество! Что такое общество? Несколько человек в хороших костюмах? Что оно сделало для меня?

Сарелли откусил кончик сигары.

- Ага! - сказал он. - Теперь мы попали в точку. Хорошо быть художником, свободным художником; у людей дисциплина, а для него, как говорится, закон не писан.

Художник вскочил на ноги.

- Да, - сказал Сарелли и икнул, - хорош!

- Вы пьяны! - выкрикнул Гарц.

- Немного пьян... но не настолько, чтобы об этом стоило говорить.

Гарц рассмеялся. Ну не безумие ли оставаться здесь и слушать этого сумасшедшего? И зачем только он зашел? Гарц направился к двери.

- Вот как! - сказал Сарелли. - Все равно не уснете... давайте лучше поговорим. Мне надо многое сказать... иногда приятно поговорить с анархистами.

Сквозь щели в ставнях было видно, что на улице уже совсем рассвело.

- Все вы анархисты, вы, художники, писаки. Факты для вас игрушки, вы живете этим. Игра воображения... никакой основательности... Вам только новенькое подавай... нервы пощекотать. Никакой дисциплины! Все вы настоящие анархисты!

Гарц налил себе еще вина и выпил. Лихорадочное возбуждение этого человека было заразительным.

- Только дураки, - ответил он, - принимают все на веру. А что касается дисциплины, то что вы, аристократы или буржуа, знаете о дисциплине? Вы когда-нибудь голодали? Вашу душу когда-нибудь клали на обе лопатки?

- Душу на обе лопатки? Неплохо сказано!

- Не будет толку из человека, - горячился Гарц, - если он живет чужими мыслями. Надо самому научиться думать!

- И не прислушиваться к тому, что говорят другие люди?

- Если и прислушиваться, то во всяком случае не из трусости.

Сарелли выпил.

- Что бы вы сделали, - сказал он, ударив себя в грудь, - если бы у вас тут сидел черт? Пошли бы спать?

Что-то вроде чувства жалости охватило Гарца. Ему захотелось как-то утешить Сарелли, но он не мог найти слов и вдруг возмутился. Что может быть общего между ним и этим человеком, между его любовью и любовью этого человека?

- Гарц! - бормотал Сарелли. - Гарц в переводе значит "деготь", hein? Ваш род не из древних?

Гарц свирепо посмотрел на него и сказал:

- Мой отец - крестьянин.

Сарелли взял бутылку и твердой рукой вылил в стакан остатки кюммеля.

- Вы честный человек... и у нас обоих в груди сидит по черту. Да, я забыл... я привел вас сюда показать картину.

Он распахнул ставни, окна уже были раскрыты, и в комнату ворвался свежий воздух.

- Ага! - сказал он, раздувая ноздри. - Пахнет землей, nicht wahr, herr Artist? {Не правда ли, господин художник? (нем.).} Уж вы-то разбираетесь... это стихия вашего отца... Подите сюда, вот моя картина. Корреджо! Что вы о ней скажете?

- Это копия.

- Вы думаете?

- Я знаю.

- В таком случае, вы лжете, сеньор.

И, достав платок, Сарелли щелкнул им по лицу художника. Гарц стал белым, как мел.

- Дуэль - это хороший обычай! - сказал Сарелли. - Я буду иметь честь познакомить вас с ним, если вы не испугаетесь. Здесь пистолеты... по диагонали в этой комнате, по крайней мере, двадцать футов. Двадцать футов дистанция неплохая.

Он открыл ящик стола, извлек из футляра два пистолета и положил их на стол.

- Освещение хорошее... но, быть может, вы боитесь?

- Дайте мне пистолет! - крикнул взбешенный художник. - И я отправлю вас, дурака, на тот свет!

- Сию минуту! - бормотал Сарелли. - Я заряджу их, от заряженных больше толку.

Гарц высунулся из окна; голова кружилась. "Что же, черт возьми, происходит? - думал он. - Он сумасшедший... да и я тоже! Будь он проклят! Я не собираюсь рисковать жизнью!" Он повернулся и направился к столу. Там, положив голову на руки, спал Сарелли. Гарц осторожно взял пистолеты и положил их обратно в ящик. Какой-то звук заставил его обернуться; позади стояла высокая крепкая молодая женщина в просторном платье, скрепленном на груди. Она перевела взгляд серых глаз с художника на бутылки, а потом на футляр с пистолетами. Ее нехитрая логика рассмешила Гарца.

- Так часто случается, - сказала она на местном наречии, - вам нечего бояться.

Подняв неподвижного Сарелли, словно ребенка, она уложила его на кушетку.

- Он не проснется, - сказала она, села и облокотилась на стол.

Гарц поклонился ей; было что-то трогательное в ее позе - воплощенное терпение, несмотря на молодость и силу. Взяв рюкзак, он вышел.

Над крышами хижин вились дымки; по долине плавали клочья тумана, радостно заливались птицы. Всюду в траве пряли великое множество нитей, которые изгибались и дрожали от ветерка, словно оснастка волшебного кораблика.

Весь день он бродил.

Кузнецы, высокие, дородные люди с узловатыми мускулами, сонными глазами и длинными белокуроыми бородами, выходили из своих кузниц, чтобы размяться и отереть лбы, и внимательно разглядывали его.

Белые волы были еще без ярем и хлестали хвостами себя по бокам, мотая от жары головами. Старушки на крылечках маленьких шале вязали, щурясь на солнце.

Белые дома с зияющими пещерами чердаков, красный шпиль церкви, звон молотов в кузницах, медленная поступь волов - все говорило о том, что здесь работали не спеша, не ради идеи, не из честолюбия. Гарцу все это было близким и родным; как и запах земли, это, по словам Сарелли, была его стихия.

На закате он подошел к роще лиственниц и присел отдохнуть. Было очень тихо, только звенели колокольчики на шеях у коров и где-то вдалеке валили лес.

Из лесу вышли два босоногих мальчугана и с серьезными физиономиями прошагали мимо, поглядывая на Гарца, как на чудище. Миновав его, они тотчас бросились бежать.

"В их годы, - подумал он, - я сделал бы то же самое". Нахлынули воспоминания.

Он посмотрел на деревню, раскинувшуюся внизу: белые дома, покрытые красноватой черепицей, с шапками дыма над ними, виноградники, в которых уже начали распускаться молодые листочки, красный шпиль, лента бурлящего потока, старинный каменный крест. Четырнадцать лет он выбирался из всего этого, и теперь, когда у него появилась возможность свободно дышать и посвящать все свое время любимой работе, на него свалилась эта слабость. Лучше, в тысячу раз лучше отказаться от нее!

В нескольких домах зажглись огоньки, потянуло дымком, донесся далекий колокольный звон и шум потока.

IX

На следующий день он проснулся с одной мыслью - вернуться домой и приняться за работу. Он добрался до мастерской за полдень, пополнил свои припасы и забаррикадировал нижнюю дверь. Он не выходил на улицу три дня, а на четвертый отправился на виллу Рубейн...

Замок Рункельштейн - серый, слепой, бессильный - все еще царит над долиной. Бойницы, которые некогда, словно глаза, настороженно следили за всадниками, пробивавшими себе путь в снегу, и не робели перед пушечными ядрами и заревом факелов, ныне служат пристанищем для птиц, которые вьют здесь гнезда. Стены заросли плющом до самого верха. В главной башне вместо суровых, закованных в латы воинов теперь находится деревянный щит, на котором изложена история замка и запечатлены рекомендации, где перекусить. Только ночью, когда холодный свет луны зальет все вокруг серебром, замок стоит высоко над рекой, как мрачная тень своего славного прошлого.

После продолжительного утреннего сеанса сестры вместе с Гарцем и Дони отправились осматривать развалины. Мисс Нейлор,

из-за головной боли оставшаяся дома, заботливо напутствовала их, предостерегая от солнечного удара, жгучей крапивы и незнакомых собак,

С тех пор как художник вернулся, он и Кристиан почти не разговаривали. Под парашютом, где они сидели, был пристроен балкон с перилами, уставленный небольшими столиками. Дони и Грета играли там в домино, два солдата пили пиво, а на верхней ступеньке лестницы сидела жена сторожа и чинила одежду.

- Я думала, мы друзья, - вдруг сказала Кристиан.

- А разве это не так, фрейлейн Кристиан?

- Вы исчезли, не сказав ни слова; друзья так не поступают.

Гарц кусал губы.

- Вали, по-видимому, все равно, - продолжала она с какой-то отчаянной поспешностью, - причиняете вы людям боль или нет. За все время, что вы здесь, вы даже ни разу не навестили своих родителей.

- Вы думаете, им хочется видеть меня?

Кристиан взглянула на него.

- Жизнь у вас текла так безмятежно, - сказал он с горечью, - что вы ничего не можете понять.

Он отвернулся и потом горячо заговорил:

- Я горжусь тем, что вышел из крестьянской семьи... и сам не хотел бы иной судьбы; но они "простолюдины", они ограниченные люди... они понимают только то, что могут увидеть и пощупать!

- Простите, - тихо сказала Кристиан, - вы ведь никогда мне не рассказывали о себе.

Художник бросил на нее злой взгляд, но, видно, почувствовав угрызения совести, тотчас сказал:

- Я никогда не любил крестьянской жизни... мне хотелось выбраться в большой мир; у меня было такое чувство... я хотел... не знаю, чего я хотел! И в конце концов я сбежал к маляру в Меран. Наш священник по просьбе моего отца написал мне письмо... родители отказались от меня; вот и все.

Глаза Кристиан блестели, губы шевелились, словно у ребенка, слушающего сказку.

- Говорите, - попросила она.

- Я пробыл в Меране два года, пока не научился всему, чему можно было научиться там, а потом мой дядя - брат матери - помог

мне уехать в Вену. Мне посчастливилось попасть в подручные к человеку, который расписывал церкви. Мы с ним объездили всю страну. Однажды он заболел, и я сам расписал весь купол церкви. Всю неделю я целыми днями лежал на спине на досках лесов и писал... Я очень гордился своей работой.

Гарц умолк.

- А когда вы начали писать картины?

- Один мой друг спросил меня, почему бы мне не попытаться поступить в академию. И я стал посещать вечерние курсы; я рисовал каждую свободную минуту; мне, конечно, приходилось еще зарабатывать на жизнь, и потому я рисовал по ночам. Потом, когда пришло время сдавать экзамены, мне показалось, что я ничего не умею... У меня было такое чувство, словно я никогда не брал в руки ни кисти, ни карандаша. Но на второй дань профессор, проходя мимо, сказал мне: "Хорошо! Очень хорошо!" Это подбодрило меня. Но все-таки я был уверен, что провалился. Однако я оказался вторым из шестидесяти.

Кристиан кивнула.

- Чтобы учиться в академии, мне, конечно, пришлось бросить работу. Там был всего один профессор, который меня еще кое-чему научил, все остальные казались попросту дураками. А этот человек, бывало, подойдет и сотрет рукавом все, что ты написал. Сколько раз я плакал от ярости... а все равно сказал ему, что могу учиться только у него. Он был так удивлен, что записал меня в свой класс.

- Но как же вы жили без денег? - опросила Кристиан.

Лицо Гарца залилось густым, темным румянцем.

- Сам не понимаю, как я жил; а уж тому, кто не прошел через все это, никогда не помнить.

- Но я хочу понять. Расскажите, пожалуйста.

- Ну что вам рассказать? Как я дважды в неделю питался бесплатными обедами? Как получал подачки? Как голодал? У моей матери был богатый родственник в Вене... я обычно ходил к нему. И делал это скрепя сердце. Но когда есть нечего, а на дворе зима...

Кристиан протянула ему руку.

- Бывало, я занимал немного угля у таких же бедняков-студентов, каким был сам, но я никогда не обращался к богатым студентам.

Румянец уже сошел с лица Гарца.

- От такого легко возненавидеть весь мир! Работаешь до потери сознания, мерзнешь, голодаешь, видишь, как богачи, закутанные в меха, разъезжают в своих экипажах... а сам все время мечтаешь создать что-то большое... Молишь о счастливом случае, о малейшей возможности выбиться, но счастливые случайности не для бедняков! И от этого ненавидишь весь мир!

Глаза Кристиан наполнились слезами. Гарц продолжал:

- Но в таком положении был не я один. Мы частенько собирались вместе. Гарин, русский с реденькой каштановой бородкой и желтыми зубами... у него был вечно голодный вид. Пауниц, входивший в нашу группу как сочувствующий. У него были жирные щеки и маленькие глазки, а по животу пущена толстая золотая цепочка... свинья! Маленький Мизек. В его-то комнате мы и встречались. На стенах драные обои, в дверях щели, вечный сквозняк. Бывало, сидим на его кровати, завернувшись для тепла в грязные одеяла, и курим... последний грош мы тратили не на еду, а на табак. У кровати стояла статуэтка девы Марии с младенцем... Мизек был католик и очень набожный; но однажды, когда ему нечего было есть, а торговец присвоил его картину, не дав ему за нее ни гроша, он схватил статуэтку, бросил на пол и топтал ногами осколки. Бывал там еще Лендорф, неповоротливый великан, который всегда надувал бледные щеки, бил себя в грудь и говорил: "Проклятое общество!" И Шенборн, аристократ, порвавший с родными. Из нас он был самый бедный; только он да я еще отважились бы на что-нибудь... все это знали!

Кристиан слушала с благоговейным страхом.

- Значит... - проговорила она. - Значит, вы?..

- Вот видите! Вы уже боитесь меня. Даже вы не можете понять. Это только пугает вас. Голодного человека, живущего на подачки, измученного гневом и стыдом, даже вы считаете диким зверем!

Кристиан посмотрела ему прямо в глаза.

- Это неправда. Если я и не понимаю, то чувствую. Но были бы вы таким же теперь, если бы все это вернулось снова?

- Да, я и теперь прихожу в бешенство, когда думаю о раскормленных, благоденствующих людях, презрительно фыркающих и всплескивающих руками при виде бедняг, которые вынесли в десятки раз больше, чем сможет вынести большинство из этих животных с изящными манерами... Я стал старше, приобрел

жизненный опыт... я знаю, что положения насилием не исправишь... ничем его не исправишь, но это никак не отразилось на моей ненависти.

- И вы отважились на что-нибудь? Вы сейчас же мне все расскажете.

- Мы разговаривали... были одни разговоры.

- Нет, расскажите мне все!

Сама того не сознавая, она требовала, а он, казалось, не признавал, что признает за ней это право.

- И рассказывать-то нечего. Однажды мы вдруг стали говорить вполголоса... это Гарин начал, он был замешан в каком-то деле в России. Мы принесли клятву и после этого уже никогда не говорили громко. Выработали план. Все это было для меня внове и не по душе мне, но брать подачки омерзело, я вечно был голоден и пошел бы на все. Остальные знали это; они поглядывали на меня и Шенборна. Мы знали, что больше ни у кого не хватит смелости. Мы с ним были большие друзья, но никогда не говорили о том, что нам предстоит. Мы старались не думать об этом. Если выпадал хороший день и мы не были очень голодны, то наши планы казались нам противоестественными, но когда дела были плохи, все казалось в порядке вещей. Я не боялся, но часто просыпался по ночам; мне была противна клятва, которую мы дали, мне были противны мои товарищи; это дело было не для меня, душа у меня к нему не лежала, мне его навязали... я ненавидел его, временами я был как сумасшедший.

- Говорите, - пробормотала Кристиан.

- Все это время я занимался в академии и учился всему, чему мог... Однажды вечером, когда мы собрались, Пауница с нами не оказалось. Мизек рассказывал нам о приготовлениях к делу. Мы с Шенборном переглядывались... было тепло... по-видимому, мы не были голодны... к тому же на дворе стояла весна, а весной все воспринимается по-другому. Есть что-то...

Кристиан кивнула.

- Во время нашего разговора раздался стук в дверь. Лендорф посмотрел в замочную скважину и сделал знак рукой. Это была полиция. Никто не произнес ни слова, а Мизек полез под кровать. Мы все за ним... В дверь стучали все сильнее и сильнее. В стене под

кроватью была маленькая дверца, которая вела в пустой подвал. Мы полезли туда. В углу, за ящиками, находился люк, в который опускали бочки. Через него мы выбрались в переулок и разошлись.

Он замолчал, и у Кристиан вырвался прерывистый вздох.

- Я хотел было зайти домой и взять деньги, но у двери стоял полицейский. Полиция все предусмотрела. Нас предал Пауниц; попадись он мне даже сейчас, я бы свернул ему шею. Я твердо решил не даваться в руки полиции, а сам и понятия не имел, куда бежать. Потом я вспомнил об одном маленьком итальянце парикмахере, который обычно брил меня, когда у меня бывали деньги на бритье. Я знал, что он мне поможет. Он принадлежал к какому-то итальянскому тайному обществу и частенько просвещал меня, шепотом, конечно. Я пошел к нему. Он брился, собираясь в гости. Я рассказал ему, что произошло; смешно было видеть, как он бросился к двери и подпер ее спиной. Он очень испугался, так как разбирался в делах такого рода лучше меня... мне-то было тогда всего двадцать лет. Он обрил мне голову, сбрил усы и надел на меня белокурый парик. Потом принес макароны и немного мяса. Он дал мне кепку, за подкладку которой запрятал большие белокурые усы, а потом принес собственный плащ и четыре гульдена. Все это время он испуганно прислушивался и повторял: "Ешь!" Когда я поел, он только сказал: "Уходи, больше я тебя и знать не хочу". Я поблагодарил его и ушел. Я бродил всю ночь, так как не мог придумать, как быть, куда отправиться. Под утро я уснул на скамейке в одном сквере. Потом решил пойти в картинную галерею, где провел целый день, разглядывая картины. К тому времени, когда галерея закрылась, я очень устал и отправился в кафе, чтобы выпить пива. Выйдя из кафе, я уселся на ту же скамейку в сквере. Я хотел дождаться темноты, а потом выйти из города и сесть на поезд на какой-нибудь маленькой станции, но тут же задремал. Меня разбудил полицейский. В руках у него был мой парик. "Почему вы носите парик?" - спросил он. "Потому что я лыс", - ответил я. "Нет, - сказал он, вы не лысый, а бритый. Можно нащупать, как колются волосы". Он провел пальцем по моему темени. Я понял, что отпираться бесполезно, и рассмеялся. "Ах, так! - сказал он. - Вы пойдете со мной и объясните все; эти глаза и нос кажутся мне подозрительными". И я покорно пошел с ним в полицейский участок...

Гарц, по-видимому, сам увлекся рассказом. По богатой мимике его подвижного смуглого лица, по выражению серых глаз можно было подумать, что он вновь переживает давние события своей жизни.

Солнце припекало; Кристиан подобрала ноги и обхватила руками колени.

Х

- Мне уже было все равно, чем это кончится. Я даже не придумал, что говорить. Полицейский провел меня по коридору в комнату, где стояли длинные скамьи, на стенах висели карты, а окна были забраны решетками. Мы сели и стали ждать. Он не спускал с меня глаз, и я уже ни на что не надеялся. Вскоре пришел инспектор. "Введите его", - приказал он. Помнится, я готов был убить его за то, что он распоряжается мною! Мы прошли в соседнюю комнату. Там висели большие часы, стоял письменный стол, а окно без решетки выходило во двор. На вешалке висели длинные полицейские шинели и фуражки. Инспектор велел мне снять кепку. Я снял ее вместе с париком и прочим. Он спросил меня, кто я такой, но я отказался отвечать. Тут послышались громкие голоса из комнаты, в которой мы только что были. Инспектор велел полицейскому постеречь меня, а сам вышел посмотреть, что случилось. Слышно было, как инспектор разговаривал в другой комнате. Потом он позвал: "Беккер, подите сюда!" Я не шевелился, и Беккер тоже вышел. Я услышал, как инспектор сказал: "Пойдите найдите Шварца. А за этим субъектом присмотрю я сам". Полицейский ушел, а инспектор, стоя спиной ко мне в полуоткрытой двери, снова стал разговаривать с человеком, находившимся в другой комнате. Несколько раз он оглядывался, но я не шевельнулся. Они начали спорить, и голоса у них стали злыми. Инспектор понемногу отходил от двери. "Пора!" - подумал я и скинул с себя плащ. Потом я схватил полицейскую шинель и фуражку и надел их на себя. Сердце колотилось так, что мне чуть не стало дурно. Я пошел на цыпочках к окну. Снаружи никого не было, только у ворот какой-то человек держал под уздцы лошадей. Затаив дыхание, я потихоньку открыл окно. Донесся голос инспектора: "Я доложу о том, что вы не подчиняетесь приказу!" Я выскользнул в окно. Шинель почти доходила мне до пят, а фуражка сползала на глаза. Проходя мимо человека с лошадьми, я сказал: "Добрый вечер". Одна из лошадей стала брыкаться, и он только что-то буркнул в ответ. Я

вскочил в проходивший трамвай; до вокзала Вест Бангоф было всего пять минут езды, и я вышел там. Как раз отходил поезд, я услышал крик: "Einsteigen!" {По вагонам! (нем.).} и побежал. Контролер пытался остановить меня. Я закричал: "У меня дело... важное!" - он меня пропустил. Я вскочил в вагон. Поезд пошел.

Гарц замолчал, а Кристиан перевела дух. Теребя веточку плюща, Гарц продолжал: - В купе сидел какой-то человек и читал газету. Немного погодя я спросил его: "Где у нас первая остановка?". "В Санкт-Пелтене". Теперь я знал, что попал на мюнхенский экспресс. Прежде чем пересечь границу, он сделает четыре остановки: в Санкт-Пелтене, Амштеттене, Линце и Зальцбурге. Человек отложил газету и взглянул на меня; у него были большие белокурые усы и довольно потертая одежда. Его взгляд встревожил меня, я думал, что он вот-вот скажет: "Вы не полицейский!" И вдруг мне в голову пришло, что если меня будут искать в этом поезде, то будут искать как полицейского! На вокзале, конечно, скажут, что перед самым отходом в поезд сел полицейский. Надо избавиться от шинели и фуражки, но в купе человек, а я не хотел выходить, чтобы не привлекать внимание других. Так я и сидел. Наконец мы прибыли в Санкт-Пелтен. Мой сосед взял саквояж и вышел, оставив газету на сиденье. Поезд тронулся. Наконец я вздохнул свободно и как можно быстрее снял шинель и фуражку и вышвырнул их во мрак за окном. Я думал: "Теперь я буду за границей". Я достал кепку и вынул усы, которые мне дал Луиджи. Вычистив, как можно, одежду, я прилепил усы; мелкими, которые лежали у меня в кармане, высветлил брови и начертил несколько морщин на лице, чтобы казаться старше, а поверх парика натянул свою кепку. Это получилось у меня довольно удачно - я стал похож на человека, который только что вышел из вагона. Я сел в угол, спрятался за газету и ждал Амштеттеиа. Прошло, казалось, невероятно этого времени, прежде чем поезд остановился. Выглядывая из-за газеты, я увидел на платформе пять или шесть полицейских. Один из них оказался возле моего купе. Он открыл дверь, взглянул на меня и прошел через купе в коридор, Я достал табак и скрутил папиросу, но она дрожала во рту. Гарц поднял веточку плюща. - Вот так. Через минуту вошел кондуктор с двумя полицейскими. "Он сидел здесь, - сказал кондуктор, - с этим господином". Один из полицейских посмотрел на меня и спросил: "Был тут с вами полицейский?". "Да", -

сказал я. "А где он?". "Сошел в Санкт-Пелтене". Полицейский спросил кондуктора: "Вы видели, как он сходил там?". Кондуктор покачал головой. Я сказал: "Он соскочил на ходу". "Вот как! - сказал полицейский. - А как он выглядел?" "Невысокий и без усов. А что случилось?". "Вы не заметили ничего особенного?". "Нет, - ответил я. - Вот только что у него были неформенные брюки. А в чем дело?" Один из полицейских сказал другому: "Это он! Пошлите телеграмму в Санкт-Пелтен; уже прошло больше часа с тех пор, как он сошел с поезда". Он спросил меня, куда я еду. "В Линц", ответил я. "Вам придется дать свидетельские показания, - сказал он. Пожалуйста, скажите вашу фамилию и адрес". "Йозеф Рейнгард, Донау-штрассе, 17". Он записал. Кондуктор сказал: "Мы опаздываем, разрешите дать отправление?" Они вышли и захлопнули за собой дверь. Я слышал, как полицейские говорили кондуктору: "Осмотрите все еще раз в Линце и доложите местному инспектору". Они поспешили на платформу, и поезд тронулся. Сначала я думал, что выскочу, как только поезд отойдет от станции. Но потом сообразил, что отсюда слишком далеко до границы; лучше подождать Линца и попытаться там. Я сидел, не шевелясь, и старался не думать. Прошло много времени, прежде чем поезд сбавил ход. Я высунул голову в окно и увидел вдалеке огоньки. Я приоткрыл дверь купе и ждал, когда поезд пойдет еще тише; я не собирался сойти в Линце и попасть в мышеловку. Медлить было нельзя; я распахнул дверь, прыгнул, упал в какие-то кусты и на мгновение потерял сознание. Я сильно ушибся, но кости все были целы. Едва оправившись, я выполз из кустов. Было очень темно. Я чувствовал себя плохо, голова гудела. Некоторое время я ковылял между какими-то деревьями, но вскоре выбрался на открытое место. С одной стороны были видны контуры города, вычерченные зажженными фонарями, с другой - какая-то темная масса, которую я принял за лес; вдали тянулась тоненькая цепочка огоньков. "Это, по-видимому, фонари на мосту", - подумал я. Но тут же выплянула луна, и я увидел, как внизу блестит река. Было холодно и сыро, и я зашагал быстрее. Наконец я вышел на дорогу, ведущую мимо домов, мимо лающих собак, вниз, к реке. Там я сел, привалился к стенке сарая и уснул. Проснулся я от холода. Стало еще темней, чем прежде; луна спряталась. Река была еле видна. Я заковылял, чтобы еще до рассвета пройти через город. Дома и сараи казались черными

пятнами, пахло рекой, прелым сеном, яблоками, дегтем, илом, рыбой; кое-где на причалах горели фонари. Я ковылял через бочки, бунты канатов, ящики; я понимал, что мне не уйти незамеченным - на той стороне уже занимался рассвет. Из дома напротив вышли несколько человек. Я нагнулся и присел на корточки за какими-то бочками. Люди прошли по причалу и, казалось, исчезли в реке. Я услышал, как один из них произнес: "К ночи будем в Пассау". Встав, я увидел, что они ходят по борту пароходика, который с несколькими баржами на буксире стоял носом против течения. На пароход вели сходни, освещенные фонарем". Слышно было, как под палубой разводят пары. Я взбежал по сходням и стал пробираться на корму. Я решил добраться до Пассау. Буксирный канат был туго натянут, и я знал, что если попаду на баржу, то буду в безопасности. Я вцепился в канат и стал перебираться по нему. Положение было отчаянное; светало, и на палубе парохода вот-вот должны были появиться люди. Несколько раз я чуть не свалился в воду, но до баржи все-таки добрался. Она была гружена соломой. На барже никого не было. Мне хотелось есть и пить - я обшарил все вокруг, но ничего, кроме золы от костра и чьей-то куртки, не нашел. Я заполз в солому. Вскоре лодка развезла людей - по одному на каждую баржу, и я услышал шипение пара. Как только мы тронулись, я заснул. Когда я проснулся, мы ползли в густом тумане. Я немного отгреб солому и увидел лодочника. Он сидел у костра, разведенного на корме, чтобы искры и дым сдувало в сторону реки. Он что-то жадно ел и пил, пуская в ход обе руки, и в тумане это выглядело довольно странно - словно большая птица хлопала крыльями. Донесся крепкий аромат кофе, и я чихнул. Как он вздрогнул! Но потом взял вилы и стал тыкать в солому. Я встал. На лице этого огромного смуглого детеныша с большой черной бородой было написано такое удивление, что я не мог не рассмеяться. Я показал пальцем на костер и сказал: "Дай мне поесть, братец!" Он вытащил меня из соломы; я так окоченел, что не мог двигаться. И вот я уже сидел у костра, ел черный хлеб с репой и пил кофе, а он стоял рядом и, поглядывая на меня, что-то бормотал. Я плохо понимал его, он говорил на каком-то венгерском диалекте. Он расспрашивал меня, как я попал сюда, кто я и откуда. Я смотрел на него снизу вверх, а он, посасывая трубку, глядел на меня сверху вниз. Человек он был добрый, жил на реке одиноко, а я устал от лжи и поэтому рассказал ему всю

правду. Выслушав меня, он только буркнул что-то. Как сейчас вижу: он стоит надо мной, в бороде застряли клочья тумана, большие руки обнажены. Он зачерпнул мне воды, я умылся, показал ему парик и усы и вышвырнул их за борт. Целый день стоял туман, мы лежали ногами к костру и курили; время от времени он сплевывал на угли и что-то бормотал себе в бороду. Никогда не забуду этого дня. Пароход был похож на огнедышащее чудовище, а баржи, на которых горели костры, на безмолвные глазастые существа. Берега мы не видели, но временами из тумана выплывал то утес, то высокие деревья, то замок... Если бы только у меня были краски и холст в тот день! - Гарц вздохнул.

- Была ранняя весна, и вода в реке стояла высоко; караван шел в Регенсбург, чтобы разгрузиться там, взять новый груз и вернуться в Линц. Как только туман стал рассеиваться, лодочник запрятал меня в солому. Пассау стоит на границе; мы остановились там на ночь, но ничего не случилось, и я благополучно спал в соломе. На следующий день я уже лежал на палубе. Туман окончательно рассеялся, но теперь я был свободен. Солнце золотом сверкало на соломе и зеленой мешковине; вода приплясывала; а я смеялся - я смеялся, не переставая, и лодочник смеялся вместе со мной. Славный был он человек! В Регенсбурге я помогал им разгружаться; мы работали больше недели; они прозвали меня "лысым", и когда все было кончено, я отдал все деньги, заработанные на разгрузке, великану с баржи. На прощание мы расцеловались. Из четырех гульденов Луиджи у меня еще сохранились три. Я отыскал маляра, и он дал мне работу. Я пробыл там полгода, чтобы скопить денег; потом я написал в Вену родственнику матери и сообщил ему, что собираюсь в Лондон. Он прислал мне рекомендательные письма к своим тамошним друзьям. Я отправился в Гамбург, а оттуда на грузовом пароходе в Лондон и до сего времени сюда не возвращался.

XI

После минутного молчания Кристиан сказала испуганно:

- Значит, вас могут арестовать!

Гарц засмеялся.

- Если узнают; но это было семь лет тому назад.

- Почему же вы приехали сюда, раз это опасно?

- Я переутомился, потом я семь лет не был на родине, и мне, несмотря на запрет, захотелось повидать ее. Теперь я готов вернуться.

Лицо его стало хмурым.

- А в Лондоне вам тоже плохо жилось?

- Еще хуже, сначала... я не знал языка. В моей профессии, чтобы получить признание, надо много работать, и прокормить себя трудно. Слишком много людей заинтересовано в том, чтобы не давать тебе выдвигаться... Я им попомню это.

- Но не все же такие?

- Нет, есть и хорошие люди. Их я тоже не забуду. Теперь мои картины находят покупателей; теперь я уже не беспомощен, и, уверяю вас, я ничего не забуду. И если я буду в силе - а я буду в силе, - я все припомню.

По стене простучал град мелких камешков. Внизу стоял Дони и посмеивался.

- Вы, кажется, решили просидеть тут до утра? - спросил он. - Мы с Гретой уже надоели друг другу.

- Мы идем, - поспешно сказала Кристиан.

На обратном пути Гарц и Кристиан молчали, но у виллы он взял Кристиан за руку и сказал:

- Фрейлейн Кристиан, дописывать ваш портрет я не могу. После этого я к "ему" больше не притронусь.

Она ничего не ответила, но они смотрели друг на друга, и оба, казалось, спрашивали, умоляли, и более того... Потом она опустила глаза. Он выпустил ее руку, сказал "до свидания" и побежал догонять Дони.

В коридоре сестрам повстречался Доминик, который нес вазу с фруктами, и сообщил им, что мисс Нейлор пошла спать, что герр Пауль не вернется домой к обеду, что его хозяин обедает у себя в комнате и что миссис Диси и барышням обед будет подан через четверть часа.

- А какая сегодня вкусная рыба! Маленькие форельки! Попробуйте их, signorina!

Он ступал быстро и мягко, как кот, фалды его фрака хлопали, мелькали пятки белых носков.

Кристиан взбежала наверх. Она металась по комнате, чувствуя, что стоит ей остановиться, как ее одолеют тяжелые, мучительные

мысли. Только суета помогала отгонять их прочь. Она умылась, сменила платье и туфли и сбежала по лестнице в дядюшкину комнату. Мистер Треффри только что покончил с обедом, отодвинул маленький столик и с очками на носу сидел в кресле, читая "Таймс". Кристиан прикоснулась губами к его лбу.

- Рад видеть тебя, Крис. Твой отчим отправился к кому-то на обед, а твоя тетка просто невыносима, когда на нее нападает болтливость... Так и сыплет вздор, говоря между нами, Крис, а?

Глаза его поблескивали.

Кристиан улыбнулась. Она не находила себе места от какого-то странного радостного возбуждения.

- Картина закончена? - неожиданно спросил мистер Треффри, с треском раскрыв газету. - Смотри не влюбись в этого художника, Крис.

Кристиан уже не улыбалась.

"А почему бы и нет? - подумала она. - Что вы знаете о нем? Разве он недостаточно хорош для меня?" Прозвучал гонг.

- Тебя зовут обедать, - заметил мистер Треффри. Ей вдруг стало стыдно, она наклонилась и поцеловала его.

Но когда она вышла из комнаты, мистер Треффри опустил газету и устоялся в дверь, что-то бормоча и задумчиво потирая подбородок.

Кристиан не могла есть; она сидела, равнодушно отказываясь от всего, что предлагал ей Доминик, терзалась какой-то смутной тревогой и невпопад отвечала на вопросы миссис Дисси. Грета украдкой поглядывала на нее из-под ресниц.

- Решительные натуры очаровательны, не правда ли, Кристиан? - сказала миссис Дисси, выпятив подбородок и отчетливо выговаривая каждое слово. - Вот почему мне так нравится мистер Гарц; для мужчины необыкновенно важно знать, чего он хочет. Стоит только взглянуть на этого молодого человека, и вы увидите, что он знает, чего хочет и как этого добиться.

Кристиан отодвинула тарелку. Грета, покраснев, сказала:

- Доктор Эдмунд, по-моему, нерешительная натура. Сегодня он говорит: "Пива, что ли, выпить... да, пожалуй... нет, не стоит"; потом заказал пиво, а когда его принесли, отдал солдатам.

Миссис Дисси с загадочной улыбкой поглядывала то на одну племянницу, то на другую.

После обеда все направились в ее комнату. Грета сразу же уселась за пианино, ее длинные локоны почти падали на клавиши, которые она тихо перебирала, улыбаясь про себя и поглядывая на тетю, читавшую эссе Патера {Патер Уолтер (1839-1894)- английский критик.}.

Кристиан тоже взяла книгу, но вскоре положила ее; она машинально прочла несколько страниц, не вникая в смысл слов. Потом она вышла в сад и бродила по газону, заложив руки за голову. Было душно: где-то очень далеко в горах прогремывала гроза; над деревьями играли зарницы; вокруг розового куста кружились две большие ночные бабочки. Кристиан наблюдала за их неуверенным порывистым полетом. Войдя в беседку, она кинулась на стул и прижала руки к груди.

Неожиданно и незнакомо заняло сердце. Неужели она больше не увидит его? Если его не будет, то что ей останется? Будущая жизнь представилась ей такой бедной, такой невзрачной... а рядом ждал прекрасный мир борьбы, самопожертвования, верности! Словно молния ударила вблизи, опалила ее, лишила способности летать, сожгла крылья, будто она была одной из тех светлых порхающих бабочек. На глаза навернулись слезы и струйками потекли по лицу. "Слепая! - думала она. - Как я могла быть настолько слепой?"

Послышались чьи-то шаги.

- Кто там? - вскрикнула Кристиан.

В дверях стоял Гарц.

- Зачем вы здесь? - оказал он. - Зачем вы здесь?

Он схватил ее за руку; Кристиан попыталась вырваться, отвести от него взгляд, но не могла. Гарц бросился на колени и воскликнул:

- Я люблю вас!

В порыве нежности и непонятного страха она прижалась лбом к его руке.

- Что вы делаете? - услышала она. - Неужели вы любите меня?

И она почувствовала, что он целует ее волосы.

- Любимая моя! Вам будет очень трудно; вы такая маленькая и такая слабенькая.

Еще крепче прижав его руку к своему лицу, она прошептала:

- Меня ничто не страшит.

Наступило молчание, исполненное нежности, молчание, которое, казалось, будет длиться вечно. Вдруг она обвила его шею руками и поцеловала.

- И пусть будет, что будет! - прошептала она и, подобрав платье, скрылась в темноте.

XII

На следующее утро Кристиан проснулась с улыбкой на устах. В ее движениях, голосе, выражении глаз появилось что-то счастливое, приятное и сдержанное, словно она все время думала о чем-то сокровенном. После завтрака она взяла книгу и села у открытого окна, откуда были видны тополя, стоявшие на страже у входа в сад. Дул ветерок, и ей кланялись розы, всюду трезвонили соборные колокола, над лавандой гудели пчелы, а в небе, как большие белые птицы, проплывали легкие облака.

По комнате разносился голос мисс Нейлор, четко и отрывисто диктовавшей Грете, которая писала, вздыхая и глядя одним глазом на бумагу, а другим на Скрафа. Пес лежал на полу, свесив черное ухо на лапу и подрагивая рыжеватыми бровями. Он попал в немилость, ибо Доминик застал его, когда он, "усердно помолившись" перед пудингом, уже вознаграждал себя за благочестие этим же пудингом.

Кристиан тихо положила книгу и выскользнула из комнаты. Между тополями появился Гарц.

- Я вся ваша! - прошептала она.

Их пальцы встретились, и он вошел в дом.

Она снова скользнула в комнату, взяла книгу и стала ждать. Казалось, прошла целая вечность. Выйдя, он только махнул рукой и быстро зашагал прочь; на мгновение она увидела его лицо, бледное, как смерть. Совершенно расстроенная, она побежала в комнату отчима.

Герр Пауль стоял в углу, растерянно поглядывая по сторонам. У него был вид беспечного человека, столкнувшегося с непредвиденной трудностью. Его обычно безупречная манишка сморщилась, словно он под влиянием какой-то сильной эмоции вдруг выдохнул из груди весь воздух; темное пенсне болталось где-то на спине; пальцы он запустил в бороду. Взгляд его был устремлен в какую-то точку на полу, словно он ждал, что она взорвется и разнесет все и вся в клочья. В другом

углу миссис Диси с полузакрытыми глазами терла лоб кончиками пальцев.

- Что вы сказали ему? - крикнула Кристиан.

Герр Пауль посмотрел на нее тусклыми глазами.

- Mein Gott {Боже мой (нем.)}, - сказал он. - Мы с твоей тетей...

- Что вы оказали ему? - повторила Кристиан.

- Какая наглость! Анархист! Нищий!

- Пауль! - проговорила миссис Диси.

- Бандит! Негодяй!

Герр Пауль забегал по комнате.

Вся дрожь, Кристиан выкрикнула: "Как вы смели?" - и побежала вон из комнаты, оттолкнув мисс Нейлор и Грету, которые стояли в дверях бледные и испуганные.

Герр Пауль перестал метаться по комнате и, по-прежнему не отрывая глаз от пола, проворчал:

- Хорошенькое дело... hein? Что творится! Подумать только! Анархист... Нищий!

- Пауль! - проговорила миссис Диси.

- Пауль! Пауль! А вы куда смотрели! - Он указал на мисс Нейлор.

- Две женщины... не могли уследить! Hein!

- Оскорблениями делу не поможешь, - пробормотала миссис Диси, проводя платком по губам. Смуглые щеки мисс Нейлор вспыхнули, она подошла к герру Паулю.

- Надеюсь, вы не... - сказала она. - Я уверена, что не произошло ничего, что я могла бы предотвратить... И я была бы рада, если бы это поняли.

И, с достоинством повернувшись, маленькая гувернантка вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

- Вы слышали?! - с глубоким сарказмом вымолвил герр Пауль. - Ей нечего было предотвращать! Enfin! {Наконец! (франц.)} Скажите, пожалуйста, что же я должен делать?

"Светские люди", чья философия диктуется этикетом и прописными истинами, считают всякое отклонение от своих предрассудков опасным, шокирующим и невыносимо скучным. Герр Пауль всю жизнь смеялся над предрассудками, но когда дело коснулось его самого, смешливость его как рукой сняло. Ему казалось невыразимо ужасным, что девушка, законным опекуном которой он

был, выйдет замуж не за респектабельного, холеного и состоятельного человека. С его точки зрения, ужас этот был весьма оправдан, и естественно, что он не мог судить, оправдан ли его ужас с других точек зрения. В его растерянности было что-то трогательное; он напоминал ребенка, столкнувшегося с совершенно непонятым явлением. Разговор с Гарцем лишил его чувства уверенности, а это ему казалось особенно обидным.

Дверь вновь открылась, и вбежала Грета. Лицо ее пылало, волосы развевались, она была вся в слезах.

- Папа! - сказала она, всхлипывая. - Ты обидел Крис. Она заперлась. Мне слышно, как она плачет. Почему ты обидел ее?

И, не дождавшись ответа, она выбежала. Герр Пауль схватился за волосы.

- Хорошо! Очень хорошо! И это говорит моя собственная дочь! А что будет дальше?

Миссис Дисси томно поднялась со стула.

- Голова у меня болит невыносимо, - заслонив глаза от света, тихо сказала она. - Зачем так волноваться... из этого ничего не может выйти... У него нет ни гроша, у Кристиан ничего не будет, пока вы не умрете, а до этого еще далеко, если, конечно, вам удастся избежать апоплексического удара.

При этих словах герра Пауля всего передернуло. "Гм!" - произнес он с таким выражением, словно уже весь мир ополчился на него. Миссис Дисси продолжала:

- Насколько я могу судить, этот молодой человек после того, что вы ему сказали, сюда не вернется. Что же касается Кристиан, то вам лучше поговорить с Николасом. Пойду прилягу.

Герр Пауль нервно оттягивал пальцем воротничок, облежавший его толстую, короткую шею.

- С Николасом! Конечно же... Превосходная мысль! *Quelle diable d'affaire!* {Вот чертово дело! (франц.)}

"Заговорил по-французски, - подумала миссис Дисси, - значит, у нас скоро воцарится мир. Бедняжка Кристиан! Жаль, конечно, но в конце концов все это дело времени и благоприятного случая". Эта мысль весьма утешила ее.

Но для Кристиан, испытывавшей смешанное чувство тоски и стыда, страха и гнева, эти часы казались непрерывным кошмаром.

Простит ли он? Будет ли он верен ей? Или уедет, не сказав ни слова? У нее было такое чувство, будто вчера она вступила в какой-то иной мир, а сегодня потеряла его. А что придет на смену этому новому чувству, опьяняющему, как вино? Какая мучительная, ужасная развязка!

Как внезапно ей пришлось окунуться в мир фактов и низменных побуждений!

Немного погодя она впустила в комнату Грету, потому что девочка расплакалась, но не разговаривала с ней, а сидела у окна, подставляя лицо ветерку и с тоской глядя на небо и деревья. После нескольких попыток утешить сестру Грета опустила на пол и полулежа робко поглядывала на Кристиан в тишине, нарушавшейся только ее всхлипываниями и птичьим гомоном в саду. К вечеру Грета потихоньку вышла и больше не возвращалась.

После разговора с мистером Трефри герр Пауль принял ванну и тщательно надушился, ясно давая понять, что при таких обстоятельствах он не может оставаться дома. Немного погодя он отправился в Кургауз и не вернулся к обеду.

Кристиан сошла в столовую после обеденного гонга. На щеках ее рдели пятна, под глазами темнели круги, однако вела себя она так, словно ничего не случилось. Добросердечная мисс Нейдор была так расстроена, что машинально скатывала хлебные шарики, поглядывала на них с удивленным видом и неловко прятала. Мистер Трефри покашливал, и голос его, казалось, дрожал больше обычного. Грета молчала и старалась перехватить взгляд Кристиан. Одна миссис Дисси как будто чувствовала себя непринужденно. После обеда мистер Трефри пошел к себе в комнату, тяжело опираясь на плечо Кристиан. Опустившись в кресло, он сказал ей:

- Возьми себя в руки, дорогая!

Кристиан ему не ответила. Едва она вышла в коридор, как Грета схватила ее за рукав.

- Посмотри! - прошептала она, сунув в руку листок бумаги. - Это мне от доктора Эдмунда, но тебе надо прочесть,

Кристиан развернула записку и прочла следующее:

"Мой маленький философ и друг, я получил вашу записку и отправился в мастерскую вашего друга; его там не оказалось, но полчаса тому назад я наткнулся на него на площади. Он не совсем

хорошо себя чувствует, немного перегрелся на солнце - ничего серьезного. Я отвел его к себе в гостиницу и уложил в постель. Если он не уйдет оттуда, то через денек-другой поправится. Во всяком случае, сейчас он из моих когтей не вырвется.

Кланяйтесь мисс Кристиан.

Ваш друг и единомышленник Эдмунд Дони".

Кристиан читала и перечитывала записку, а потом обернулась к Грете.

- Что ты писала доктору?

Взяв записку, Грета ответила:

- Я написала ему: "Дорогой доктор Эдмунд, мы беспокоимся о герре Гарце. Нам кажется, что он не совсем здоров сегодня. Мы (я и Кристиан) хотели бы знать, что с ним. Сообщите нам, пожалуйста. Грета". Вот что я ему написала.

Кристиан потупилась.

- А почему ты написала?

Грета грустно посмотрела на нее.

- Я думала... О, Крис! Пойдем в сад. Мне очень жарко и без тебя так скучно!

Кристиан наклонилась и потерлась щекой о щеку Греты, затем, не говоря ни слова, бросилась наверх и заперлась в своей комнате. Девочка прислушалась. Услышав, как щелкнул замок, она опустилась на нижнюю ступеньку лестницы и взяла на руки Скрафа.

Спустя полчаса мисс Нейлор, шедшая со свечой в руке, увидела, что она крепко спит, положив головку на спину терьера, а на щеках ее следы слез...

Вскоре появилась миссис Дисси, которая тоже со свечой в руке направилась в комнату брата. Сложив руки на груди, она стала перед его креслом.

- Николас, как быть?

Мистер Треффри наливал в стакан виски.

- К черту все, Кон! - ответил он. - Откуда мне знать?

- Кристиан в таком состоянии, что всякое вмешательство может оказаться опасным. Я знаю, что не имею на нее никакого влияния.

- На сей раз ты права, Кон, - подтвердил мистер Треффри.

Миссис Дисси так пристально смотрела на него своими бесцветными глазами, что он тоже невольно взглянул на нее.

- Будь так добр, оставь свое виски и выслушай меня.
Вмешательство Пауля...

- Пауль - осел, - проворчал мистер Треффри.

- Вмешательство Пауля, - продолжала миссис Дисси, - при сложившихся обстоятельствах может привести к опасным последствиям. Любое несвоевременное противодействие с его стороны может толкнуть ее бог знает на что. Кристиан натура хрупкая, как говорится, "чувствительная", но стоит пойти ей наперекор, и она становится упрямой, как...

- ...Мы с тобой! Оставь ее в покое!

- Я понимаю ее характер, но признаюсь, я совершенно не знаю, как быть.

- Никак!

И мистер Треффри выпил еще стакан. Миссис Дисси подняла свечу.

- Мужчины! - сказала она с загадочной интонацией, пожалала плечами и вышла.

Мистер Треффри поставил стакан.

"Понимаю? - подумал он. - Нет, ты не понимаешь, и я не понимаю. Кто поймет молоденькую девушку? Фантазии, мечты - вздор!.. И что она увидела в этом маляре! - Он тяжело вздохнул. - Черт возьми, я дал бы сто тысяч фунтов, лишь бы этого не случилось!"

XIII

Уже прошло много часов с тех пор, как Дони привел Гарца к себе в гостиницу, а он все лежал пластом, мучась от жестокой боли в затылке. До этого он целый день провел на ногах под палящим солнцем, без маковой росинки во рту, в страшном душевном волнении. Любое движение причиняло такую боль, что он боялся пошевелиться и только считал пятна, мелькавшие перед глазами. Дони делал для него все, что мог, а Гарц с какой-то неприязненной апатией ловил на себе настойчивый, испытующий взгляд спокойных черных глаз доктора.

К концу второго дня он уже мог подняться; когда Дони вошел, он сидел на постели в рубашке и брюках.

- Сын мой, - оказал Дони, - расскажите-ка мне лучше о своей беде... Это пойдет нам только на пользу, упрямец вы эдакий...

- Мне надо работать, - сказал Гарц.

- Работать! - медленно проговорил Дони. - Куда вам, и не пытайтесь.

- Мне надо.

- Дорогой мой, вы же не отличите один цвет от другого.

- Мне надо что-то делать; я не могу сидеть здесь и думать.

Дони подцепил большими пальцами проймы жилета.

- Ничего не попишешь, вам еще три дня нельзя показываться на солнце.

Гарц встал.

- Завтра же я пойду в свою мастерскую, - сказал он. - Обещаю не выходить из нее. Мне надо хотя бы видеть свои картины. Если я не могу писать, то я буду рисовать, держать в руках кисти, перебирать свои вещи. От безделья я сойду с ума.

Дони взял его под руку и стал прохаживаться с ним по комнате.

- Я отпущу вас, - сказал он, - но войдите в мое положение! Для меня так же важно поставить вас на ноги, как для вас написать сносную картину. А теперь ложитесь. Завтра утром я отправлю вас домой в экипаже.

Гарц снова сел на кровать и долго сидел без движения, уставившись в пол. Вид его, такой несчастный и жалкий, тронул молодого врача.

- Вы сами разденетесь? - помолчав, спросил он.

Гарц кивнул.

- Тогда спокойной ночи, старина.

И Дони вышел из комнаты.

Он взял шляпу и направился к вилле. Между тополями он в раздумье остановился. Деревья сада казались черными и рельефно выделялись на не погасшем еще золоте заката; большая ночная бабочка, привлеченная огоньком сигары, запорхала у самого лица доктора. Доносились то громкие, то замирающие звуки концертино, словно вздыхал какой-то разочарованный дух. Дони постоял немного, взглянув в дом.

Его провели в комнату миссис Дисси. Она держала перед глазами журнал и встретила гостя с неподдельным облегчением, которое по привычке постаралась скрыть.

- Вас-то я и хотела видеть, - сказала она.

Он заметил, что журнал, который она держала в руках, был не разрезан.

- Вы человек молодой, - продолжала миссис Дисси, - но поскольку вы мой врач, я могу рассчитывать на вашу скромность.

Дони улыбнулся; его широкое, чисто выбритое лицо принимало в таких случаях до смешного глупый вид, и лишь глаза сохраняли обычное выражение.

- Разумеется, - сказал он.

- Я говорю об этом злосчастном деле. Если не ошибаюсь, мистер Гарц находится у вас. Я хотела бы, чтобы вы воспользовались вашим влиянием и отговорили его от попытки встретиться с моей племянницей.

- Влиянием! - сказал Дони. - Вы же знаете Гарца!

Голос миссис Дисси зазвучал зло.

- У каждого человека, - сказала она, - есть слабости. Этот молодой человек уязвим, по меньшей мере, с двух сторон: он страшно горд, во-первых, и очень любит свое дело, во-вторых. Я редко ошибаюсь в оценке характеров; все это для него жизненно важно, а следовательно, может сыграть решающую роль. Жаль его... конечно, но в его возрасте и для мужчины такие вещи... Ее улыбка стала особенно бесцветной. - Дали бы вы мне что-нибудь от головы. Глупо так волноваться! Нервы!.. Но я не могу не волноваться. Вы знаете мое мнение, доктор Дони. Этот молодой человек далеко пойдет, если не свяжет себе руки; он станет человеком с именем. Вы окажете ему огромную услугу, если убедите его, что этим он свяжет себя по рукам и ногам... И вообще это для него унижительно. Помогите же мне! Только вы можете это сделать!

Дони вскинул голову, словно стряхивая с себя подобное обвинение; подбородок его теперь выглядел очень внушительно, да и весь вид у него был внушительный: вид человека, на которого можно положиться.

Его поразило, что миссис Дисси действительно очень встревожена, и деланная улыбка, словно сбившаяся набок маска, не скрывала уже ее истинных чувств. И Дони думал в замешательстве: "Никогда бы не поверил, что она способна на такую..."

- Это нелегкое дело, - сказал он. - Я подумаю.

- Благодарю вас! - проговорила миссис Дисси. - Вы очень любезны.

Проходя мимо классной комнаты, он заглянул в открытую дверь. Там сидела Кристиан. Дани поразило ее лицо - бледное, застывшее. На коленях у нее лежала какая-то книга, но смотрела она не в книгу, а прямо перед собой. Вдруг он подумал: "Бедняжка! Я буду скотиной, если ничего не скажу ей!"

- Мисс Деворелл, - сказал он, - в него вы можете верить.

Кристиан попыталась что-то ответить, но губы ее так дрожали, что она не могла говорить.

- До свидания, - попрощался Дони и вышел.

Три дня спустя Гарц сидел у окна в своей мастерской. Сегодня он впервые почувствовал, что может работать, и теперь, устаю, сидел в полумраке и смотрел, как медленно удлиняется тень от стропил. Жужжал одинокий комарик, сонно чирикали два воробья, обитавшие под крышей. Под окном проносились ласточки, чуть не задевая синеватыми крыльями спокойную воду. Кругом царил тишина. Гарц уснул.

Он проснулся от смутного ощущения, что рядом кто-то стоит. При тусклом свете многочисленных звезд все в комнате имело неясные очертания. Гарц зажег фонарь. Пламя метнулось, задрожало и постепенно осветило большую комнату.

- Кто здесь?

В ответ послышался шелест. Он внимательно осмотрелся, пошел к двери и отдернул занавес. Закутанная в плащ женская фигура отпрянула к стене. Женщина закрыла лицо руками, только они и были видны из-под плаща.

- Кристиан?

Она пробежала мимо него в комнату, и когда он поставил фонарь, она уже стояла у окна. Кристиан быстро повернулась к нему.

- Увезите меня отсюда! Разрешите мне ехать с вами!

- И вы действительно этого хотите?

- Вы говорили, что никогда не расстанетесь со мной!

- Но вы понимаете, что вы делаете? Она кивнула головой.

- Нет, вы не представляете себе, что это значит. Вам придется терпеть такие лишения, какие вам и не снились... голод, например! Подумайте, даже голод! И родные не простят вам... Вы потеряете все.

Она покачала головой.

- Я должна решить... раз и навсегда. Без вас я не могу! Мне было бы страшно!

- Но, милая, как же вы поедете со мной? Здесь мы не можем пожениться.

- Моя жизнь принадлежит вам.

- Я вас недостоин, - сказал Гарц. - Жизнь, которую вы выбираете, может оказаться беспросветной, как это! - Он указал на темное окно.

Тишину нарушили чьи-то шаги. На дорожке внизу был виден человек. Он остановился, по-видимому, раздумывая, и исчез. Потом они услышали, как кто-то ощупью искал дверь, открыл ее со скрипом и стал неуверенно подниматься по лестнице.

Гарц схватил Кристиан за руку.

- Скорей! - прошептал он. - Спрячьтесь за холст!

Кристиан дрожала. Она надвинула на лицо капюшон.

Уже было слышно тяжелое дыхание и бормотание гостя.

- Сейчас он войдет! Быстрей! Прячьтесь!

Кристиан покачала головой.

С замиранием сердца Гарц поцеловал ее и пошел к двери. Занавес отдернулся.

XIV

Это был герр Пауль. Тяжело дыша, он стоял на пороге, держа в одной руке сигару, а в другой шляпу.

- Извините! - оказал он хриплым голосом. - Лестница у вас крутая и темная! Mais enfin! nous voila! {Но наконец мы здесь! (франц.)} Я взял на себя смелость зайти и поговорить с вами.

Взгляд его упал на закутанную в плащ фигуру, стоявшую в тени.

- Простите! Тысяча извинений! Я не знал! Прошу прощения за бесцеремонность! Могу ли я полагать, что теперь вы откажетесь от своих притязаний?! У вас тут дама... мне нечего больше сказать. Приношу миллион извинений за свое вторжение. Простите меня! Спокойной ночи!

Он поклонился и повернулся, чтобы уйти. Кристиан сделала шаг вперед и сдернула с головы капюшон.

- Это я!

Герр Пауль сделал пируэт.

- Господи! - залепетал он, роняя сигару и шляпу. - Господи!

Фонарь вдруг вспыхнул и осветил его багровые трясущиеся щеки.

- Ты пришла сюда, ночью! Ты, дочь моей жены! Тупой взгляд его глаз блуждал по комнате.

- Берегитесь! - крикнул Гарц. - Если вы окажете о ней хоть одно дурное слово...

Они смотрели друг другу прямо в глаза. Фонарь внезапно замигал и погас. Кристиан снова запахнулась в плащ. Молчание нарушил герр Пауль, к нему уже вернулось самообладание.

- Ага! - сказал он. - Темнота! Tant mieux! {Тем лучше! (франц.).} Как раз то, что нужно для нашего разговора. Раз мы не уважаем друг друга, то чем меньше нам будет видно, тем лучше.

- Вот именно, - подтвердил Гарц.

Кристиан подошла поближе. В темноте можно было рассмотреть ее бледное лицо и большие блестящие глаза.

Герр Пауль махнул рукой; жест был выразительный, уничтожающий.

- Разговор, полагаю, будет мужской, - сказал он, обращаясь к Гарцу. Перейдем к делу. Будем считать, что вы все-таки намерены жениться. Вы, наверно, знаете, что мисс Деворелл сможет распоряжаться своими деньгами только после моей смерти?

- Да.

- А я сравнительно молод! У вас есть деньги?

- Нет.

- В таком случае вы, очевидно, собираетесь питаться воздухом?

- Нет, работать. Живут же люди...

- И голодают! Вы готовы поселить мисс Деворелл, благородную девушку, привыкшую к роскоши, в лачуге вроде... этой! - Герр Пауль обвел взглядом мастерскую. - В лачуге, пахнувшей краской, ввести ее в среду людей "из народа", в общество богемы, быть может, даже в общество анархистов?

Гарц стиснул кулаки.

- Отвечать на ваши вопросы я больше не буду.

- В таком случае вот вам ультиматум, - сказал герр Пауль. - Послушайте, герр преступник! Если вы не оставите страну завтра к полудню, о вас будет заявлено в полицию!

Кристиан вскрикнула. Минуту в темноте было слышно только тяжелое, прерывистое дыхание двух мужчин. Вдруг Гарц крикнул:

- Вы трус, я не боюсь вас!

- Трус! - повторил герр Пауль. - Это уж поистине предел всему. Берегитесь, милейший!

Он наклонился и ощупью нашел шляпу. Кристиан уже исчезла, ее торопливые шаги отчетливо доносились с лестницы. Герр Пауль замешкался.

- Берегитесь, милейший! - сказал он хриплым голосом и стал нащупывать стену.

Криво нахлобучив шляпу, он начал медленно спускаться с лестницы.

XV

Николас Треффри сидел под лампой с зеленым абажуром и читал газету; на здоровой ноге у него спал, слегка похрапывая, терьер Скраф. Собака обычно спускалась вниз, когда Грета ложилась спать, и пристраивалась рядом с мистером Треффри, который всегда отправлялся на покой последним в доме.

Сквозь стеклянную дверь свет падал на плиточный пол веранды, прочерчивая светящуюся дорожку и разрезая сад надвое.

Послышались торопливые шаги, зашелестела ткань, в дверь вбежала Кристиан и остановилась перед мистером Треффри.

Глаза девушки горели таким неистовым возмущением и тревогой, что мистер Треффри уронил газету.

- Крис! Что случилось?

- Отвратительно!

- Крис!

- Ах, дядя! Его оскорбляли, ему угрожали! А мне один его мизинец дороже всего на свете!

Голос ее дрожал от возбуждения, глаза сверкали. Глубокое беспокойство мистера Треффри нашло выход в одном отрывистом слове: "Сядь!"

- В жизни больше не буду говорить с отцом. О дядя! Я люблю Алоиза!

Внешне спокойный, несмотря на чувство великой тревоги, охватившей его, мистер Треффри оперся о ручки кресла, подался вперед и внимательно посмотрел на Кристиан.

Крис больше нет! Перед ним была незнакомая женщина. Губы его шевелились под крутым полукружием усов. Лицо девушки вдруг побледнело. Она опустилась на колени и прижалась щекой к его руке.

Щека была мокрая, и к горлу у него подкатил комок. Убрав руку, он взглянул на нее и вытер ей слезы рукавом.

- Не плачь! - оказал он.

Она снова схватила его руку и приникла к ней; это движение, казалось, привело его в ярость.

- В чем! дело! Черт побери, как я могу тебе помочь, раз ты мне ничего не говоришь?

Она взглянула на него. Страдания последних дней, переживания и страх последнего часа, новые мысли и чувства - все это вылилось потоком слов.

Когда она кончила говорить, наступила такая мертвая тишина, что стал слышен шелест крыльев ночной бабочки, порхавшей вокруг лампы.

Мистер Трефри медленно подеялся, пересек комнату и позвонил.

- Передай конюху, - сказал он вошедшему Доминику, - пусть запрягает лошадей и сразу подает их; принеси мои старые сапоги, мы едем на всю ночь.

Его сгорбленная фигура казалась огромной, ноги и туловище были освещены лампой, а плечи и голова терялись в полумраке.

- Доставлю я ему такое удовольствие, - сказал он, угрюмо поглядывая на племянницу, - хотя он этого не заслуживает, да и ты, Крис, тоже. Садись и пиши ему; пусть слушается меня во всем.

Он повернулся к ней спиной и направился к себе в спальню.

Кристиан села за письменный стол. И вдруг вздрогнула от чьего-то шепота. Позади стоял Доминик, держа пару сапог.

- Мадмуазель Крис, что же это такое? Всю ночь где-то ездить?

Но Кристиан не ответила.

- Мадмуазель Крис, уж не больны ли вы?

Но, увидев выражение ее лица, он тихо вышел из комнаты.

Кристиан закончила письмо и пошла к фаэтону. Мистер Трефри сидел под поднятым верхом.

- Вы мне не нужны! - крикнул он конюху. - Залезай, Доминик.

Кристиан сунула ему в руку письмо.

- Передайте ему это, - сказала она и вдруг, охваченная страхом, прильнула к его руке. - О дядя, будьте осторожны!

- Крис, раз уж я ради тебя взялся за это...

Они с грустью поглядели друг на друга. Потом, покачав головой, мистер Треффри взял вожжи.

- Не беспокойся, дорогая, не беспокойся! Но-о-о, кобыла!

Экипаж рванулся в темноту, разбрасывая колесами гравий, и исчез, качнувшись между черными стволами у входа в сад.

Кристиан стояла, прислушиваясь к удалявшемуся топоту копыт.

Раздался шелест белой ночной рубашки, тонкие руки обхватили Кристиан, лица коснулись пряди волос.

- Что случилось, Крис? Где ты была? Куда уехал дядя Ник? Ну, скажи!

Кристиан отпрянула.

- Не знаю, - сказала она. - Я ничего не знаю!

Грета погладила ее по лицу.

- Бедная Крис, - прошептала она. Белели ее босые ноги, светились золотом волосы на фоне ночной рубашки. - Пойдем спать, бедняжка Крис!

Кристиан засмеялась.

- Ты мой маленький белый мотылек! Посмотри, какая я горячая. Ты спалишь свои крылышки!

XVI

Гарц одетый лежал на постели. Гнев прошел, но он чувствовал, что скорее умрет, чем уступит. Вскоре на лестнице послышались шаги.

- Мосье!

Это был голос Домииика; на его освещенном спичкой лице застыло выражение иронического неодобрения.

- Мой хозяин, - сказал он, - шлет вам привет; он говорит, что времени терять нельзя. Вас почтительнейше просят сойти вниз и ехать с ним!

- Ваш хозяин очень добр. Скажите ему, что я сплю.

- Э, мосье, - сказал, кривя губы, Доминик, - я не могу вернуться с таким ответом. Если вы не пойдете, я должен передать вам вот это.

Гарц вскрыл письмо Кристиан.

- Иду, - сказал он, кончив его читать.

Когда они выходили из калитки, били часы. Из темной пещеры фаэтона донесся отрывистый голос мистера Треффри:

- Поторапливайтесь, сэр!

Гарц сунул внутрь рюкзак и сел.

Фигура его спутника качнулась, ремень кнута скользнул по боку пристяжной. И когда экипаж помчался, мистер Трефри, спохватившись, крикнул:

- Эй, Доминик!

С запяток донесся дрожащий, иронический голос Доминика:

- M'v'la, m'sieur {Я тут, сударь (франц.)}.

Мелькали темные ряды притихших домов, и люди, еще сидевшие в освещенных кафе, провожали глазами экипаж, не отнимая стаканов от губ. Узкая речка неба вдруг раздалась и стала огромным прозрачным океаном, в котором трепетали звезды. Экипаж свернул на дорогу, ведущую в Италию.

Мистер Трефри дернул поводья.

- Но! Вперед, упрямыцы!

Левая лошадь, вздернув голову, тихонько заржала; в лицо Гарца шлепнулся клочок пены.

Художник поехал под влиянием порыва - не по собственной воле, а потому, что так велела Кристиан. Он был зол на себя, его самолюбие страдало, потому что он разрешил себе принять эту услугу. Быстрое и плавное движение сквозь бархатную темь, отбрасываемую по обе стороны летучим светом фонарей; упругий душистый ветер, бьющий в лицо, ветер, целовавший вершины гор и заразившийся их духом; фыркание и сопение лошадей, дробный стук их копыт - все это вскоре привело его в другое настроение. Он глядел на профиль мистера Трефри, на его бородку клинышком, на серую дорогу, смело устремившуюся во мрак, на фиолетовые нагромождения гор, вздыбившихся над мраком). Все казалось совершенно нереальным.

Славно только сейчас вспомнив, что он не один, мистер Трефри неожиданно обернулся.

- Скоро дело веселей пойдет, - сказал он, - под уклон покатимся. Дня три я уже на них не выезжал. Но-о-о, лошадки! Застоялись!

- К чему вам из-за меня причинять себе такое беспокойство? - спросил Гарц.

- Я уже старик, мистер Гарц, а старику простительно время от времени делать глупости.

- Вы очень любезны, - сказал Гарц, - но я не нуждаюсь в одолжениях.

Мистер Трефри пристально посмотрел на него.

- Так-то оно так, - сказал он сухо, - но видите ли, следует подумать и о моей племяннице. Послушайте! До границы осталось еще миль сорок, мистер Гарц; доберемся ли мы до нее - это еще бабушка надвое сказала... так что не портьте мне прогулки!

Он указал налево. Гарц увидел, как сверкнула сталь: они уже пересекали железную дорогу. Над головой гудели телеграфные провода.

- Слышите, - сказал Треффри, - но если мы вскарабкаемся на эту гору, то тогда успеем!

Начался подъем, лошади пошли тише. Мистер Треффри достал флягу.

- Неплохое зелье, мистер Гарц... попробуйте хлебнуть. Не хотите? Материнское молочко! Хороша ночка, а?

Внизу в долине светилась паутинка молочно-белой дымки, поблескивавшей, словно росинки на траве.

И два человека, сидевших бок о бок такие несхожие ни лицом, ни возрастом, ни сложением, ни мыслями, ни жизнью), почувствовали, что их тянет друг к другу, словно в движении экипажа, фыркание лошадей, огромности ночи и беспредельной неизвестности они нашли что-то, что доставляло радость им обоим. Их обволакивал пахнувший клеем пар, который шел из лошадиных ноздрей и от боков.

- Вы курите, мистер Гарц?

Гарц взял предложенную сигару и прикурил ее от горящего кончика сигары мистера Треффри, чья голова и шляпа напоминали какой-то гигантский гриб. Вдруг колеса затряслись по камням, экипаж стало бросать из стороны в сторону. Испугавшиеся лошади рванулись в разные стороны, потом понесли вниз, в темноту, мимо скал, деревьев, строений, мимо освещенного дома, который мелькнул желтой полоской и исчез. С грохотом и звоном, оставляя шлейф пыли, разбрасывая камешки, раскачивая фонари, бросавшие по сторонам дрожащие оранжевые пятна света, экипаж мчался вниз, нырял и подпрыгивая, словно лодка по волнам. Весь мир, казалось, раскачивался, танцевал, приседал, прыгал. Только звезды были недвижимы.

Мистер Треффри нажимал изо всех сил на тормоз и бормотал извиняющимся тоном:

- Не слушаются!

Вдруг, стремительно нырнув, экипаж накренился, словно собираясь разлететься на куски, его занесло, последовал рывок, и наконец он снова бешено покатился по дороге. Гарц вскрикнул, мистер Трефри издал короткий вопль, а с запяток донесся пронзительный визг. Но склон уже был позади, и ошеломленные лошади бежали свободно и размеренно. Мистер Трефри и Гарц переглянулись.

XVII

Мистер Трефри сказал, усмехнувшись:

- Чуть на тот свет не отправились, а? Вы правите? Нет? Жаль! Я на этом деле почти все кости переломал... что может быть лучше!

И они впервые почувствовали что-то вроде взаимного восхищения. Вскоре мистер Трефри снова заговорил:

- Послушайте, мистер Гарц, моя племянница еще совсем девочка и ничего не знает о жизни! А что вы собираетесь дать ей? Себя? Этого, конечно, недостаточно; не забывайте... через полгода после свадьбы все мы становимся на один лад... эгоистами! Не говоря уж об этом вашем анархическом! заговоре! Вы ей не подходите ни по происхождению, ни по образу жизни, ни по чему... риск слишком велик... а она... - Его рука опустилась на колено молодого человека. - Видите ли, я ее очень люблю.

- Если бы вы были на моем месте, - спросил Гарц, - вы бы отказались от нее?

Мистер Трефри тяжело вздохнул.

- Бог знает!

- Не я один учился на медные гроши, добиваются же люди успеха. У тех, кто верит в себя, неудач не бывает. Ну, а если ей и придется немного победствовать? Так ли уж это страшно? Настоящая любовь от испытаний только прочнее становится.

Мистер Трефри вздохнул.

- Смело сказано, сэр! Но, простите меня, я слишком стар, чтобы понимать подобные слова, когда они касаются моей племянницы.

Он натянул вожжи и стал вглядываться в темноту.

- Теперь поедem потише; если наш след затеряется здесь, то тем лучше. Доминик! Погаси фонари. Эгей, красавицы!

Лошади шли шагом; пыль почти полностью заглушала топот их копыт. Мистер Трефри указал налево.

- До границы осталось еще миль тридцать пять. Они проехали мимо беленых домиков и деревенской церкви, возле которой, как часовые, выстроились кипарисы. В ручейке квакала лягушка, доносился тонкий аромат лимонов. Но кругом по-прежнему все было спокойно.

Теперь они ехали лесом, по обе стороны дороги росли высокие сосны, благоухавшие в темноте, и среди них, словно призраки, белели стволы берез.

Мистер Трефри бросил:

- Так вы не хотите отказаться от нее? Для меня очень важно, чтобы она была счастлива.

- Для вас! - сказал Гарц. - Для него! А я не в счет! Вы думаете, что ее счастье мне безразлично? По-вашему, моя любовь к ней - преступление?

- Почти, мистер Гарц... принимая во внимание...

- Принимая во внимание, что у меня нет денег! Вечно деньги и только деньги!

Это плумливое замечание мистер Трефри оставил без ответа и стал понукать лошадей.

- Моя племянница родилась в богатой семье и получила светское воспитание, - сказал он наконец. - Скажите же: какое положение вы ей можете дать?

- Если она выйдет за меня замуж, - сказал Гарц, - она будет жить так, как живу я. Вы думаете, я заурядный...

Мистер Трефри покачал головой.

- Отвечайте на мой вопрос, молодой человек. Но художник не ответил, и наступило молчание. Легкий ветерок, шелест листвы, плавное движение экипажа, напоенный сосновым запахом воздух усыпили Гарца. Когда он проснулся, все было по-прежнему, только добавился беспокойный храп мистера Трефри; брошенные вожжи болтались; взглядевшись, Гарц увидел, что Доминик ведет лошадей под уздцы. Гарц присоединился к нему, и они вместе побрели в гору все выше и выше. Деревья окутало дымкой, звезды потускнели, стало холоднее. Мистер Трефри проснулся и закашлялся. Словно в каком-то нескончаемом страшном сне слышались приглушенные звуки, всплывали силуэты, продолжалось бесконечное движение, начатое и продолжавшееся во тьме. И вдруг наступил день. Приветствуемый

лошадиным фырканием, над хаосом теней и линий забрезжил бледный, перламутровый свет. Звезды поблекли, и рассвет раскаленным зигзагом пробежал по кромке горных вершин, огибая островки облаков. С озера, клочком дыма свернувшегося в лощине, донесся крик водяной птицы. Закуковала кукушка, у самого экипажа вспорхнул жаворонок. И лошади и люди стояли неподвижно, упиваясь воздухом, омытым росой и снегом, трепещущим и пронизанным журчанием воды и шелестом листьев.

Ночь сыграла злую шутку с мистером Николасом Треффри; шляпа его стала серой от пыли, щеки побурели, а под глазами, в которых было страдальческое выражение, появились большие мешки.

- Сделаем привал, - сказал он, - и дадим бедным лошадам покушать. Не принесете ли воды, мистер Гарц? Брезентовое ведро привязано сзади. Самому мне это сегодня не под силу. Скажите моему лентяю, пусть пошевеливается.

Гарц увидел, как он стащил сапог и вытянул ногу на сиденье.

- Вам нельзя ехать дальше, - сказал Гарц, - вы нездоровы...

- Нездоров? - откликнулся мистер Треффри. - Ни чуточки!

Гарц поглядел на него, потом подхватил ведро и пошел искать воду. Когда он вернулся, лошади уже ели из брезентовой кормушки, подвешенной к дышлу; они потянулись к ведру, отталкивая друг друга мордами.

Прекратилось полыхание на востоке, но верхушки лиственниц еще окружал трепетный ореол, а горные пики горели янтарем. И вдалеке повсюду виднелись узенькие полоски речек, полоски снега, полоски влажной зелени, блестящие, как осенняя паутина.

- Дайте-ка я обопрюсь на вашу руку, мистер Гарц, - позвал мистер Треффри. - Хочется немного размяться. Когда ноги не держат, это не так-то приятно, а?

Поставив ногу на землю, он застонал и сдавил плечо молодого человека, как тисками. Немного погодя он опустил на камень.

- "Теперь все прошло!" - как говорила Крис, когда была маленькой; ну и характерец же у нее был - падает на пол, брыкается, визжит! Но и успокоить легко было. "Поцелуй! Возьми на ручки! Покажи картинки!" Просто удивительно, как Крис любила смотреть картинки! - Мистер Треффри взглянул на Гарца с подозрением, а потом

приложился к фляге. - Что бы сказал доктор? Виски в четыре утра! Что ж! Слава богу, что врачи не всегда с нами.

Он сидел на камне, прижав одну руку к боку и запрокидывая флягу другой. - весь серый с головы до ног.

Гарц опустил на соседний камень. Он еще не окреп после болезни, и его тоже доконали волнение и усталость. Голова закружилась, он помнил только, как деревья зашагали к нему, потом от него, все желтые до самых корней; все крутом казалось желтым, даже собственные ноги. Напротив кто-то подпрыгивал, серый медведь... в шляпе... мистер Трефри! Он закричал "Э-эй!", и серая фигура упала и исчезла...

Когда Гарц пришел в себя, чья-то рука лила ему в рот виски, а на лбу лежала мокрая тряпка; храпение и стук копыт показались ему знакомыми. Рядом неясно вырисовывался силуэт мистера Трефри, который курил сигару и бормотал: "Это подлость, Пауль... скажу тебе откровенно!" Потом словно кто-то отдернул занавес и все стало отчетливо видно. Экипаж катил между домами с почерневшими крышами разной высоты, мимо ворот, из которых выходили козы и коровы с колокольчиками на шеях. Черноглазые мальчишки, а иной раз и сонные мужчины, сжимавшие в зубах длинные вишневые чубуки трубок, сторонились, давая им дорогу, и долго смотрели вслед.

Мистер Трефри, по-видимому, почувствовал себя лучше; словно рассерженный старый пес, он поглядывал по сторонам. "Моя кость, - казалось, говорил он. - Пусть только кто-нибудь попробует отнять ее!"

Промелькнул последний дом, освещенный утренним солнцем, и экипаж, оставляя за собой хвост пыли, снова въехал в лесной полумрак по дороге, рассекавшей чащобу мшистых скал и мокрых стволов, сквозь которые не могло еще пробиться солнце.

Доминик с видом человека, знававшего лучшие дни, сварил кофе на спиртовке.

- Завтрак подан! - сказал он.

Лошади прядали ушами от усталости. Мистер Трефри сказал им с грустью:

- Если уж я могу это выдержать, то вы и подавно сможете. Вперед, вперед, красавицы!

Но как только сквозь деревья пробилось солнце, силы мистера Трефри снова иссякли. Он, по-видимому, очень страдал, но не

жаловался... Наконец путники достигли перевела, и им в глаза ударил ослепительный свет.

- Пошевеливайтесь! - закричал мистер Треффри. - Скоро конец пути.

И он дернул вожжи. Лошади вскинули головы, и голый перевал, окруженный острыми вершинами, вскоре остался позади.

Миновав дома на самой верхней точке, лошади пошли рысцой и вскоре стали спускаться по противоположному склону. Мистер Треффри остановил их на том месте, где на дорогу выходила вьючная тропа.

- Это все, что я могу сделать для вас; нам лучше расстаться здесь, сказал он. - Ступайте вниз по тропе до реки, там поверните на юг и часика через два вы будете в Италии. Сядете на поезд в Фелтре. Деньги у вас есть? Да? Ну, что ж!

Он протянул руку, и Гарц пожал ее. - Отказываетесь от нее, а?

Гарц отрицательно покачал головой.

- Нет? Что ж, посмотрим, чья возьмет! До свидания! Желаю удачи!

И собравшись с силами, чтобы не уронить своего достоинства, мистер Треффри разобрал вожжи.

Гарц заметил, как грузно осела его фигура, когда фаэтон медленно поехал прочь.

XVIII

Обитатели виллы Рубейн бродили по дому, избегая друг друга, словно участники раскрытого заговора. У мисс Нейлор, которая по какой-то непостижимой причине вырядилась в свое лучшее платье, лиловое, с бледно-голубой отделкой на груди, был такой вид, словно она пыталась сосчитать быстро сновавших вокруг нее цыплят. Когда Грета спросила, что она потеряла, то услышала невразумительный ответ:

- Мистера... игольник.

Кристиан с большими темными кругами под глазами молча сидела за своим маленьким столом. Она не спала всю ночь. Герр Пауль, заглянувший в полдень к ней в комнату, посмотрел на нее украдкой и вышел. После этого он отправился к себе в спальню, снял с себя всю одежду, в сердцах пошвырял ее в ножную ванну и лег в постель.

- Будто я преступник! - бормотал он под стук пуговиц, ударявшихся о стенки ванны. - Разве я не отец ей? Разве я не имею права? Разве я не знаю жизни? Бррр! Будто я лягушка!

Миссис Диси велела доложить о себе и вошла, когда он курил сигару и считал мух на потолке.

- Если вы действительно сделали это, Пауль, - оказала она, подавляя раздражение, - то вы поступили очень нехорошо, и, что еще хуже, вы поставили всех нас в смешное положение. Но, быть может, вы этого не сделали?

- Я сделал это! - крикнул герр Пауль, выпучив глаза. - Сделал, говорю вам, сделал...

- Хорошо, вы сделали это... но зачем, скажите, пожалуйста? Какой в этом смысл? Вероятно, вы знаете, что Николас повез его к границе. Николас, наверно, сейчас измучен до полусмерти, вы же знаете состояние его здоровья.

Герр Пауль раздирал пальцами бороду.

- Николас сошел с ума... и Кристиан тоже! Оставьте меня в покое! Я требую, чтобы меня не раздражали! Мне нельзя волноваться... это вредно для меня!

Его выпуклые карие глаза бегали, словно он высматривал выход из положения.

- Могу предсказать, что вам придется еще немало поволноваться, холодно сказала миссис Диси, - прежде, чем это кончится.

Робкий, боязливый взгляд, который герр Пауль бросил на нее при этих словах, вызвал у нее жалость.

- Вы не годитесь для роли разгневанного отца семейства, - сказала она. - Оставьте эту позу, она вам не идет.

Герр Пауль застонал.

- Возможно, это не ваша вина, - добавила она.

В это время открылась дверь и Фриц с видом человека, делающего именно то, что нужно в данную минуту. Доложил:

- Вас хочет видеть господин из полиции, сэр.

Герр Пауль подскочил на месте.

- Не пускайте его! - завопил он.

Миссис Диси, пряча усмешку, исчезла, шурша шелком; вместо нее в дверях появился прямой, как палка, человек в синем...

Так и тянулось это утро, и никто не мог найти себе места, кроме герра Пауля, который нашел себе место в постели. Как и полагается в доме, утратившем душу, никто не думал об еде, и даже пес потерял аппетит.

Часа в три Кристиан получила телеграмму следующего содержания: "Все в порядке, возвращаюсь завтра. Трефри". Прочтя ее, она надела шляпку и вышла из дому. Следом за ней кралась Грета, которая затем, решив наконец, что теперь ее пошлют обратно, догнала Кристиан и потянула ее за рукав.

- Возьми меня с собой, Крис... я буду молчать. Сестры пошли рядом. Через несколько минут Кристиан оказалась:

- Я хочу забрать и сохранить его картины.

- Ой, - робко пискнула Грета.

- Если ты боишься, - сказала Кристиан, - то лучше возвращайся домой.

- Я не боюсь, Крис, - кротко вымолвила Грета. Сестры не разговаривали, пока не вышли на дамбу.

Над виноградными лозами плясали жаркие струйки воздуха.

- На винограднике солнечные феи, - бормотала про себя Грета.

Возле старого дома они остановились, и Кристиан, учащенно дыша, толкнула дверь. Она не подалась.

- Погляди! - сказала Грета. - Она привинчена! Она указала розовым пальчиком на три винта.

Кристиан топнула ногой.

- Нам нельзя здесь стоять, - сказала она, - давай присядем на лавочке и подумаем.

- Да, - пробормотала Грета, - давай подумаем. Крутя локон, она смотрела на Кристиан широко раскрытыми голубыми глазами.

- Я ничего не могу придумать, - сказала наконец Кристиан, - когда ты на меня так смотришь.

- Я думала, - робко сказала Грета, - раз винты завинчены, то, может быть, нам их надо вывинтить. У Фрица есть большая отвертка.

- На это уйдет много времени, а тут то и дело ходят люди.

- Вечером не ходят, потому что с нашей стороны калитка на ночь запирается.

Кристиан встала.

- Мы придем сюда вечером, как раз перед тем, как запрут калитку.

- Но, Крис, как же мы вернемся?

- Не знаю; мне надо взять картины, вот и все.

- Калитка не очень высокая, - пробормотала Грета. После обеда сестры пошли в свою комнату. У Греты

была с собой большая отвертка Фрица. В сумерки они тихо спустились вниз и выскользнули из дома.

Они подошли к старому дому и, остановившись в тени крыльца, прислушались. Где-то далеко лаяли собаки, да в казарме играли горнисты, но больше ничто не нарушало тишины.

- Быстрее! - прошептала Кристиан, и Грета изо всех своих маленьких сил стала вывинчивать винты. Они поддались не сразу - особенно упрямился третий, пока Кристиан не взяла отвертку и в сердцах не сделала первого оборота.

- Какая свинья... этот винт, - сказала Грета, с угрюмым видом потирая запястье.

Дверь отворилась и захлопнулась за ними со стуком; сестры оказались в сыром полумраке перед винтовой лестницей.

Грета вскрикнула и ухватила за платье сестры.

- Здесь темно, - сказала она прерывистым голосом. - Ой, Крис! Здесь темно!

Кристиан осторожно нащупывала ступеньку, и Грета чувствовала, что ее рука дрожит.

- А вдруг здесь есть сторож! Ой, Крис! А вдруг здесь есть летучие мыши!

- Ты еще совсем ребенок, - дрожащим голосом ответила Кристиан. - Иди-ка ты лучше домой!

Грета всхлипнула в темноте.

- Я не... я не хочу домой, но я боюсь летучих мышей. А ты не боишься, Крис?

- Боюсь, - сказала Кристиан, - но я хочу взять картины.

Щеки ее горели, она вся дрожала. Нащупав нижнюю ступеньку, она вместе с Гретой, цеплявшейся за ее юбку, стала подниматься по лестнице.

Тусклый свет наверху приободрил девочку, которая больше всего боялась темноты. Одеядо, которое прежде висело на двери, ведущей

на чердак, было сорвано, ничто не закрывало пустой комнаты.

- Вот видишь, здесь никого нет, - сказала Кристиан.

- Да-а, - прошептала Грета, подбежала к окну и прижалась к стене, словно летучая мышь, внушавшая ей такое отвращение.

- Но здесь уже побывали! - сердито воскликнула Кристиан, показывая на осколки гипсового слепка. - И разбили это.

Она стала вытаскивать из угла холсты, натянутые на деревянные, грубо сколоченные подрамники, стараясь захватить как можно больше.

- Помоги мне, - крикнула она Грете. - Скоро станет совсем темно.

Они собрали кипу этюдов и три больших картины, сложили их возле окна и стали разглядывать при слабом сумеречном свете.

- Крис, а они тяжелые, - жалобно сказала Грета, - нам их не унести, и калитка уже заперта.

Кристиан взяла со стола острый нож.

- Я их срежу с подрамников, - сказала она. - Послушай! Что это?

Под окном послышался свист. Сестры, схватив друг друга за руки, опустились на пол.

- Эгей! - крикнул кто-то снизу.

Грета подобралась к окну и осторожно выглянула на улицу.

- Это всего лишь доктор Эдмунд; значит, он еще ничего не знает, прошептала она. - Я позову его, он уходит!

- Не надо! - вскрикнула Кристиан, схватив сестру за платье.

- Он бы нам помог, - сказала Грета с упреком, - и если бы он был здесь, было бы не так темно.

Щеки Кристиан горели.

- Я не хочу, - сказала она и стала возиться с картиной, пробуя поддеть ножом край холста,

- Крис! Вдруг сюда кто-нибудь придет?

- Дверь завинчена, - рассеянно ответила Кристиан.

- Крис, но мы ведь отвинтили винты, теперь всякий может войти!

Кристиан, подперев рукой подбородок, задумчиво посмотрела на нее.

- Чтобы срезать эти картины осторожно, надо потратить много времени. А может быть, мне даже удастся снять их с подрамников, не срезая. Завинти дверь и иди домой, а я останусь здесь. Утром, когда

откроют калитку, придешь пораньше, отвинтишь дверь и поможешь мне унести картины.

Грета ответила не сразу. Наконец она неистово замотала головой.

- Я боюсь, - прошептала она.

- Обе мы не можем оставаться здесь всю ночь, - сказала Кристиан. - Если кто-нибудь подойдет к двери нашей спальни, некому будет откликнуться. Да и через калитку нам эти картины не перекинуть. Кто-то из нас должен идти домой; через калитку ты перелезешь... а там бояться нечего.

Грета стиснула руки.

- Ты очень хочешь взять эти картины, Крис?

Кристиан кивнула.

- Очень, очень?

- Да... да... да!..

Но Грета не трогалась с места и вся дрожала, как дрожит зверек, когда чует опасность. Наконец она встала.

- Я иду, - сказала она упавшим голосом. В дверях она обернулась.

- Если мисс Нейлор спросит меня, где ты, Крис, я чего-нибудь выдумаю.

Кристиан вздрогнула.

- Я совсем забыла об этом... Грета, прости меня! Лучше пойду я.

Грета живенько сделала еще шаг.

- Я умру, если останусь здесь одна, - сказала она. - Я могу сказать ей, что ты спишь, а ты здесь ложись спать, и тогда это будет правда.

Кристиан обняла ее.

- Прости меня, милая; жаль, что я не могу пойти вместо тебя. Но если уж придется лгать, то я бы на твоём месте не стала бы хитрить.

- Правда? - с сомнением спросила Грета. - Да.

"Нет, - сказала про себя Грета, спускаясь по лестнице. - Нет, я скажу по-своему". Она вздрогнула и продолжала в темноте нащупывать ступеньки.

Кристиан прислушивалась, пока не раздался звук завинчивавшихся винтов, грозивший ей опасностью и одиночеством.

Опустившись на колени, она стала отделять холст от подрамника. Сердце ее яростно колотилось; при малейшем дуновении ветерка или донесшемся издали шуме она прекращала работу и затаивала дыхание. Поблизости не было слышно ни звука. Она работала,

стараясь думать только о том, что именно здесь вчера вечером она была в его объятиях. Казалось, это было так давно! В темноте ею овладел смутный ужас, жуткое чувство одиночества. Вспышка решимости, казалось, погасла и уже не согревала ее.

Нет, она не годится ему в жены, раз при первом же испытании ей изменило мужество! Она стиснула зубы, и вдруг ее охватил странный восторг, словно она тоже вступила в жизнь, узнала о себе что-то такое, чего не знала прежде. Она поранила пальцы, но боль была ей даже приятна; щеки горели; дыхание участилось. Теперь ее не остановят! Эта лихорадочная работа в темноте была ее первым жизненным крещением. Она отделила холсты и, аккуратно скатав их, связала веревкой. Она хоть что-то сделала для него! Этого у нее не отнимешь! Она спасла частицу его души! В эту ночь он стал ей ближе! Пусть делают, что хотят! Она легла на его матрас и вскоре заснула...

Кристиан разбудил Скраф, лизнувший ее в лицо. У постели стояла Грета.

- Проснись, Крис! Калитка отперта!

В холодном утреннем свете девочка, казалось, вся светилась теплыми красками, глазенки ее блестели.

- Теперь я не боюсь; мы со Скрафом не спали всю ночь, чтобы не пропустить утра... Это было так интересно... Но знаешь, Крис, - закончила она жалобно, - я солгала

Кристиан обнял ее.

- Пойдем скорей! Там никого нет. А это картины? Подняв сверток за концы, сестры снесли его вниз и направились со своей ношей, похожей на человеческое тело, по тропинке между рекой и виноградником.

XIX

В тени розовых кустов, растянувшись во весь рост и подложив руку под голову, отнюдь не сном праведницы спала Грета. Пробиваясь сквозь цветы, солнце целовало ее полураскрытые губы и осыпало увядшими лепестками роз. В густой тени лежал сонный Скраф и лениво щелкал зубами, пытаясь поймать муху.

В три часа в сад вышла и мисс Нейлор с корзинкой и ножницами в руках. Подхватив юбки, чтобы не замочить их в лужицах, оставшихся после поливки, она остановилась у куста роз и стала срезать увядшие цветы. У маленькой женщины с посеребренной

головой и худощавым смуглым лицом, стоявшей на солнцепеке без зонтика, вид был гордый и независимый.

Когда ножницы ее запорхали среди веточек, она стала разговаривать сама с собой.

- Если бы девушки были такими, как в наше время, ничего подобного не случилось бы. Но может быть, мы не понимаем... прошлое легко забывается.

Она понюхала розу, зарывшись в нее носом и губами.

- Бедная девочка! Как жаль, что его отец простой...

- Фермер, - донесся из-за куста сонный голосок. Мисс Нейлор вздрогнула.

- Грета! Как ты меня напугала! Фермер... то есть... э... владелец сельской усадьбы!

- У него виноградники... герр Гарц говорил нам, и он не стыдится этого. Почему же жаль, мисс Нейлор?

Мисс Нейлор поджала губы.

- По многим причинам, о которых ты не имеешь представления.

- Вы всегда так говорите, - не отставала обладательница сонного голоска, - и поэтому, когда я захочу выйти замуж, вы тоже пожалеете...

- Грета! - воскликнула мисс Нейлор. - Девочке твоих лет неприлично говорить такие вещи.

- Почему? - спросила Грета. - Потому что это правда?

Мисс Нейлор ничего не ответила ей на это, но с досады срезала свежую, неувядшую розу и, тут же подняв ее, посмотрела на нее с раскаянием. Грета, снова заговорила:

- Крис сказала: "Картины теперь у меня, и я все расскажу ей", - но я скорее скажу, потому что это я солгала.

Мисс Нейлор смотрела на нее, широко раскрыв глаза, сморщив нос и забыв щелкнуть ножницами.

- Вчера вечером, - проговорила Грета, - мы с Крис пошли в мастерскую, чтобы забрать картины, а калитка была заперта, и поэтому я вернулась, чтобы сказать "вправду; и.когда вы меня спросили, где Крис, я солгала, потому что она была в мастерской всю ночь, и мы со Скрафом не спали всю ночь, а утром принесли картины и спрятали у себя под кроватями, и вот почему мы... так... хотим... спать.

Мисс Нейлор смотрела на нее поверх розового куста, и хотя ей пришлось стать на цыпочки, она и в этом положении умудрилась сохранять достойный вид.

- Меня поражает твое поведение, Грета, а еще больше меня удивляет Кристиан. Все идет вверх дном.

Солнечный лучик запутался в волосах Греты, смотревшей на мисс Нейлор непроницаемым и невинным взглядом.

- Я уверена, что вы любили, когда были молодой, - пробормотала она сонным голосом.

Густо покраснев, мисс Нейлор срезала безупречный бутон.

- И так как вы не замужем, то я думаю... Ножницы щелкнули.

Грета снова примостилась под кустом.

- По-моему, нехорошо срезать все лучшие бутоны, - сказала она и закрыла глаза.

Мисс Нейлор продолжала смотреть на нее поверх розового куста, но черты ее худощавого лица странным образом смягчились, оно порозовело и помолодело. Услышав, что Грета ровно и глубоко дышит, маленькая гувернантка поставила свою корзинку и стала прохаживаться по лужайке, а следом за ней ходил недоумевающий Скраф. Тут к ним подошла Кристиан.

Мисс Нейлор молча взяла ее под руку, но ее губы беззвучно открывались и закрывались, словно клюв птицы, подбирающейся к червяку.

Кристиан заговорила первой:

- Мисс Нейлор, я хочу сказать вам...

- О моя дорогая! Я все знаю, Грета уже исповедалась мне. - Она похлопала девушку по руке. - Какой сегодня чудесный день, не правда ли? Вы когда-нибудь видели, чтобы "Пять пальцев" были такими красивыми?

И она указала на величественные вершины "Fiinffingerspitze" {"Пик Пяти Пальцев" (нем.)}, сверкавшие на солнце, как гигантские кристаллы.

- Мне нравится больше, когда они окутаны облаками.

- Да, - волнуясь, согласилась мисс Нейлор, - в облаках они, безусловно, приятнее. Сейчас у них такой вид, словно они вспотели от жары... Дорогая! продолжала она, похлопывая Кристиан по руке. - Мы все... то есть, мы все...

Кристиан старалась не смотреть на нее,
- Дорогая, - снова начала мисс Нейлор. - Я глубоко... то есть, я хочу сказать, все мы в свое время... и поэтому, видите ли... так тяжело!

Кристиан поцеловала ее затянутую в перчатку руку. Мисс Нейлор покачала головой, по носу ее скатилась слеза.

- Давайте-ка распутаем клубок шерсти! - как-то особенно весело сказала она.

Примерно полчаса спустя миссис Диси позвала Кристиан в свою комнату.

- Дорогая, - сказала она, - зайди ко мне на минутку; я тебе дам почитать письмо.

Кристиан пошла к миссис Диси как-то по-новому, твердо сжав губы.

Ее тетюшка сидела спиной к свету и постукивала полированным ногтем по аквариуму с золотыми рыбками.

В комнате было весьма прохладно. Она протянула письмо.

- Твой дядя сегодня не вернется.

Кристиан взяла письмо, написанное мелким неровным почерком; оно было лаконично.

"Ауэр, 6.15.

Дорогая Констанс, сегодня не вернусь. Посылаю Доминика за вещами. Скажи Кристиан, чтобы приехала с ним, сегодня же вечером, если может. Твой любящий брат

Николас Треффри".

- Доминик с экипажем здесь, - сказала миссис Диси. - Ты еще успеешь на поезд. Поцелуй за меня дядюшку. Я хочу, чтобы ты взяла с собой Барби. - Она встала с кресла и протянула Кристиан руку. - Дорогая! У тебя очень усталый вид... очень! Почти больной! Мне не нравится, как ты выглядишь. Подойди!

Она вытянула свои бледные губы и поцеловала девушку в еще более бледную щеку.

Когда Кристиан вышла из комнаты, она опустилась в кресло, сморщила лоб и стала томно разрезать журнал. "Бедняжка Кристиан! - подумала она. - Как тяжело она переживает все это! Мне жаль ее, но, пожалуй, это подготовит ее к тому, что может случиться. Психологически это интересно".

Вещи Кристиан уже были упакованы, и Доминик с Барби ждали ее. Несколько минут спустя они уже ехали к станции. Кристиан усадила Доминика напротив.

- Рассказывайте, - попросила она его.

У Доминика поднялись брови, и он виновато улыбнулся.

- Мадмуазель, мистер Трефри велел мне держать язык за зубами.

- Но мне-то вы можете сказать, Доминик. Барби ничего не поймет.

- Вам, пожалуй, мадмуазель, - сказал Доминик тоном человека, примирившегося со своей судьбой. - Ведь вы сейчас же забудете обо всем, что услышите. Мой хозяин плох, у него ужасно болит здесь, у него кашель, он совсем плох, совсем плох.

Девушку охватил страх.

- Мы ехали всю ночь, - продолжал Доминик. - Утром мы приехали. Сеньор Гарц пошел по вьючной тропе; он доберется до Италии... он уже в Италии. А мы остановились в Сан-Мартино, хозяин лег спать. Мы вовремя добрались, и то я еле раздел его, так у него распухли ноги. К вечеру приехал верхом сеньор из полиции, весь красный, потный; я ему соврал, что мы были в Паневеджо, а так как мы туда и не заезжали, то он вернулся оттуда злой... Mon Dieu!.. злой, как черт. Мне было лучше не попадаться ему на глаза, и пока он разшваривал с хозяином, я не входил туда. Но они много кричали. Я не знаю, что там было, только наконец сеньор из полиции выскочил из комнаты хозяина и уехал. - Лицо Доминика застыло в сардонической ухмылке; он почесывал пальцем одной руки ладонь другой. - Мистер Трефри после этого приказал мне принести виски, но у него не осталось денег, чтобы заплатить по счету, - это уж я точно знаю, пришлось заплатить самому. А сегодня, мадмуазель, я одел его, и мы очень медленно доехали до Ауэра; дальше он ехать не мог и слег. Он очень болен.

Кристиан овладели тяжелые предчувствия; остаток пути они ехали молча, и только Барби, деревенская девушка, в восторге от путешествия по железной дороге вздыхала: "Ach! Gnadiges Fraulein! {Ах, барышня! (нем.).}" - и посматривала на Кристиан сияющими глазами.

Как только они прибыли в маленькую гостиницу, Кристиан пошла к дяде. У него в комнате были завешаны окна и пахло воском.

- А, Крис, - сказал он, - рад тебя видеть.

Облаченный в голубой фланелевый халат, с ногами, укутанными в плед, он лежал на кушетке, удлиненной с помощью стульев. Он протянул руку - вены на запястье, не прикрытом слишком коротким рукавом халата, были вздуты. Кристиан, поправляя подушки, с тревогой смотрела ему в глаза.

- Я не совсем здоров, Крис, - сказал мистер Треффри. - Мне как-то не по себе. Завтра я поеду вместе с тобой домой.

- Дядя, позвольте мне послать за доктором Дони.

- Нет, нет! Он мне успеет надоесть, когда я вернусь домой. Для врача он человек очень неплохой, только я терпеть не могу его супчиков... одни кашки да супчики, а поверх всего эти мерзкие лекарства! Пошли ко мне Доминика, девочка. Надо привести себя в порядок! - Он потрогал небритую щеку и запахнул халат на груди. - Взял у хозяина. Когда вернешься, кое о чем поговорим,

Час спустя, когда она вошла к нему в комнату, он спал. Прислушиваясь к его неровному дыханию, она старалась догадаться, о чем он собирался говорить с ней.

У него совсем больной вид! И вдруг ей пришло в голову, что мысли ее заняты совсем не им... Ведь это он возил ее на спине, когда она была совсем маленькой; это он делал ей бумажные треуголки и лодочки; это он учил ее править лошадыми; это у него она сидела на коленях; это он делал подарки без счета и получал в благодарность поцелуи. И теперь он болен, а она думает о другом! Он был для нее олицетворением всего самого дорогого, самого близкого, и все же перед глазами ее стоял образ другого.

Вдруг мистер Треффри проснулся.

- Уж не спал ли я? Кровати здесь чертовски жесткие,

- Дядя Ник, вы мне не скажете, что с ним?

Мистер Треффри взглянул на нее, и Кристиан, не выдержав его взгляда, опустила глаза.

- Он благополучно добрался до Италии; полицейские гнались за ним не очень усердно - сколько лет прошло! От взятки они не отказались. А теперь послушай меня, Крис!

Кристиан подошла поближе, он взял ее за руку.

- Мне бы хотелось, чтобы ты все-таки подумала. Дело не в положении, дело не в деньгах, потому что, в конце концов, у меня

всегда найдется... Кристиан отрицательно покачала головой. - Но, - настаивал он дрожащим голосом, - дело в том, что вы люди разного происхождения, а это серьезная вещь, дело в этом анарх... политическом заговоре, дело в разном образе жизни, а это тоже серьезная вещь, и наконец то, к чему я клоню, Крис... дело в самом человеке!

Кристиан отдернула руку. Мистер Треффри продолжал: - Ну, что ж... Я человек старый и люблю тебя, но я должен высказать все, что у меня на уме. Он смелый, он сильный, он серьезный, но у него чертовски горячий нрав, он эгоист, и... и тебе нужен не такой муж. Если ты выйдешь за него, то пожалеешь, помяни мое слово. Ты вся в отца, а он был прекрасным человеком, но слишком мягким. С Гарцем вы как земля с железной рудой будете - сколько их не смешивай, все равно врозь!

Он откинул голову на подушки и, протянув руку, сказал печально:

- Поверь мне, дорогая, тебе нужен не такой муж.

Кристиан, отводя глаза, тихо сказала:

- В этом я могу верить только себе.

- Ага! - пробормотал мистер Треффри. - Ты довольно упряма, но упрямство - это еще не сила характера. Ради него ты пожертвуешь всем, ты будешь молиться на него, но первой скрипки в его жизни тебе никогда не играть. Он всегда будет занят самим собой и своей работой, или как он там еще называет свое малевание картин, и в один прекрасный день ты поймешь это. Ты разочаруешься, и, уж само собой разумеется, я не желаю тебе этого, Крис.

Он вытер лоб, на котором выступили капельки пота.

- Вы не понимаете, - сказала Кристиан, - вы не верите в него, вы не можете понять этого. Пусть для него будет главной работа, а не я... пусть я посвящу ему мою жизнь, а он не сможет отплатить мне тем же... мне все равно! Он даст мне то, что может, и мне не надо большего. Если вы боитесь за меня, дядя, если вы думаете, что жизнь у меня будет слишком тяжелой...

Мистер Треффри кивнул.

- Думаю, Кристиан.

- Да, но я не хочу больше жить в теплице, я хочу узнать настоящую жизнь. А если мне придется плохо, то кому какое до этого

дело.

Мистер Трефри запустил пальцы в бороду,

- Ага! Вот именно!

Кристиан опустилась на колени.

- Ах, дядя! Я страшная эгоистка!

Мистер Трефри погладил ее по щеке.

- Я попробую вздремнуть, - сказал он. Проглотив подкативший к горлу комок, она тихонько вышла из комнаты.

XX

Волей случая мистер Трефри вернулся на виллу Рубейн в тот самый момент, когда герр Пауль, облачившись в слишком яркий голубой костюм, собрался отбыть в Вену.

Увидев появившийся между тополями экипаж, он приуныл, словно нашкодивший мальчишка. Сунув шляпную коробку Фрицу, он, однако, вовремя оправился и, пока мистеру Трефри помогали войти в дом, весело насвистывал. Он уже давно забыл о своем гневе и теперь заботился только о том, как бы загладить последствия своего поступка; в пристыженных взглядах, которые он бросал на Кристиан и своего шурина, казалось, можно было прочесть мольбу: "Ради бога, не напоминайте мне об этой истории! Вы же видите, ничего страшного не произошло!". Он подошел к приехавшим.

- О! Mon cher! {Дорогой мой (франц.).} Так вы вернулись; теперь я отложу свой отъезд. Вене придется подождать меня... бедная Вена!

Но заметив, что мистер Трефри от слабости еле двигается, он искренне огорчился:

- Что случилось? Вы больны? Боже!

Исчезнув минут на пять, он вернулся со стаканом светлой жидкости.

- Вот! - сказал он. - Помогает от подагры, от кашля, от чего угодно!

Мистер Трефри понюхал, осушил стакан и обсосал усы.

- Ага! - сказал он. - Безусловно помогает! Только удивительно смахивает на джин, Пауль. - Затем, повернувшись к Кристиан, добавил. - А ну, подайте друг другу руки!

Кристиан перевела взгляд с дяди на отчима и наконец протянула руку герру Паулю, который обмахнул ее усами, а потом, когда девушка выходила из комнаты, ошеломленно посмотрел ей вслед.

- Дорогой мой! - начал он. - И вы поддерживаете ее в этой отвратительной истории! Вы забываете о моем положении, вы делаете из меня посмешище. В собственном доме я был вынужден слечь в постель, да, да, буквально слечь в постель, чтобы не казаться смешным.

- Послушай, Пауль, - сердито сказал мистер Трефри. - Читать нотации Крис имею право только я.

- В таком случае, - саркастически заявил герр Пауль, - я уезжаю в Вену.

- Можешь ехать хоть к черту! - сказал мистер Трефри. - И вот, что я тебе скажу... по-моему, это была низость - натравливать полицию на этого юношу... низость и подлость.

Герр Пауль тщательно разделил свою бороду надвое, присел на самый краешек кресла и, положив руки на расставленные колени, сказал:

- Я уже сожалею об этом, *mais que diable!* {Но какого черта! (франц.).} Он назвал меня трусом... фу, как жарко!.. а я до этого выпил в Кургаузе... я же ее опекун... вся эта история отвратительна... потом еще выпил... я был немного... *enfin!* - Он пожал плечами. - *Adieu* {До свидания (франц.).}, дорогой мой; я задержусь немного в Вене; мне надо отдохнуть! - Он встал и пошел к двери, потом обернулся и помахал сигарой. - *Adieu!* Будьте пайнкой, поправляйтесь! Я куплю вам в Вене сигар.

И уходя, он захлопнул за собой дверь, чтобы последнее слово осталось за ним.

Мистер Трефри откинулся на подушки. Тикали часы, на веранде ворковали голуби, где-то открылась дверь и на мгновение послышался детский голосок. Мистер Трефри понурил голову: поперек его мрачного, морщинистого лица легла узкая полоска солнечного света.

Часы вдруг перестали тикать, и по загадочному совпадению голуби на веранде, затрещав крыльями, улетели. Мистер Трефри от неожиданности сделал неловкое движение. Он попытался встать и дотянуться до звонка, но не мог и сел на край кушетки. Со лба его скатывались капли пота, руки терзали грудь. Во всем доме не было слышно ни звука. Он посмотрел по сторонам, попытался позвать на помощь, и опять не хватило сил. Он снова безуспешно пытался

дотянуться до звонка, потом сел, и в голову ему пришла мысль, от которой он похолодел.

- Крышка мне, - бормотал он. - Черт побери! Думаю, на этот раз мне крышка!

Позади него раздался голос: - А ну-ка, давайте покажемся, сэр!

- А! Доктор, помогите, будьте добры.

Дони подложил ему под спину подушки и расстегнул рубашку. Так как мистер Треффри не отвечал на его вопросы, он в тревоге потянулся к звонку. Мистер Треффри знаком остановил его.

- Посмотрите сперва, что со мной, - сказал он. Когда Дони осмотрел его, он спросил:

- Ну?

- Что ж, - медленно произнес Дони, - конечно, прихворнули немного.

- Выкладывайте, доктор, говорите прямо, - хриплым шепотом произнес мистер Треффри.

Дони наклонился и нащупал пульс.

- Не знаю, как вы довели себя до такого состояния, сэр! - сказал он грубовато. - Положение скверное. Это все та же старая болезнь, и вы не хуже меня знаете, что это значит. Могу сказать вам только, что отступить перед ней я не собираюсь и сделаю все, что в моих силах, даю слово.

- Я хочу жить.

- Да... да.

- Сейчас я чувствую себя лучше; не поднимайте шума. Было бы очень некстати умереть именно сейчас. Ради моей племянницы, почините меня хоть кое-как.

Дони кивнул.

- Погодите минутку, мне кое-что понадобится, - сказал он и вышел.

Немного погодя на цыпочках вошла Грета. Она наклонилась над мистером Треффри, и ее волосы коснулись его лица.

- Дядя Ник! - шепнула она. Он открыл глаза.

- Здравствуй, Грета!

- Я пришла поцеловать вас, дядя Ник, и попрощаться. Папа говорит, что я, Скраф и мисс Нейлор поедем в Вену вместе с ним; нам

пришлось собраться за полчаса: через пять минут мы уезжаем в Вену, а я там никогда не была, дядя Ник.

- В Вену! - медленно повторил мистер Трефри. - Не берите там гида; они все мошенники.

- Ни за что, дядя Ник, - торжественно пообещала Грета.

- Отдерни шторы, милая, дай взглянуть на тебя. Смотри ты, какая щеголиха!

- Да, - сказала Грета со вздохом, трогая пальцем пуговицы на своей пелеринке, - это потому, что я еду в Вену; но мне очень не хочется уезжать от вас, дядя Ник.

- Правда?

- Но с вами остается Крис, а вы любите Крис больше, чем меня, дядя Ник.

- Я просто дольше с ней знаком.

- Может быть, когда мы будем знакомы так же долго, вы и меня будете так же любить.

- Может быть... когда мы будем знакомы так же долго.

- Пока меня не будет, дядя Ник, вам надо поправиться. Знаете, вы не совсем здоровы.

- С чего это ты взяла?

- Если бы вы были здоровы, вы бы курили сигару... сейчас как раз три часа. Это поцелуй от меня, это за Скрафа, а это за мисс Нейлор.

Она выпрямилась, вид у нее был серьезный, и только глаза и губы выдавали радость, клокотавшую в ней.

- До свиданья, милая, береги себя и не бери гида, они мошенники.

- Хорошо, дядя Ник. Экипаж уже подали! В Вену, дядя Ник!

Матовое золото ее волос сверкнуло в дверях. Мистер Трефри приподнялся на локте.

- Поцелуемся еще раз, на счастье! Грета прибежала обратно.

- Я вас очень люблю! - сказала она и, поцеловав его, медленно попятилась, потом повернулась и выпорхнула, как птичка.

Мистер Трефри остановил взгляд на закрывшейся двери.

XXI

Много дней стояла жаркая и тихая погода, а потом подул ветер, поднимавший пыль на пересохших дорогах. Листья трепетали, как крохотные крылышки. Вокруг виллы Рубейн беспокойно ворковали

голуби, а другие птицы молчали. Под вечер Кристиан вышла на веранду и стала читать письмо.

"Дорогая Крис, прошло уже шесть дней, как мы здесь. Вена очень большой город, и в нем много церквей. И потому мы в первую очередь побывали в очень многих церквях, но самой красивой из них оказался не собор святого Стефана, а другой, только я забыла, как он называется. Папа по вечерам почти не бывает дома; он говорит, что приехал отдохнуть, и потому не может ходить с нами по церквам, но я не думаю, чтобы он слишком много отдыхал. Позавчера мы, то есть папа, я и мисс Нейлор, поехали на выставку картин. Она была вполне красивая и интересная (мисс Нейлор говорит, что нельзя сказать "вполне красивая", но я не знаю, каким словом заменить "вполне", потому что мне надо написать "вполне", а не "очень", и не "совсем"). Ой, Крис! Там была одна картина, которую написал он. На ней какой-то корабль без мачт (мисс Нейлор говорит, что это баржа, но я не знаю, что такое баржа), он весь горит и плывет по реке в тумане. Я думаю, что картина очень красивая. Мисс Нейлор говорит, что она очень импрессионистская. (Что это такое?) А папа сказал "фу", но он не знал, что картину нарисовал герр Гарц, а я не сказала ему об этом.

В нашей гостинице также остановился тот самый граф Сарелли, который как-то обедал у нас, но теперь он уже уехал. Он сидел по целым дням в зимнем саду и читал, а по вечерам уходил с папой. Мисс Нейлор говорит, что он несчастный, а я думаю, что он просто мало гуляет на свежем воздухе, и, Крис, однажды он сказал мне: "Мадмуазель, это ведь ваша сестра - девушка в белом платье? Она всегда носит белые платья?" - а я сказала ему: "Она не всегда в белом платье, на картине она в зеленом, потому что картина называется "Весна". Но я не стала говорить ему, какого цвета платья у тебя есть еще, потому что у него был очень усталый вид. Потом он сказал мне: "Она очаровательна". Я тебе рассказываю это, Крис, потому, что, думаю, тебе это интересно знать. У Скрафа распух палец, потому что он объелся мясом.

Я по тебе очень соскучилась, Крис. Мисс Нейлор говорит, что я здесь пополняю свое образование, но я думаю, что я его не очень пополняю, потому что я больше всего люблю вечера, когда зажигаются огни в витринах и мимо проезжают экипажи, и тогда мне хочется танцевать. В первый вечер папа сказал, что возьмет меня в

театр, а вчера он сказал, что в театр мне ходить вредно; может, завтра он снова подумает, что это полезно.

Вчера мы были в Пратере {Парк в Вене.} и видели много людей и некоторых папиных знакомых, а потом началось самое интересное: мы сидели под деревьями, потому что целых два часа шел дождь, а мы не могли найти экипажа, и я очень радовалась.

Здесь есть одна молодая дама, только теперь она уже не очень молодая, которая знала папу, когда он был еще мальчиком. Мне она очень нравится, скоро она будет знать обо мне все-все, и она очень добрая.

Больному мужу кузины Терезы, которая ездила с нами в Меран и потеряла свой зонтик, и тогда еще доктор Дони очень огорчился из-за этого, стало еще хуже, и поэтому она не здесь, а в Бадене. Я написала ей, но не получила ответа, и я не знаю, жив ли он еще или нет, во всяком случае, он так скоро не мог поправиться (и я думаю, никогда не поправится). Так как погода очень теплая, то я думаю, что вы с дядей Ником много времени проводите на воздухе. Посылаю тебе подарки в деревянном ящике, он крепко завинчен, так что тебе придется опять воспользоваться большой отверткой Фрица. Посылаю тете Констанс фотографии, дяде Нику - зеленую птицу на подставке с дыркой в спине, чтобы стряхивать туда пепел; она красивого зеленого цвета и недарагая, пожалуйста, скажи ему, потому что он не любит дорогих подарков (мисс Нейлор говорит, что у птицы в глазах любопытство - это попугай); тебе маленькую брошку из бирюзы, потому что бирюза мне нравится больше всех; доктору Эдмунду - весы для лекарства, потому что он сказал, что не может купить хорошие весы в Боцене; а эти очень хорошие, мне так сказал хозяин магагикаги самые дорогие из всех подарков - вот и все мои деньги, только два гульдена осталось. Если папа даст мне еще, я куплю мисс Нейлор зонтик, потому что он полезный, а у ее зонтика ручка "разболталась" (это словечко доктора Эдмунда, и мне оно нравится).

Пока все, до свиданья, целую, Грета.

P. S. Мисс Нейлор прочла все это письмо (кроме того места, где написано про зонтик), и в нем есть несколько мест, которые, как она считает, мне не надо было писать, поэтому я переписала письмо без этих мест, но потом оставила себе то, что переписала, поэтому письмо

такое грязное и некоторые слова написаны с ошибками, _но зато здесь есть все места_".

Читая письмо, Кристиан улыбалась, но, кончив читать, помрачнела, словно потеряла любимый талисман. Внезапный порыв ветра взметнул ее волосы, а из дома донесся кашель мистера Треффри, потонувший в шуме листвы. Небо быстро темнело. Она вошла в дом, взяла перо и стала писать.

"Друг мой, почему вы не пишете? Когда ждешь, время тянется очень долго. Дядя говорит, что вы в Италии, - как ужасно, что я не знаю этого наверняка. Думаю, вы написали бы, если бы могли; и невольно в голову приходят всякие страшные мысли. Мне очень тяжело сейчас. Дядя Ник болен; он не признается в этом*, такой уж он человек; но он очень болен. Быть может, вы никогда не увидите этого письма, но мне все равно надо записать свои мысли. Временами я чувствую, что я совсем бездушна, если все время думаю о вас, строю планы, как нам снова увидеться, когда он так опасно болен. Он всегда был очень добр ко м>не; как это ужасно, что любовь причиняет такие терзания. Ведь любовь должна быть красивой и спокойной, а не вызывать злые, дурные мысли. Я люблю вас... и я люблю его; у меня такое чувство, будто меня разорвали на две части. Разве так должно быть? Почему начало новой жизни должно означать конец прежней, новая любовь - смерть прежней? Не понимаю. Моя любовь к нему похожа на мою любовь к вам - то же взаимное понимание, то же доверие... и все же иногда из-за любви к вам я чувствую себя преступницей. Вы знаете его мнение... он глубоко честен и, конечно, не утаил его от вас. Он разговаривал со мной; пожалуй, вы ему нравитесь но, по его словам, вы чужой, мы с вами живем в разных мирах. "Тебе нужен не такой муж!" Вот его слова. А теперь он не говорит со мной, но когда я в комнате, он только смотрит на меня, и это хуже в тысячу раз; когда он говорит, во мне сразу возникает дух противоречия... Когда же я вижу только его глаза, я сразу становлюсь трусихой; я чувствую, что сделаю все, абсолютно все, лишь бы не причинять ему боли. Почему он не может понять? Не потому ли, что он стар, а мы молоды? Он может уступить, но он никогда, никогда не поймет; это будет всегда причинять ему боль.

Я хочу сказать вам все; у меня были и более дурные мысли, чем! эти: иногда мне приходит в голову, что у меня не хватит мужества

принять участие в той борьбе, которую приходится вести вам. И тогда я чувствую себя надломленной, у меня появляется такое ощущение, будто что-то оборвалось во мне. Потом я начинаю думать о вас, и все проходит; но такие минуты бывают, и мне стыдно... я же говорила вам, что я трусиха. Словно надо уйти от теплого очага в ночь, в бурю, но только она грозит не телу, а душе... и от этого еще хуже. Надо было рассказать вам все; но не тревожьтесь; я непременно переборю себя и постараюсь забыть эти мысли навсегда. Но дядя Ник... Как мне быть? Я ненавижу себя за то, что я молода, а он стар и слаб... иногда мне даже кажется, что я ненавижу его. Я все думаю... и под конец всегда, словно черный провал на пути, появляется мысль, что мне следует порвать с вами. Должна ли я? Скажите мне. Я хочу знать, я не хочу поступать дурно; да, я по-прежнему не хочу этого, хотя временами мне кажется, что во мне не осталось ничего хорошего.

Помните, как однажды в разговоре вы сказали: "Природа всегда дает ответ на любой вопрос; ни законы, ни обычаи, ни теории, ни слова не дают ответа его можно найти только у Природы. Скажите, должна ли я быть с вами, несмотря ни на что? Согласно ли это с Природой, и, следовательно, так и нужно поступить? Наверно, вы скажете, что нужно. Но разве может Природа требовать, чтобы я причиняла жестокие страдания тому, кого я люблю и кто любит меня? Если это так, то Природа жестока. Может быть, это один из "уроков жизни"? Может быть, именно это подразумевает тетя Констанс, когда говорит: "Если бы жизнь не была парадоксом, жить было бы невозможно"? Я начинаю понимать, что у всего есть своя оборотная сторона; прежде я в это не верила.

Дядю Ника страшит, что я столкнусь с жизнью; он не понимает, как можно жить без денег (и как ему это понять? У него всегда были деньги). Это ужасно, что из-за случайности, давшей деньги нам, а не вам, наши жизни сложились так по-разному. Иногда я сама боюсь, и поэтому не могу побороть страха в нем; он видит, что я заражаюсь этим страхом... глаза его, кажется, читают в моей душе все; самое печальное на свете - это глаза стариков. Я пишу, как жалкая трусиха, но я думаю, что вы никогда не увидите этого письма, так что все равно; но если вы прочтете его, а я всем сердцем хочу этого, то вот: если вы любите во мне только лучшее, значит, я недостойна вашей

любви. Я хочу, чтобы вы знали все, что во мне есть плохого... только вы, и больше никто.

С отчимом у меня все складывается совсем не так, как с дядей Ником; его противодействие только приводит меня в неистовство, вызывает злобу, готовность пойти на все, а вот с дядей Ником это все так тяжело, так мучительно... Он сказал: "Дело не в деньгах, потому что деньги у меня всегда найдутся". Я бы никогда не смогла сделать то, что ему не по душе, а после этого взять его деньги, да и вы не позволили бы мне. Мы так мало знаем о жизни, пока не приходит беда. Вот так же с цветами и деревьями: ранней весной они кажутся такими спокойными и сдержанными, а потом вдруг преображаются... мне кажется, что с сердцем происходит то же самое. Прежде я думала, что знаю все и понимаю все причины и следствия; я думала, что сохранить самообладание и рассудочность очень легко; теперь же я не понимаю ничего. И мне ни до чего нет дела, лишь бы видеть вас и не чувствовать на себе взгляда дяди Ника. Еще три месяца тому назад я не знала вас, а теперь пишу такое письмо. Что бы я ни видела, я на все стараюсь смотреть вашими глазами; я знаю (и теперь даже больше, чем тогда, когда вы были со мной), о чем бы вы подумали, как бы вы отнеслись к тому или иному. Некоторые вещи, сказанные вами, кажется, навсегда остались в памяти моей, как огоньки..."

Нескончаемый косой дождь с неприятным шипеньем хлестал по черепице веранды. Кристиан закрыла окно и пошла в комнату дяди.

Он лежал с закрытыми глазами и ворчал на Доминика, который бесшумно двигался по комнате, прибирая ее на ночь. Потом он с поклоном удалился, бросив сострадательный взгляд на мистера Треффри, который открыл глаза и сказал:

- Своим мерзким снадобьем! доктор доводит меня до белого каления. Как выпью, не могу не браниться. Ну и пакость! Как смех вульгарной женщины, а мерзостней нет ничего на свете!

- Я получила письмо от Греты, дядя Ник. Прочешь его?

Мистер Треффри кивнул, и Кристиан прочла письмо, опустив упоминание о Гарце и по какой-то неосознанной причине ту часть, в которой говорилось о Сарелли.

- Да! - сказал мистер Треффри со слабым смешком. - Финансов у Греты маловато! Пошли ей, Кристиан. Хотел бы я снова стать мальчишкой, но только, как говорится в одной из подлейших

пословиц, всякому овощу свое время. Поехать бы снова порыбачить на западное побережье. Хорошо нам жилось, когда мы были мальчишками. Нынешние уже не умеют так развлекаться. Редко когда рыбацьи лодки выходили в море без нас. Мы наблюдали за их огнями из окна спальни; только начнут покачиваться, а мы уже тут как тут у причала. Рыбаки всегда дожидались нас, но больше всех они любили твоего дядю Дэна, считали, что он приносит удачу. Когда я встану на ноги, может, мы с тобой съездим туда, а? Ненадолго, только поглядеть? Ну как, моя девочка?

Взгляды их встретились.

- Мне бы хотелось поглядеть на огоньки рыбацких лодок, выходящих в море темной ночью; жаль, что ты у меня моряк никуда не годный, а то бы мы могли отправиться с ними. Это пошло бы тебе на пользу! Что-то ты у меня, милая, выплядишь не совсем, как надо.

Голос его тоскливо замер, а взгляд, скользя по лицу Кристиан, остановился на руках, теребивших письмо Греты. Помолчав минуты две, он вдруг снова заговорил неожиданно громко:

- Твоя тетка непременно захочет прийти и посидеть со мной после обеда; не пускай ее, Крис, я этого не выношу. Скажи, что я сплю. Сейчас будет доктор, попроси его придумать какую-нибудь отговорку - он, наверно, на это мастак, недаром он врач.

От внезапного приступа острой боли у него перехватило дыхание. Когда боль прошла, он махнул Кристиан рукой, чтобы она оставила его одного. Кристиан пошла в другую комнату, где лежало ее письмо, и прежде чем раздался гонг, звавший ее обедать, приписала:

"Я как лист на ветру; только я протягиваю к чему-нибудь руку, как ее схватывают, скручивают и отбрасывают. Вы нужны мне... нужны сейчас же, если бы мы были вместе, мне кажется, я знала бы, как быть..."

XXII

Ливень неистовствовал все пуще. Ночь была очень темная. Николас Треффри погрузился в беспокойный сон. Ночник у его кровати бросал на противоположную стену пятно света, изрезанное по краям тенью абажура. Кристиан склонилась над больным. В этот момент сердце ее принадлежало ему, такому жалкому, такому беспомощному. Боясь разбудить его, она тихонько вышла в гостиную. За дверью, прижавшись лицом к стеклу, стоял человек. Сердце ее глухо забилося,

она подошла и отперла дверь. Это был Гарц. С него капала дождевая вода. Он сбросил плащ и шляпу.

- Вы! - сказала она, трогая его за рукав. - Вы! Вы! Он насквозь промок, лицо у него было осунувшееся, усталое, темная поросль бороды покрыла подбородок и щеки.

- Где ваш дядя? - спросил он. - Я хочу его видеть. Она приложила палец к его губам, а он схватил ее руку и покрыл поцелуями.

- Он спит... болен... говорите потише!

- Я пришел к нему первому, - пробормотал он.

Кристиан зажгла лампу, и он молча пожирал ее глазами.

- Больше так жить невозможно; я пришел, чтобы сказать это вашему дяде. Он настоящий человек. До того, другого, мне нет никакого дела. Я вернулся пешком через горы, Кристиан, я больше не могу...

Она протянула ему свое письмо. Вытирая со лба капли дождя, он поднес его к свету. Прочитав письмо, он вернул его и прошептал:

- Ты должна быть со мной!

Губы ее шевелились, но она ничего не сказала.

- В таком состоянии я не могу работать; я ничего не могу делать. Но я не могу... не хочу рисковать своим творчеством ради этого; если так пойдет и дальше, то пусть лучше все кончится. Чего мы ждем? Рано или поздно мы придем к этому. Мне очень жаль, что он болен. Но это ничего не меняет. Ожидание связывает меня по рукам и ногам... я начинаю бояться! Страх губит человека! Он погубит вас! Он губит творческую энергию, а я должен работать, я не могу понапрасну терять время... я не буду его терять! Я скорее откажусь от вас! Он положил руки на плечи Кристиан. - Я люблю вас! Я хочу, чтобы вы были моей. Поглядите мне в глаза и поймите, что ждать больше нельзя!

Он стискивал своими сильными руками ее плечи, а она стояла неподвижно. Лицо ее было смертельно бледным. И вдруг он стал целовать это бледное, застывшее лицо, целовать глаза и губы, целовать подбородок, щеки, лоб, но оно оставалось бледным, как белый цветок... как белый цветок, чей стебелек согнули пальцы.

В стену постучали, послышался тихий голос мистера Треффри. Кристиан отстранилась от Гарца.

- До завтра, - прошептал он и, подобрав шляпу и плащ, ушел в дождь.

XXIII

Только под утро Кристиан забылась тревожным сном. Во сне ее звал чей-то голос, ее сковал невыразимый ужас, какой бывает только во сне.

Когда она проснулась, в окна уже вливались потоки света. Было воскресенье, и звонили соборные колокола. Ее первая мысль была о Гарце. Один шаг, один смелый шаг! Почему она не сказала дяде? Если бы только он опросил ее! Но почему... почему она должна говорить ему? Когда все кончится и она уедет, он поймет, что все к лучшему.

Взгляд ее упал на пустую кровать Греты. Она вскочила и, наклонившись, поцеловала подушку. "Сначала она будет переживать, но ведь она еще совсем девочка! Кроме дяди Никэ, я никому не нужна по-настоящему!" Она долго стояла у окна без движения. Одевшись, она позвала горничную:

- Принесите мне молока, Барби; я хочу пойти в церковь.

- Ach, gnadiges Fraulein, вы не будете завтрак иметь?

- Нет, спасибо, Барби.

- Liebes Fraulein, какое красивое утро после дождя стало! Как прохладно! Для цвета лица полезно, теперь ваши щеки расцветут опять!

И Барби погладила собственные румяные щеки.

Доминик, гревшийся на солнце, с салфеткой, перекинутой через руку, поклонился Кристиан и приветливо улыбнулся.

- Сегодня утром ему лучше, мадмуазель. Мы выправ... мы поправляемся. От хорошей новости и у вас на душе будет спокойней.

Кристиан подумала: "Какие сегодня все милые!" Казалось, даже вилла, освещенная косыми лучами солнца, приветствовала ее, даже деревья, трепещущие и проливающие золотые слезы. В соборе служба еще не начиналась, но кое-где уже были видны коленапреклоненные фигуры; а в воздухе держался застоявшийся тошнотворный запах ладана; в глубине собора бесшумно двигался священник. Кристиан опустила на колени, и когда она наконец встала, служба уже началась. С первыми же звуками речитатива на нее снизошла умиротворенность умиротворенность принятого решения. На счастье ли, на горе, но она знала: судьба ее решена. Кристиан вышла из

церкви, лицо ее было безмятежно счастливым. Она пошла домой по дамбе. Возле мастерской Гарца она присела на скамью. Теперь... это ее собственное, как и все, что принадлежит ему, все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к нему.

Тихо приблизился старый нищий, давно следивший за ней.

- Милостивая госпожа! - сказал он, заглядывая ей в глаза. - Сегодня у вас счастливый день, а я потерял свое счастье.

Кристиан открыла кошелек, но там была только одна монета - золотой. Глаза нищего заблестели.

И вдруг она подумала: "Это уже не мое; надо уже экономить", - но при взгляде на старика ей стало стыдно.

- Простите, - сказала она, - вчера я отдала бы вам это, но... теперь эти деньги уже не мои.

Он был такой старый и бедный, а что она могла ему дать? Она отстегнула маленькую серебряную брошь.

- Вам что-нибудь дадут за нее, - сказала она, - это все же лучше, чем ничего. Мне вас очень жаль, вы такой старый и бедный.

Нищий перекрестился.

- Милостивая госпожа, - пробормотал он, - дай бог вам никогда не знать нужды!

Кристиан поспешила отойти, последние слова его потонули в шорохе листьев. Идти домой не хотелось, и она, перейдя через мост, стала взбираться на холм. Дул легкий ветерок, гнавший облака по небу. По стенам сновали ящерики, завидев ее, они скрывались в щелях.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, сверкали в потоке. Земля благоухала, сверкали зеленью виноградники вокруг белых домиков; казалось, все радовалось и плясало от избытка жизненных сил, словно была весна, а не середина лета. Кристиан все шла вперед, не понимая, почему она чувствует себя такой счастливой.

"Неужели я бессердечна? - думала она. - Я собираюсь оставить его... я вступаю в жизнь. Теперь мне придется бороться и нельзя будет оглядываться назад!"

Тропинка запетляла вниз, к ручью, и оборвалась; на другом берегу она появилась снова и затерялась среди деревьев. В лесу было сыро, и Кристиан поспешила домой.

У себя в комнате она стала укладываться, просматривать и рвать старые письма. "Важно только одно, - думала она, - твердая

решимость: надо иметь цель и стремиться к ней изо всех сил".

Она подняла голову и увидела Барби, которая с испуганным лицом стояла перед ней, держа в руках полотенце.

- Вы уезжаете, gnadiges Fraulein?

- Я выхожу замуж, Барби, - сказала Кристиан. - Пожалуйста, не говорите об этом никому.

Барби прижала полотенце к лифу своего голубого ситцевого платья.

- Нет, нет! Я не скажу. Но, дорогая фрейлейн, это очень важное дело; вы все хорошо обдумали?

- Обдумала, Барби? Я ли не думала!

- Дорогая фрейлейн, а вы будете богатой?

- Нет, я буду такой же бедной, как ты.

- Господи! Это очень плохо. Катрина, моя сестра, замужем; она мне рассказывает про свою жизнь; она говорит, что жить очень трудно, и если бы она до замужества не накопила денег, было бы еще трудней. Дорогая фрейлейн, подумайте еще раз! А он хороший? Иногда мужчины оказываются нехорошими.

- Он хороший, - вставая, сказала Кристиан. - Все решено!

И она поцеловала Барби в щеку.

- Вы плачете, Hebes Fraulein! Подумайте хорошенько, может быть, еще не совсем все решено. Не может быть, чтобы для девушки не оставалось никакого другого выхода!

Кристиан улыбнулась.

- У меня все иначе, Барби.

Барби повесила полотенце на крючок и перекрестилась.

XXIV

Взгляд мистера Трефри был прикован к коричневому мотыльку, метавшемуся под потолком. Он следил за насекомым, как зачарованный: быстрые движения всегда завораживают тех, кто сам не в силах двигаться. Тихо вошла Кристиан.

- Не могу больше валяться, Крис, - сказал он с виноватым видом. Невыносимо жарко. Доктор из себя выходит вот из-за этого. - Он показал на кувшин с крюшоном из красного вина и трубку, лежавшую на столе у его локтя. - А я только смотрел на них.

Кристиан присела рядом и взяла веер.

- Если бы не эта жара... - сказал он и закрыл глаза.

"Я должна сказать ему, - думала Кристиан. - Я не могу уехать тайком".

- Налей мне немного этой штуки, Крис.

Она потянулась за кувшином. Да! Она должна сказать ему! У нее упало сердце.

Мистер Треффри сделал основательный глоток.

- Нарушаю обещание. Не все ли равно... вреда никому не будет, кроме меня.

Он взял трубку и набил ее табаком.

- Лежишь тут, боль адская, и покурить даже нельзя! Если б я от проповедей получал хоть половину того удовольствия, которое мне доставляет эта трубка! - Он откинулся на спинку кресла, погружаясь в блаженство. А затем продолжал, словно размышляя вслух: - Многое изменилось с тех пор, как я был молодым. В те годы молодому человеку приходилось добывать себе еду и кров и заботиться о своем будущем. Хорошо это получалось у него или нет все зависело от того, из какого материала он скроен. А нынче... куда там! Нынче у него голова всякой дурью набита - воображает, что он уже тот, кем еще только собирается стать.

- Вы несправедливы, - сказала Кристиан.

- Гм! Терпеть не могу покупать kota в мешке, - проворчал мистер Треффри. - Если я даю человеку деньги взаймы, то хочу знать, собирается ли он вернуть их; мне, может быть, не жаль денег, но я просто хочу знать. И во всем так. Мне все равно, богат ли человек... хотя имей в виду, Крис, это не плохое правило - судить о людях по их счету в банке. Но когда дело доходит до женитьбы, то есть одно очень простое правило: там, где не хватает на одного, не хватит и на двоих. Сколько ни трать слов - черное белым не станет, а разговорами сыт не будешь. Ты знаешь, Крис, я не люблю говорить о себе, но все же скажу тебе вот что... Когда я приехал в Лондон, я хотел жениться, но денег не было, и пришлось ждать. А когда у меня появились деньги... ну, это уже к делу не относится! - Он нахмурился и стал перебирать пальцами трубку. - Я не делал ей предложения, Крис, считал, что поступаю порядочно; теперь это вышло из моды!

Щеки Кристиан горели.

- Лежу я тут и все думаю, - продолжал мистер Треффри. - Ничего не поделаешь. Только скажи мне вот что. Ты хорошо знаешь, чего тебе

надо? Что ты знаешь о жизни? Хочешь не хочешь, а жизнь не такая совсем, как ты себе ее представляешь. В жизни всяко бывает, но главное - не ошибаться вначале.

Кристиан думала: "Неужели он никогда не поймет?"

- Я поправляюсь с каждым днем, - продолжал мистер Трефри, - но все равно долго я не протяну. Не очень-то приятно лежать и думать, что, когда ты умрешь, некому будет притормаживать!

- Дядя, не говорите так! - пробормотала Кристиан.

- Что толку закрывать глаза на факты, Крис. Я пожил немало на этом свете; я знаю жизнь такой, какая она есть на самом деле; кроме тебя, мне теперь не о ком больше и думать.

- Но, дядя, если бы вы любили его так, как я люблю, вы бы не стали меня запугивать! Ведь страх - подлое, малодушное чувство. Вы, наверно, забыли об этом.

Мистер Трефри закрыл глаза.

- Да, - сказал он. - Я стар.

Кристиан уронила веер себе на колени; он лежал на ее белом платье, как большой алый лист; она не сводила с него глаз.

Мистер Трефри взглянул на нее.

- От него не было известий? - спросил он, вдруг что-то почувствовав.

- Вчера вечером, в той комнате, когда вы думали, что я разговариваю с Домиником...

Он уронил трубку.

- Что! - с трудом произнес он. - Вернулся?

Не поднимая головы, Кристиан сказала:

- Да, он вернулся; я нужна ему... я должна быть с ним, дядя.

Они долго молчали.

- Ты должна быть с ним? - повторил он.

Ей хотелось броситься перед ним на колени, но он сидел так тихо, что всякое движение казалось невыносимым, и она, сложа руки, молчала.

- Ты дай мне знать, когда будешь... уезжать, - проговорил мистер Трефри. - Спокойной ночи!

Кристиан тихо вышла в коридор. Бисерный занавес шелестел на сквозняке. До нее донеслись голоса.

- Для меня это дело чести, в противном случае я отказался бы лечить его.

- Бедный Николас - очень трудный человек! У него всегда была эта склонность к противоречию, и он сотни раз попадал из-за нее в беду. Дух противоречия у нас в крови. Это наша семейная черта. Мой старший брат погиб из-за такого же упрямства; у моей бедной сестры, которая была кротка, как овечка, это приняло несколько иную форму: она поступала, как должно, да только не к месту. Видите ли, это дело темперамента. Запаситесь терпением.

- Терпением, терпением, - повторил голос Дони, - но есть еще чувство ответственности. Последние две ночи я не смыкал глаз.

Послышался тихий свистящий шелест шелка.

- Ему так плохо?

Кристиан затаила дыхание. Наконец послышался ответ:

- Он составил завещание? Скажу вам откровенно, миссис Дисси, еще один приступ, и у него почти не останется шансов на спасение.

Кристиан заткнула уши и выбежала в сад. Так, значит... она хотела бросить умирающего!

XXV

На следующий день Гарца пригласили в виллу. Мистер Треффри только что встал и облачился в теплый халат, старый, потертый, но сохранивший остатки бывшего великолепия. Морщинистые щеки его были чисто выбриты.

- Надеюсь, я вижу вас в добром здравии, - величественно произнес он. При воспоминании о их поездке и прощании у вьючной тропы Гарцу стало больно и стыдно. Вдруг в комнату вошла Кристиан; она постояла немного, глядя на него, и села.

- Крис! - сказал с укоризной мистер Треффри.

Она покачала головой; скорбный и вместе с тем смелый взгляд ее глаз, казалось, говорил о каком-то принятом решении.

- Я не вправе упрекать вас, мистер Гарц, - сказал мистер Треффри, - тем более, что, по словам Крис, вы намеревались поговорить со мной, чего я от вас и ожидал; но вам не следовало возвращаться.

- Сэр, я вернулся, потому что чувствовал себя обязанным сделать это. Позвольте все объяснить.

- С удовольствием выслушаю вас, - ответил мистер Треффри.

Гарц опять посмотрел на Кристиан, но она по-прежнему сидела, подперев руками подбородок.

- Я вернулся за ней, - сказал он. - Я могу зарабатывать на жизнь... хватит на нас обоих. Но я не могу ждать.

- Почему? Гарц не ответил.

- Почему? - снова загремел мистер Треффри. - Разве она не достойна того, чтобы ее ждали? Разве не надо сперва заслужить ее?

- Боюсь, что вы не поймете, - сказал художник. - Мое творчество и есть моя жизнь. Вы думаете, в противном случае я бы когда-нибудь покинул родную деревню и прошел бы через все, что мне пришлось пройти, чтобы стать хотя бы тем, чем я стал сейчас? Вы говорите, чтобы я подождал. Как же я могу работать, если мои мысли и воля несвободны? От меня не будет никакого толку. Вы просите меня вернуться в Англию... быть от нее за тысячу миль и знать, что она здесь, среди тех, кто ненавидит меня. Я буду знать, что она жестоко мучается, что здесь против меня ведется отчаянная борьба... и вы думаете, я смогу работать в таком состоянии? Другие... может быть, а я нет. Вот вам чистая правда. Если бы я меньше любил ее...

Наступило молчание, потом мистер Треффри сказал:

- Непорядочно возвращаться сюда и просить того, что просите вы. Вы не знаете, что вас ждет в будущем, вы не знаете, сможете ли вы содержать жену. Не говоря уж о том, что у себя на родине вы принуждены прятаться, как преступник.

Гарц побелел.

- А! Вы опять об этом! - вырвалось у него. - Семь лет тому назад я был совсем мальчишкой и голодал; будь вы на моем месте, вы бы сделали то же самое. Мне моя родина так же дорога, как и вам ваша. Семь лет я пробыл в изгнании и, наверно, останусь изгнанником до конца жизни... я уже достаточно наказан; но если вы считаете меня негодяем, я сейчас же пойду и отдамся в руки полиции.

Он повернулся.

- Пойдите! Я прошу извинения! Я никак не хотел вас обидеть. Мне нелегко извиняться, - грустно сказал мистер Треффри. - Пусть это тоже зачтется.

Он протянул руку.

Гарц без колебаний вернулся и пожал ее. Кристиан не сводила с него глаз; казалось, она стремилась запечатлеть его образ в своей

памяти. Свет, врывающийся через полуоткрытые ставни, придавал ее глазам какой-то странный, очень яркий блеск и горел на складках ее белого платья, словно на оперении птицы.

Мистер Треффри беспокойно оглянулся.

- Видит бог, я хотел ей только счастья, - сказал он. - Если бы вы даже убили свою мать - что мне до того? Я думаю лишь о Кристиан.

- Откуда вам знать, в чем ее счастье? У вас о нем собственное представление... это не ее представление, не мое. Вы не посмеете помешать нам, сэр!

- Не посмею? - переспросил мистер Треффри. - Ее отец оставил ее на мое попечение, когда она была еще совсем крошкой; вся жизнь ее прошла на моих глазах... Я... я люблю ее... а вы приходите сюда и говорите, что я "не посмею".

Он потянул себя за бороду дрожащей рукой. На лице Кристиан появилось выражение ужаса.

- Успокойся, Крис! Я не прошу пощады и не даю ее! Гарц в отчаянии махнул рукой.

- Я поступил с вами честно, сэр, - продолжал мистер Треффри, - и требую того же от вас. Я прошу вас подождать и вернуться сюда тогда, когда вы, как порядочный человек, сможете сказать: "Я знаю, что меня ждет. Я си даю то-то и то-то". Чем отличается творчество, о котором вы говорили, от любого другого призвания? Оно не меняет законов жизни и не дает вам никаких привилегий по сравнению с другими. Оно не делает ваш характер тверже, не оберегает от некрасивых поступков, не дает никаких доказательств, что дважды два - пять.

- Вы знаете об искусстве ровно столько же, сколько я о деньгах, - резко ответил Гарц. - Нам и за тысячу лет не понять друг друга. Я делаю то, что считаю лучшим для нас обоих.

Мистер Треффри взял художника за рукав.

- Вот мое предложение, - сказал он. - Дайте слово год не видеть ее и не писать ей! А там, будет у вас положение или нет, будут у вас деньги или нет, если она захочет стать вашей женой, я обеспечу вас.

- Я не возьму ваших денег.

Казалось, мистера Треффри вдруг охватило чувство отчаяния. Он выпрямился во весь свой огромный рост.

- Всю жизнь я... - сказал он, но в горле у него что-то булькнуло, и он упал в кресло.

- Уходите! - прошептала Кристиан. - Уходите!

Но к мистеру Треффри снова вернулся голос.

- Пусть девочка сама решает. Говори, Крис!

Кристиан молчала.

Заговорил Гарц. Он показал рукой на мистера Треффри.

- Вы знаете, что я не могу предложить вам уехать со мной, когда здесь такое... Почему вы послали за мной?

И, повернувшись, он вышел.

Кристиан опустилась на колени, закрыв лицо руками. Мистер Треффри украдкой прижал платок ко рту. Платок стал алым - такова была цена его победы.

XXVI

Герр Пауля вызвали из Вены телеграммой. Он тотчас отправился в путь, отложив до более благоприятного случая оплату нескольких счетов и среди них счет от аптекаря за чудодейственное шарлатанское лекарство, которого он захватил с собой целых шесть бутылок.

Когда он вышел из комнаты мистера Треффри, по щекам его текли слезы.

- Бедный Николас! - приговаривал он. - Бедный Николас! Il n'a pas de chance! {Он безнадежен! (франц.).}

Но его излияний никто не слушал. Миссис Дисси и Кристиан хранили тревожное молчание, ожидая распоряжений, которые время от времени передавались шепотом через приоткрытую дверь из комнаты мистера Треффри. Герр Пауль был не в состоянии молчать и полчаса разговаривал со своим слугой, пока Фрица не послали за чем-то в город. Тогда герр Пауль в отчаянии пошел к себе в комнату. Как тяжело, когда тебе не дают помочь... как тягостно ждать! Когда болит душа, становится страшно! Он обернулся и, посмотрев по сторонам, украдкой закурил сигару. Да, все там будут... рано или поздно; и что такое смерть, о которой все говорят? Неужели она хуже жизни? Жизни, которую люди сами же превращают черт знает во что! Бедняга Николас! В конечном счете ему повезло!

Глаза его наполнились слезами, и, достав из кармана перочинный нож, он стал втыкать его в обивку кресла. Скраф, следивший за полоской света под дверью, обернулся, прищурился и стал легонько постукивать лапой по полу.

Эта неизвестность невыносима... нельзя же так быть рядом и ничего не знать!

Герр Пауль направился в дальний угол. Собака, было последовавшая за ним, вздернула морду в черных отметинах, заворчала и вернулась к двери: ее хозяин держал в руке бутылку шампанского.

Бедняга Николас! Это его покупка. Герр Пауль осушил стакан.

Бедняга Николас! Великолепнейший человек, а помочь ему не дают. Его не пускают к Николасу!

Взгляд герра Пауля упал на терьера.

- А! Дорогой мой, - сказал он, - только нас с тобой не пускают туда!

Он осушил второй стакан.

- Что есть наша жизнь? Пена, вроде этой!

Он выпил залпом третий стакан. Забыться! Если нельзя помочь, то лучше забыться!

Герр Пауль надел шляпу. Да. Здесь ему нет места! Здесь он лишний! Он допил бутылку и вышел в коридор.

Скраф выбежал за ним и лег у двери мистера Трефри. Герр Пауль посмотрел на него.

- Ах ты, неблагодарная собака, - сказал он, постучав себя по груди, и, открыв входную дверь, на цыпочках вышел...

Под вечер того же дня Грета бродила без шляпки меж кустов сирени; после бессонной ночи в дороге у нее был усталый вид, и она присела отдохнуть на стул, стоявший в пестрой тени липы.

"Дом стал какой-то другой, - подумала она. - Я такая несчастная. Даже птицы молчат. Но это, наверно, потому, что очень жарко. Никогда мне не было так грустно... Это потому, что сегодня мне грустно не понарошке. А в сердце так, словно ветер гудит в лесу, и пусто, пусто. И если все несчастные чувствуют себя так же, то мне жаль их; никогда еще мне не было так грустно".

На траву упала тень; Грета подняла голову и увидела Дони.

- Доктор Эдмунд! - прошептала она.

Дони подошел к ней; между бровями у него залегла глубокая складка. В близко посаженных глазах застыла боль.

- Доктор Эдмунд, - шептала Грета, - это правда? Он взял ее руку и накрыл своей ладонью.

- Быть может, - сказал он, - а быть может, и нет. Будем надеяться.

Грета в страхе посмотрела на него.

- Говорят, он умирает.

- Мы послали за лучшим венским врачом.

Грета покачала головой.

- Вы сами очень хороший врач, доктор Эдмунд, но вы же боитесь.

- Он мужественный человек, - сказал Дони. - Мы все должны мужаться. Вы тоже!

- Мужаться? - повторила Грета. - Что значит мужаться? Если не плакать и не жаловаться, то это я могу. Но если сделать так, чтобы не было грустно здесь, - она дотронулась до груди, - то это я не могу, как бы я ни старалась.

- Мужаться - значит надеяться; не переставайте надеяться...

- Хорошо, - сказала Грета, обводя пальцем солнечный блик на своей юбке. - Но мне кажется, что, когда мы надеемся, мы совсем не мужаемся, потому что ждем исполнения своего желания. Крис говорит, что надеяться - значит молиться, а если это молитва, то, значит, все время, пока мы надеемся, мы просим чего-то. А разве просить - это мужество?

Дони улыбнулся.

- Продолжайте в том же духе, философ! - сказал он. - Мужайтесь на свой лад, и это у вас получится не хуже, чем у других.

- А что делаете вы, чтобы мужаться, доктор Эдмунд?

- Я? Борюсь! Если бы ему скинуть лет пять!

Грета посмотрела ему вслед.

- Я никогда не научусь мужеству, - сказала она с грустью. - Мне всегда будет хотеться счастья.

И, встав на колени, она принялась освобождать муху, запутавшуюся в паутине. У самых ног в высокой траве она увидела болиголов. "Уже сорняки!" подумала она с огорчением.

Это еще больше расстроило ее.

"Но он очень красивый, - подумала она, - цветы у него, как звезды. Я не буду его вырывать. Оставлю его; наверно, он разрастется по всему саду; ну и пусть, мне все равно, потому что теперь все не так, как прежде, и прежние времена, наверно, уже никогда не вернуться".

XXVII

Шли дни, те длинные жаркие дни, когда с десяти часов утра над землей струится раскаленное марево, которое, как только солнце зайдет за горные вершины, сливается с золотыми небесами, зажигающими по всей земле дрожащие искорки.

При свете звезд эти искры гаснут, исчезают одна за другой со склонов; вечер спускается в долины, и под его прохладными крылами на землю нисходит покой. Но вот наступает ночь, и оживают сотни ночных голосков.

Подходила уже горячая пора сбора винограда, и все продолжалась - день за днем, ночь за ночью - борьба за жизнь Николаса Треффри. Проблески надежды сменились минутами отчаяния. Приезжали врачи, но мистер Треффри первого еще пустил к себе, а остальных отказался видеть.

- Незачем бросать деньги на ветер, - сказал он Дони, - если я и выкарабкаюсь, то уж, во всяком случае, не благодаря им.

Порой он несколько дней подряд не разрешал находиться в своей комнате никому, кроме Дони, Доминика и платной сиделки.

- Я лучше справляюсь со своей хворью, - сказал он Кристиан, - когда не вижу никого из вас. Не ходи сюда, девчурка моя, уж я как-нибудь сам ее одолею!

Если бы она могла помочь ему, то это бы ослабило нервное напряжение и боль ее сердца. По просьбе мистера Треффри его кровать переставили в угол, чтобы можно было отвернуться к стене. Так он лежал часами, не разговаривая ни с кем, и только просил пить.

Иногда Кристиан незаметно пробиралась в комнату и долго смотрела на него, прижимая руки к груди. По ночам, когда Грета спала, она беспокойно ворочалась с боку на бок, лихорадочно бормоча молитвы. Она часами просиживала за своим столиком в классной комнате и писала Гарцу письма, которые так и оставались неотправленными. Однажды она написала: "Я самое мерзкое существо на свете... я даже желала ему смерти!" Несколько минут спустя вошла мисс Нейлор и увидела; что она сидит, закрыв лицо руками. Кристиан вскочила; по щекам ее текли слезы. "Оставьте меня!" - закричала она и выбежала из комнаты. Позже она пробралась в комнату дяди и опустилась на пол у его кровати. Весь вечер она тихо сидела там, но больной ее не заметил. Наступила ночь, и ее едва уговорили уйти из комнаты.

Однажды мистер Треффри выразил желание видеть герра Пауля; и тот долго собирался с мужеством, прежде чем войти.

- У меня на лондонской квартире осталось несколько дюжин гордоновского хереса, Пауль, - сказал мистер Треффри. - Я буду рад, если ты его выпьешь. И вот еще... мой слуга Доминик. Я его не забыл в завещании, но ты присмотри за ним; для иностранца он малый неплохой, и возраст у него не цыплячий, но рано или поздно женщины приберут его к рукам. Вот и все, что я хотел сказать тебе. Пришли ко мне Кристиан.

Герр Пауль молча стоял у постели. Вдруг он сказал сквозь слезы:

- Дорогой мой! Мужайся! Все мы смертны! Ты поправишься!

Все утро он бродил по дому совершенно расстроенный:

- На него было страшно смотреть, понимаете, страшно! И железный человек не выдержал бы.

Когда Кристиан вошла, мистер Треффри приподнялся и долго смотрел на нее.

У него был грустный вид, и она чувствовала себя виноватой. Но в тот же день из комнаты больного сообщили, что ему стало лучше и боль уже несколько часов как утихла.

Теперь у всех в глазах пряталась улыбка, готовая при первом слове расцвести на губах. На кухне Барби расплакалась и, забыв про сковородку, сожгла жаркое. Доминик на радостях пропустил стаканчик кианти и последние капли выплеснул "на счастье". Слуги получили распоряжение накрыть стол для чая в саду под акациями, где всегда царила прохлада; и у всех было праздничное настроение. Даже герр Пауль не отлучался из дому. Но Кристиан не вышла к чаю. О болезни никто не говорил, словно боясь накликать беду.

Мисс Нейлор пошла за чем-то в дом и, вернувшись, сказала:

- За углом дома стоит какой-то незнакомый человек.

- Что вы говорите! - воскликнула миссис Дисси. - Что ему нужно?

Мисс Нейлор покраснела.

- Я не спрашивала его. Я... я не знаю... порядочный ли он человек. Сюртук у него застегнут наглухо и, по-видимому, он без... воротничка.

- Пойди, деточка, спроси, что ему надо, - сказала Грете миссис Дисси.

- Не знаю... я, право, не знаю, стоит ли Грете... - начала мисс Нейлор. - На нем высокие... сапоги...

Но Грета уже была возле незнакомца и, заложив руки за спину, внимательно рассматривала его.

- Что вам угодно? - спросила она, подойдя к нему.

Незнакомец сорвал с головы шапку.

- В этом доме нет звонка, - сказал он, гнусаая, - просто теряешься...

- Нет, звонок есть, - серьезно возразила Грета, - только он теперь не звонит, потому что мой дядя очень болен.

- Мне очень прискорбно слышать это. Я незнаком со здешними обитателями, но мне очень прискорбно слышать это. Мне бы хотелось поговорить с вашей сестрой, если та девушка, которая мне нужна, ваша сестра.

И лицо незнакомца залила краска.

- А вы не друг ли герра Гарца? - спросила Грета. - Если вы его друг, то, пожалуйста, пойдите со мной и попейте чаю, а пока вы будете пить чай, я поищу Кристиан.

На лбу незнакомца выступили капли пота.

- Чай? Простите, я не пью чая.

- Есть и кофе, - сказала Грета.

Незнакомец так медленно шел к беседке, что Грета намного опередила его.

- Это друг герра Гарца, - прошептала она. - Он будет пить кофе. Я пойду за Крис.

- Грета! - воскликнула мисс Нейлор. Миссис Диси подняла руку.

- Если это так, - сказала она, - то ради Кристиан мы должны быть любезны с ним.

Выражение лица мисс Нейлор смягчилось.

- О да! - сказала она. - Конечно.

- Ба! - проворчал герр Пауль. - Опять начинается.

- Пауль! - прошептала миссис Диси. - Ты неблагоприятен.

Герр Пауль бросал на приближающегося незнакомца свирепые взгляды.

Миссис Диси встала и с улыбкой протянула руку.

- Мы очень рады познакомиться с вами; вы, по-видимому, тоже художник? Я очень интересуюсь искусством и особенно той школой, к которой принадлежит мистер Гарц.

Незнакомец улыбнулся.

- Он художник, без подделки, сударыня, - сказал незнакомец, - он не принадлежит ни к одной школе. Он из тех, на чьих костях возникают новые школы.

- Вы, наверно, американец? - проговорила миссис Дисси. - Очень приятно. Садитесь, пожалуйста. Моя племянница сейчас будет.

Грета прибежала обратно.

- Пожалуйста, пойдите со мной, - сказала она. - Крис ждет вас.

Проглотив кофе, незнакомец сделал общий поклон и последовал за Гретой.

- Ach! - сказал герр Пауль. - Garçon tres chic, celui là! {Весьма элегантный юноша! (франц.).}

Кристиан стояла у своего маленького стола.

- Я отправляю вещи мистера Гарца в Англию, - сказал незнакомец. - Здесь есть несколько его картин. Он был бы рад получить их.

Алая краска залила лицо Кристиан.

- Я пошлю их в Лондон, - повторил незнакомец. - Не могли бы вы отдать мне их сегодня?

- Пожалуйста. Моя сестра проводит вас.

Взгляд ее, казалось, проникал ему в самую душу.

- А мне он ничего не просил передать? - вырвалось у нее.

Незнакомец посмотрел на нее с любопытством.

- Нет, - произнес он в замешательстве, - нет! Пожалуй, нет. Он чувствует себя хорошо... Жаль...

Он замолчал; на ее бледном лице, казалось, одновременно отразились презрение, отчаяние и мольба. И, повернувшись, она вышла из комнаты.

XXVIII

Когда в тот же вечер Кристиан вошла в комнату дяди, он сидел на постели и сразу заговорил.

- Крис, - сказал он. - Это медленное умирание не по мне. Посмотрю-ка я, не поможет ли мне путешествие... Хочу вернуться на родину. Доктор уж обещал. Не все еще расстреляны заряды! Я верю в этого юношу, он борется за мою жизнь как настоящий мужчина... Во вторник твой день рождения, милая девочка, и тебе исполнится двадцать лет. Семнадцать лет прошло с тех пор, как умер твой отец. Ты для меня была самым близким существом.... Сегодня приходил

священник. Это плохой признак. Он полагал, что это его долг! Какая любезность! Но я его не принял. Если даже в словах священников и есть доля правды, я все равно не собираюсь каяться, когда мне пришлось плохо. Есть еще одно дело, которое не идет у меня из головы. Эта моя беспомощность поставила мистера Гарца в невыгодное положение. Ты имеешь право глядеть на меня так, как глядела на меня иногда, считая, что я сплю. Если бы я не был болен, он бы никогда не оставил тебя. Я не виню тебя, Крис, нисколько не виню! Ты меня любишь? Я знаю это, моя девочка. Но когда дело доходит до самого серьезного, приходится оставаться одному. Не плачь! Мозги наши устроены не по прописям из учебников для воскресных школ; ты начинаешь это понимать, вот и все!

Он вздохнул и отвернулся.

По дому разнесся скрип открываемых жалюзи. Девушку охватил страх: он лежал тихо, но каждый вдох давался ему с трудом. Если бы только она могла взять на себя его страдания! Она подошла и склонилась над ним.

- И тебе и мне трудно дышать! - пробормотал он.

Кристиан сделала сиделке знак рукой и вышла из комнаты.

По дороге шел полк; Кристиан смотрела на солдат из-за кустов сирени. Над ее головой безжизненно поникли почти черные листья тополя; пыль, поднятая солдатскими сапогами, повисла в воздухе; казалось, весь мир задышался, всюду замерла жизнь. Топот ног замер вдали. Вдруг на расстоянии протянутой руки от нее появился человек, державший на плече палку, как саблю. Он приподнял шляпу.

- Добрый вечер! Вы меня не помните? Сарелли. Извините! Я подумал, что это привидение в кустах. Как плохо марширует эта деревенщина! Видите ли, мы все не можем забыть своей профессии и критикуем; только на это мы и годимся.

Взгляд его черных глаз, беспокойных и злых, как у лебедя, впивался ей в лицо.

- Прекрасный вечер! Но слишком жарко. Будет гроза, вы чувствуете? Томительно ждать грозу, но зато после грозы, моя дорогая мисс Деворелл, приходят мир и тишина.

Он улыбнулся, на этот раз приветливо, и, снова приподняв шляпу, скрылся из виду в тени деревьев.

В этом человеке Кристиан вдруг почудилась какая-то скрытая угроза. Она вытянула вперед руки, словно защищаясь от нее.

Что пользы: угроза была в ней самой, от себя не защитишься! Она пошла в комнату миссис Дисси, где та тихо разговаривала с мисс Нейлор. Звучание их голосов вернуло ее в мир повседневности, который не имел никакого отношения к ощущениям, вселявшим в нее такой ужас.

Дони теперь ночевал на вилле. Глубокой ночью он проснулся от яркого света. Над ним стояла Кристиан, лицо ее было бледным и искаженным от ужаса, волосы темными волнами падали на плечи.

- Спасите его! Спасите! - кричала она. - Быстрее! У него кровотечение!

Он увидел, как она закрыла лицо белыми рукавами, и, выхватив у нее свечу, вскочил с постели и бросился к больному.

Снова произошло внутреннее кровоизлияние, и Николас Треффри был на волосок от смерти. Когда кровоизлияние прекратилось, он впал в забытие. Часам к шести он пришел в сознание; по глазам его было видно, что его что-то томит. Наконец, он поманил Кристиан.

-- Я проиграл, Крис, - прошептал он. - Дай ему знать, я хочу его видеть.

Голос его немного окреп.

- Я думал, что смогу продержаться... и вот конец. Он чуть приподнял и бессильно уронил руку. Когда немного погодя ему сказали, что Гарцу послана телеграмма, в глазах его появилось удовлетворение.

Герр Пауль сошел вниз в полном неведении о событиях ночи. Он остановился перед барометром и постучал по нему, сказав мисс Нейлор:

- Барометр падает, погода будет прохладная... ему станет еще лучше.

Когда он увидел ее искаженное жалостью и тревогой смуглое лицо и услышал, что жить мистеру Треффри осталось считанные часы, герр Пауль сначала побагровел, потом побледнел и сел, потому что его всего трясло.

- Не могу поверить! - почти сердито воскликнул он. - Еще вчера он чувствовал себя очень хорошо! Не могу поверить! Бедняга Николас! Еще вчера он разговаривал со мной!

Он сжал руку мисс Нейлор,

- Ах! - закричал он, вдруг отпустив руку мисс Нейлор и ударив себя по лбу. - Как это ужасно! Еще вчера он говорил со мной о хересе. Но неужели никто не может помочь ему?

- Только бог, - тихо ответила мисс Нейлор.

- Бог? - переспросил испуганно герр Пауль.

- Нам... остается... только... молиться всевышнему, - пробормотала мисс Нейлор; щеки ее пошли пятнами. - Я хочу помолиться... сейчас же.

Герр Пауль взял ее руку и поцеловал.

- Вы будете молиться? - сказал он. - Хорошо! Я тоже.

Он прошел к себе в кабинет, осторожно закрыл за собой дверь и зачем-то подпер ее спиной. Фу! Смерть! Она ждет всех! Когда-нибудь придет и его очередь. Она может прийти завтра! Надо молиться!

День тащился к концу. В небе собирались тучи, они громоздились друг на друга, заволакивали солнце - мягкие, бледно-серые, будто перышки на груди у голубя. К вечеру время от времени стали ощущаться легкие толчки, словно отголоски далекого землетрясения.

В ту ночь никто не ложился. Но и наутро ничего не изменилось. "Больной без сознания, ему осталось жить всего несколько часов", - сообщил Донн. Только раз он пришел в сознание и спросил о Гарце. От Гарца пришла телеграмма, он был в пути. Часам к семи вечера долгожданная гроза расколола чернильное небо. Словно невидимая рука проливали бокалы светлого вина на долины и горные хребты и размахивала лезвием молнии над деревьями, крышами, шпилями, горными вершинами, вонзая его в самый небосвод, который отвечал на каждый удар громовым раскатом. Над самой верандой Грета увидела светлячка, которого можно было принять за осколок упавшей молнии. Вскоре все закрыл ливень. Порой сноп света вырывал из тьмы массивные горные вершины, как бы нависавшие над домом, но и они затем исчезали за стеной дождя и трепещущих листьев. Каждый вздох, исторгнутый грозой, был как звон тысячи литавр, но мистер Трефри в своей комнате не слышал ее неистовства.

Грета незаметно прокралась в комнату больного, уселась в уголке со Скрафом на руках и стала его тихонько покачивать. Когда мимо проходила Кристиан, она поймала ее за юбку и прошептала:

- Сегодня твой день рождения, Крис!

Мистер Треффри шевельнулся.

- Что это? Гром? Стало прохладней. Где я? Крис!

Дони сделал знак Кристиан встать на его место.

- Крис! - сказал мистер Треффри. - Теперь уже скоро.

Она склонилась над ним, и ее слезы закапали ему на лоб.

- Простите меня! - шептала она. - Любите меня, как прежде!

Он дотронулся пальцем до ее щеки.

Больше часа он ничего не говорил, только два застонал и слегка сжал ей руку. Гроза прошла, но где-то очень далеко еще рокотал гром.

Глаза его открылись еще раз, взгляд их остановился на Кристиан, а потом ушел в небытие, в пропасть, отделяющую юность от старости, убеждение от убеждения, жизнь от смерти.

У кровати, закрыв лицо руками, стоял Дони; позади него на коленях Доминик, воздев руки к небу; в тишине слышалось ровное дыхание уснувшей Греты.

XXIX

Однажды в марте, более чем через три года после смерти мистера Треффри, у окна мастерской на Сент-Джонс-Вуд сидела Кристиан. Небо было покрыто пушистыми облаками, между которыми проглядывали кусочки голубого неба. Время от времени светлый дождичек окроплял деревья, которые каждой веткой тянулись вверх, словно ожидая, когда их уберут молодой листвой. Кристиан казалось, что почки набухают на глазах. На ветках собралось бесчисленное множество пронзительно чирикавших воробьев. В дальнем углу комнаты работал над картиной Гарц.

Лицо Кристиан освещала спокойная улыбка, улыбка женщины, которая знает, что стоит ей обернуться, и она увидит то, что хочет видеть, улыбка женщины, которая знает, что ее собственность находится в сохранности здесь, под рукой. И она посмотрела на Гарца с этой улыбкой собственницы. Но тут, словно тревожный сон, привидевшийся человеку, который нежился в постели и вдруг задремал, в ее памяти неожиданно всплыл давний рассвет, когда Гарц застал ее на коленях у тела мистера Треффри. Вот она снова видит лицо покойника, такое торжественное, спокойное, помолодевшее. Видит, как ее возлюбленный и она сама идут по дамбе, на которой они впервые встретились, как они молча сидят под тополем, где весной

все было усыпано тельцами майских жуков. Видит, как деревья из черных превращаются в серые, из серых в зеленые, а в темном небе длинные белые полосы облаков пролетают на юг, как птицы, и очень далекие розоватые вершины гор наблюдают за пробуждением, земли. И теперь вот снова, через несколько лет, он представился ей таким же чужим и далеким, каким он был тогда, когда ей казалось, что она ненавидит себя. Она вспомнила свои слова: "У меня больше нет сердца. Вы его разорвали, поделив между собой. Любовь заставляет думать только о себе... я хотела его смерти". Она вспомнила еще дождевые капельки, которые сверкали на виноградных листьях, как миллионы крошечных лампочек, и дрозда, который запел. Потом, как сны, которые уходят в блаженное небытие, ушли воспоминания, и на губах ее снова появилась улыбка.

Кристиан достала письмо.

"...О Крис! Мы в самом деле едем к вам; я без конца повторяю себе это и втолковываю Скрафу, но ему все равно, потому что он стареет. Мисс Нейлор говорит, что мы приедем к завтраку и что мы будем голодные, но, может быть, она не будет очень голодна, если море будет бурным. Папа сказал мне: "Je serai inconsolable, mais inconsolable!" {Я буду безутешен! (франц.)} Но я думаю, что не очень, потому что он собирается в Вену. Когда мы уедем, на вилле Рубейн никого не останется; тетя Констанс еще две недели тому назад уехала во Флоренцию. В ее отеле живет молодой человек, из которого, по ее словам, выйдет один из величайших драматургов Англии. Она прислала мне почитать его пьесу; про любовь там совсем мало, мне она не очень понравилась... О Крис! Я, наверно, расплачусь, когда увижу тебя. Так как я уже совсем взрослая, мисс Нейлор со мной уже не вернется; иногда у нее грустное настроение, но она будет очень рада увидеть тебя, Крис. По-видимому, весной она всегда грустит. Сегодня я гуляла по дамбе, на тополях уже видны зеленые пушистые шарики, и сегодня я видела первого майского жука; скоро уже зацветет вишня; мне и грустно и весело одновременно, а однажды у меня было такое ощущение, словно у меня выросли крылья, и я могу взлететь над долиной и полететь в Меран... но крыльев не было, и я села на ту самую скамейку, на которой мы сидели, когда забирали картины, и все думала, думала, но ничего не могла придумать. Мне и приятно и грустно, а в голове так тихонько гудит, словно там майский

жук. Я чувствую себя очень усталой, а кровь во мне так и кипит. Но я не обращаю на это внимания, так как знаю, что это весна во всем виновата.

На днях к нам приходил Доминик; он живет очень хорошо, и ему принадлежит теперь половина гостиницы "Адлер" в Меране. Он совсем не изменился и все спрашивает про тебя и Алоиза. (Знаешь, Крис, про себя я зову его герром Гарцем, но после того, как я увижу его на этот раз, я буду и в мыслях называть его Алоизом.)

Я получила письмо от доктора Эдмунда; он в Лондоне, так что ты, наверно, видела его. У него очень много пациентов, и некоторых из них он "надеется вскоре прикончить!", особенно одну старую даму, потому что она всегда капризничает, а он не может перечить ей - вот он и недолюбливает ее. Он говорит, что стареет. Когда я кончу писать это письмо, я ему тоже напишу и скажу, что, наверно, мы скоро увидимся, и я думаю, что его это очень огорчит. Теперь уже пришла весна и можно носить больше цветов на могилу дяди Ника. Когда я уеду, Барби будет каждый день носить цветы, чтобы он не скучал по тебе, Крис, потому что все цветы я кладу на могилу за тебя.

Для своей племянницы я купила некрашенных игрушек.

О Крис! Это будет мой самый первый знакомый младенец.

Мне разрешили побыть с тобой только три недели, но я думаю, что раз уж я приеду, то побуду с тобой подольше. Целую свою племянницу, передай привет герру Гарцу (последний раз зову его герром Гарцем) и тебя целую, Крис, крепко, крепко. Твоя любящая Грета".

Кристиан встала, медленно повернулась и, облокотившись на спинку стула, посмотрела на мужа.

В ее внимательном, светлом, немного улыбочивом взгляде была какая-то грустинка, словно этот усердный человек, склонившийся над холстом, на какое-то мгновение перестал быть для нее самым близким, самым дорогим на свете.

- Устала? - спросил Гарц, касаясь губами ее руки.

- Нет, вот только Грета напомнила о весне; весна заставляет желать больше того, что имеешь.

Тихонько высвободив руку, она вернулась к окну. Гарц посмотрел ей вслед, потом, взяв палитру, снова стал писать.

За окном, высоко в небе пролетали пушистые облака; деревья наливались соком, и лопались почки.

А Кристиан думала: "Неужели мы никогда не бываем довольны?"
1900 г.